

БОГИ ДЕМОНЫ И ДРУГИЕ

Р. К. Нарайан

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Р. К. Нарайан

БОГИ ДЕМОНЫ И ДРУГИЕ

Издательство «Наука»
Главная редакция
восточной литературы
Москва
1975

И
Н28

R. K. Narayan
GODS, DEMONS AND OTHERS
London, 1965

Перевод с английского
Ю. С. РОДМАН
Ответственный редактор
А. Я. СЫРКИН

Нарайан Р. К.
Н28 Боги, демоны и другие. Пер. с англ. Ю. С. Родман. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1975.

256 с.

В книге индийского романиста Р. К. Нарайана популярно изложены наиболее распространенные индийские мифы, которые легли в основу национальной культуры, литературы, мировоззрения. Книга рассчитана на широкий круг взрослых читателей.

$Н\frac{70304-170}{013(02)-75}$ 202—73 И

Предисловие

Разипурам Кришнасвами Нарайан вошел в индийскую литературу в середине тридцатых годов и как-то сразу выделился в ней тонким психологизмом, полным отсутствием мелодраматизма и ходульности, мягкой, подчас грустной иронией. Не случайно уже ранние вещи Нарайана напомнили Грэму Грину Чехова. Вот еще несколько слов английского писателя: «Нарайана я считаю одним из лучших романистов нашего времени, пишущих на английском языке».

Наш читатель уже знаком с его творчеством — на русский язык переводились романы «Святой Раджу», «Людоед из Мальгуди», «Продавец сладостей», некоторые рассказы[1]. Это издание знакомит с новой, еще неизвестной у нас гранью творчества Нарайана. Его «Боги, демоны и другие» представляют собой пересказ древнеиндийских легенд. Легенды взяты из широко известных литературных памятников — прежде всего из «Махабхараты», «Рамаяны», пуран. Об этих произведениях читатель сможет прочесть в любом очерке древнеиндийской литературы, говорит о них ниже и сам Нарайан. Здесь хотелось бы лишь внести некоторые хронологические коррективы в индуистскую традицию, изложенную в примечании на стр. 14,— коррективы эти, хоть и не бесспорны (таково уж состояние древнеиндийской хронологии), все же представляются полезными. Исследования последнего времени позволяют предположить, что тексты ведийских гимнов складывались в III—II тысячелетиях до н. э. и были кодифицированы в первой половине I тысячелетия до н. э. Грандиозный эпос «Махабхарата», как ни архаичны отдельные его фрагменты, складывался примерно между IV в. до н. э. и V в. н. э.; приблизительно то же можно сказать и о «Рамаяне», хоть последняя, вероятно, несколько уступает в древности «Махабхарате». К «Рамаяне» традиционно примыкает

[1] Есть и работы о его творчестве — например, предисловия Н. М. Демуровой к названным переводам («Святой Раджу», М., 1961, стр. 5—18; «Людоед из Мальгуди», М., 1964, стр. 5—14), статья Е. Я. Калинниковой (сборник «Современная индийская проза», М., 1962, стр. 347—385).

поэма «Йогавасиштха», также приписывавшаяся Валмики, но созданная, по всей видимости, позже (хоть и не позднее IX в. н. э.). Пураны начинают складываться скорее всего в первых веках н. э., в частности, есть основания датировать «Шива (иначе „Вишну") пурану» периодом около IV—VI вв., а «Деви-бхагавата (иначе „Бхагавата") пурану» — около X в. В качестве источника автор, сам тамил, привлек и один из ранних памятников тамильской литературы — поэму «Шилаппадикарам», созданную, можно полагать, на рубеже II—III вв. н. э.

Прежде чем приступить к повествованию, Нарайан приводит некоторые сведения о классической индийской культуре — о созданных ею ценностях, о мифологических представлениях, о характерных чертах древнеиндийских легенд. Сведения эти весьма полезны для лучшего понимания последующих частей и значительно облегчают задачу нашего предисловия. Предпринимая пересказ древнеиндийских мифов, автор — что опять-таки представляется весьма удачным — поступает в соответствии с одной из важных их функций: речь идет о хорошо известной тенденции к назидательности. Самые различные литературные жанры в Индии издавна принято было рассматривать прежде всего с точки зрения их познавательной ценности, их способности наставить читателя. В духе этого отношения Нарайан останавливается на мифах и героях, наиболее полно выражающих мир ценностей древнего индийца. Автор отдает дань еще одной традиции: пересказ он ведет от лица своего современника, старого деревенского брахмана — правоверного индуиста, не чуждого, впрочем, интереса к достижениям современной цивилизации. Писатель, по собственным словам, не раз слушал подобные рассказы из уст ученых пандитов, послуживших прототипом для его «рассказчика». Так Нарайан как бы следует древней манере передачи легенд — ведь и сама «Махабхарата» была, согласно преданию, рассказана некогда мудрецам возницей Уграшравасом, который в свою очередь выслушал ее от Вайшампаяны, ученика Вьясы. Читатель получает, таким образом, некоторое представление и о сохранившейся по сей день многовековой устной традиции. Он может быть уверен и в том, что Нарайан — последнее звено в этой традиции — строго следовал сюжетной канве повествования (об этом писатель специально предуведомляет его). Не случайно, встретившись в легенде о Шакунтале с разными версиями — «Махабхараты» и одноименной драмы Калидасы, автор счел своим долгом остановиться на обеих.

Рамки задуманного труда позволили Нарайану использовать лишь ничтожную часть древних поэм, строфы которых исчис-

ляются пяти- шестизначными цифрами. Тем сложнее была задача автора, и тем удачнее достигнутый результат. Мы встретим здесь героев, чьи имена давно стали нарицательными и поныне окружены любовью и популярностью в народе,— стойкую Драупади, самоотверженного Шиби, преданную супружескому долгу Савитри, классическую пару любящих —Налу и Дамаянти. Легенды, отобранные Нарайаном, знакомят не только с людьми, но и с идеями и проблемами, волновавшими этих людей, а по справедливому мнению автора — не только их, но и нас. Так, рассказ о Лаване, поводом к которому служит известие о космическом полете, ставит проблему относительности ощущения времени. Примечательна в этом отношении и легенда о Валмики (соотношение «мифологического» времени и времени, непосредственно переживаемого героем). Едва ли не определяющее значение для понимания ряда индийских этико-философских систем имеет проблема сознательного изменения человеком своего внутреннего мира, своей психики — ее раскрывают предания о Чудале, о Вишвамитре. Здесь мы не раз встретим и столь дорогие для древнеиндийской этики идеи преодоления привязанности к внешнему миру, отказа от своего «я», самоотречения, с предельной силой выраженные в образах Харишчандры, Шиби. Еще одна деталь, важная для индуистской догматики и одновременно находящая себе параллели в других культурах: достигнув определенной ступени совершенства, супруг Чудалы, царь Шикхидхваджа уже не просто отрицательно относится к чувственным удовольствиям (что по сути дела свидетельствовало бы о его зависимости от них), но безразличен к тому, уступит ли он домогательствам женщины или нет, так как «не видит разницы между этими двумя действиями». Даже «согрешив», он не совершает проступка, ибо свободен от греховных намерений и в известном смысле становится выше традиционного аскетизма. Сходная тенденция прослеживается уже в древнейших этических учениях Индии (например, в ранних упанишадах около середины I тысячелетия до н. э.). Сказание о Савитри познакомит читателя еще с одним кардинальным понятием индуизма — дхармой. В книге затронута и проблема поэтического творчества, соотношения литературы и жизни — об этом говорит история Валмики, легендарного творца «Рамаяны».

«Мой метод работы,— поясняет автор,— состоял в том, чтобы относиться к мифам, как к реальной действительности... писать так, как я писал бы любые другие рассказы о жизни окружающих меня людей». В результате древние эпические персонажи даже в самых сверхъестественных своих проявлениях предельно

очеловечены. Нарайан как бы раздвигает жесткие рамки типизации, очерчивающие древнеиндийских литературных героев,— каждый из них, не переставая служить символом определенных идей и качеств, приобретает живую индивидуальность, непосредственность. Это достигается и меткими бытовыми штрихами, и речевыми интонациями, и мастерски введенными ремарками рассказчика, и самой наивно-бесхитростной манерой его повествования,— передает ли он лирическую беседу Налы с лебедем, напряженный диалог Шакунталы с царем или трагическую историю Харишчандры. И еще одной чертой наделил Нарайан образы «богов, демонов и других» — древних индийцев, рисуя их, словно окружающих его людей. Здесь, как и в других книгах писателя, снова проявился дар тонкой иронии. Она пронизывает рассказ о рождении Махиши, его беседу с приближенными, сцену между Вишвамитрой и запускаемым в небо Тришанку, картину подвижничества Тараки, историю замужества Драупади, даже драматический торг между Шиби и ястребом — подобный перечень легко продолжить. При этом Нарайану ни разу не изменяет чувство меры и такта. Юмор его неизменно мягок, подчас едва уловим и отнюдь не ставит под сомнение пиетет, с которым автор в лице рассказчика-брахмана относится к вдохновившим его источникам. Здесь нет ни плоского рационализма, ни тона превосходства, ни тем более насмешек, с которыми принято подчас разбирать старинных авторов, не имевших счастья знать то, что знают их критики. Подход Нарайана к пересказу индуистских легенд кое в чем напоминает манеру простодушно-лукавой импровизации на канонические темы, отличающую (при всем своеобразии талантов) и некоторых мастеров новой западной литературы — вспомним новеллы из «Перламутрового ларца» Анатоля Франса, страницы «Иосифа и его братьев» или «Избранника» Томаса Манна.

Перед читателем книга вдвойне достойная внимания. Она знакомит с характернейшими идеями и образами древнеиндийской культуры, которые сохранили свое значение на протяжении тысячелетий и без знания которых нельзя эту культуру понять. Она написана первоклассным мастером слова. Такое единство научно-познавательного и художественного начал свойственно скорее некоторым жанрам древних литератур с их синкретизмом, в наши дни оно стало редкостью. И если искать подобное сочетание в литературе современной Индии, то вряд ли найдется лучший пример, чем книга Нарайана.

А. Я. Сыркин

Несколько рассказов, помещенных в этой книге, обязаны своим возникновением «Махабхарате», к ним относятся: «Яяти», «Драупади», «Нала», «Савитри», «Шакунтала», «Харишчандра» и «Шиби». Три рассказа взяты из «Рамаяны»: «Вишвамитра», «Равана» и «Валмики». Источником «Лаваны» и «Чудалы» послужила «Йогавасиштха», «Деви» — «Девибхагавата пурана» и «Манматхи» — «Шива пурана». «Непарный браслет» заимствован из тамильского эпоса «Шилаппадикарам».

Мир рассказчика

Без него нельзя представить себе индийскую деревню, которая до сих пор почти не затронута новыми веяниями. Ближайшая железнодорожная станция находится километрах в шестидесяти, и добираться до нее надо на случайных автобусах, проходящих по шоссе, до которого напрямик через канал не меньше часа ходьбы. Около сотни беспорядочно разбросанных домов, пять-шесть кривых улочек, надежно отгороженных от всего остального мира. На запад от деревни, вплоть до лесистых склонов горы, тянутся рисовые поля. В соседнюю деревню, до которой всего три мили, должны провести или уже провели электричество; воду берут из открытого колодца на главной деревенской площади. Целый день мужчины и женщины трудятся в поле: копают, пашут, пересаживают или собирают урожай. В семь часов вечера (или уже во второй половине дня, если разнесся слух, что в окрестностях появился тигр-людоед) все дома.

Посторонний наблюдатель может подумать, что жители деревни тоскуют по благам цивилизации, но им самим кажется, что отсутствие этих благ — не такая уж большая потеря, потому что они живут, как в заколдованном сне. И навевает этот сон рассказчик — исполненный достоинства старик, который ютится на краю деревни в доме, где жили его отец и дед и откуда он почти не выходит, разве что на небольшой огород позади дома, или в такой же маленький сад с несколькими кокосовыми пальмами прямо перед домом, или, совсем уж в исключительных случаях, к кому-нибудь из своих односельчан, если этого требуют его обязанности священника. Днем он обычно сидит, поджав ноги, на прохладном глиняном полу своего жилища и, выпрямив спину, внимательно читает объемистый фолиант на санскрите, который покоится на специальной деревянной подставке, или

разбирает древние письмена, наклонив пальмовый лист к свету, льющемуся сквозь дверной проем. Если люди, закончив рабочий день на полях, хотят послушать его рассказы, они молча собираются перед его домом, чаще всего в такие вечера, когда лунный свет блестит на листьях кокосовых пальм.

Тогда он метит лоб священным пеплом и заворачивается в длинный шарф, а его помощники выносят на веранду вставленное в рамку изображение кого-нибудь из богов, пристраивают его на особом возвышении, украшают венками жасмина и окуривают благовониями.

Когда все приготовления закончены, появляется сам рассказчик и усаживается перед светильниками; в такие минуты он выглядит величественно и внушает благоговение. Он начинает с молитвы и молится до тех пор, пока к нему не присоединяются все присутствующие и долина не оглашается громкими песнопениями, заглушающими крики шакалов. В былые времена его рассказы сопровождались игрой на музыкальных инструментах, но сейчас он может рассчитывать только на себя.

— Кино отняло у нас всех скрипачей и певцов; кто теперь захочет стоять за спиной старика и заполнять музыкой паузы в его рассказах,— говорит он.

Но на самом деле рассказчик не так уж страдает от отсутствия помощников и дублеров, потому что не очень в них нуждается; ведь он знает наизусть все 24 тысячи строф «Рамаяны», 100 тысяч строф «Махабхараты» и 18 тысяч строф «Бхагаваты». И если он держит перед собой раскрытую книгу на санскрите, то главным образом для того, чтобы подкрепить свои слова ссылкой на авторитет.

Пандит (как называют рассказчика) обычно очень стар; его привычки и весь его облик сложились под влиянием традиций тысячелетней давности, поэтому его одежда, как правило, состоит просто из двух кусков хлопчатобумажной материи. (Правда, иногда оказывается, что он прекрасно знаком с современной жизнью благодаря внимательному чтению пачки газет, которую ему днем по четвергам приносит почтальон, раз в неделю доставляющий почту в деревню.) Брея голову (только в те дни, которые ука-

заны в календаре), он оставляет на макушке небольшой хохолок, потому что в древних священных книгах, шастрах, написано, что у мужчины должно быть столько волос, сколько он может продеть сквозь серебряное кольцо, которое он носит на пальце, и вы можете не сомневаться, что у него на пальце есть серебряное кольцо, потому что об этом тоже написано в шастрах. Шастры определяют все его существование, поэтому он не может жить в современном городе — это значило бы покинуть дом, где его предки неукоснительно делали все, что предписывается шастрами. Дважды в день он совершает омовение у родника и трижды в день молится, обратив лицо на восток или на запад в зависимости от времени суток; он выбирает пищу в соответствии с указаниями календаря, каждый пятнадцатый день соблюдает полный пост и разговляется зелеными бобами, сваренными в соленой воде. Время, свободное от молитв или сосредоточенных раздумий, он проводит за книгами.

Его детям такая жизнь, конечно, не могла показаться особенно привлекательной, они избрали иной путь и разъехались в разные города на заработки. А сам он живет на то, что дают два акра земли и несколько кокосовых пальм, и на подарки, которые ему подносят в благодарность за труды, когда многочисленные злоключения героя подходят к счастливому концу или когда бог является на землю в образе новорожденного младенца или женится на богине. Пандит живет в согласии с самим собой и со всем миром. Он свято верит в непогрешимость вед, которые начал изучать семилетним мальчиком. Двенадцать лет своей жизни он потратил только на то, чтобы научиться правильно их читать. А кроме того, он овладел всеми тайнами грамматики санскрита, значения слов и разделения слов на слоги.

Даже в своей повседневной жизни он постоянно ссылается на авторитет вед, потому что в них содержатся не только молитвы и стихи, но и наставления, касающиеся самых простых дел. Если, например, ему кажется, что его слушатели в ответ на шутку смеются слишком долго и громко, он тут же приводит соответствующий стих, из которого следует, что, освежая душу смехом, не следует делать это чересчур назой-

ливо, чтобы не уронить своего достоинства. Он, не стесняясь, выговаривает тому, кто запускает пальцы в голову, и ссылается на соответствующее место в ведах, где говорится, что, испытывая зуд, человек должен подождать, пока он останется наедине с самим собой, а затем воспользоваться кончиком оленьего рога, а отнюдь не своими ногтями. Пандит совершенно убежден в том, что веды были созданы дыханием бога и что в них содержится все, что нужно знать человеку для спасения своей души, в каких бы обстоятельствах он ни оказался.

Даже легенды и мифы пуран, восемнадцать из которых особенно важны, представляются ему не чем иным, как подтверждением моральных и нравственных принципов, изложенных в ведах.

— Тот, кто не знает вед, не может постигнуть смысл наших мифов,— часто говорит он.

В мире все взаимосвязано. Рассказы, священные книги, трактаты по этике и философии, грамматика, астрономия, семантика, мистика, правила поведения — все это элементы, из которых слагается жизнь, и все они равно необходимы для ее всеобъемлющего понимания. Литература — это не какая-то отъединенная, не связанная с остальными область знания, предназначенная для возвышения душ избранных, а универсальное средство передачи мыслей и чувств с помощью художественных образов, восприятие которых одинаково доступно грамотным и неграмотным. Истинно литературное произведение воздействует на человека множеством разных способов: любую строфу из «Рамаяны» можно положить на музыку и спеть; изобразить в лицах, превратив в прекрасную драму; изучить, разбирая каждое слово, чтобы оценить все тонкости языка и грамматики, или постараться постигнуть ее тайный смысл, тщательно отделив главное от второстепенного.

Герои эпосов — это прототипы или модели, по которым было создано все человечество, они остаются образцами для подражания на веки веков. В каждом рассказе заключен глубокий философский смысл и некое морально-этическое назидание, которое учит различать добро и зло. Для рассказчика и его слушателей мифы — это не столько литературные памят-

ники минувших времен, сколько сказания о жизни их отдаленных предков, деяния которых были исполнены такого глубокого смысла, что являются составной частью истории всего человечества. Во всех мифах добро непременно торжествует; трагедия, как ее понимали греки, в индийской мифологии невозможна: пока сцена усеяна трупами, занавес не опустится. Даже если зло в какой-то момент одержало победу, страдания кротких и праведных временны, это знает каждый. В конце концов справедливость восторжествует: если не сейчас, то через тысячу лет или через десять тысяч лет; если не в этом мире, то в каком-нибудь другом.

В индийских мифах время и пространство безграничны; при таких масштабах каждое событие видится в особой перспективе. Страдание неизбежно, так же как неизбежно действие; более того, оно оправданно, так как только ценой страдания можно искупить последствия некоторых действий, тех, что предопределены законом кармы и должны быть совершены каждым человеком при каждом его рождении. Сильный человек, наделенный злой волей, бесстрашно творит зло, пока его собственные деяния не приводят его к гибели. Зло таит в себе самом хитроумно скрытый механизм саморазрушения, который всегда срабатывает. Каким бы неодолимым ни казался демон, его собственные дурные склонности с каждой минутой приближают его неизбежный конец — на редкость светлая, утешительная философия, находящая живой отклик у нашего народа, который никогда не спрашивает:

«Сколько еще, о, сколько же еще должны мы ждать, чтобы увидеть крушение зла?»

Герои индийских мифов живут по особому календарю, в котором тысячи и десятки тысяч лет проносятся, как день; они совершают свои подвиги во многих мирах, видимых и невидимых. Однако в сравнении с еще большими масштабами актов творения и разрушения эта безмерная протяженность во времени и пространстве не кажется такой исключительной. У четырехликого бога Брахмы, творца Вселенной, который в состоянии глубокой задумчивости покоится на ложе из лепестков лотоса и одним лишь усилием

воли создает все, что мы видим вокруг, своя мера дня и ночи. Пробуждаясь, он в первую половину суток создает Вселенную, которая проходит в своем развитии четыре четко разграниченные стадии, называемые югами *. Затем Брахма засыпает, и все, что он создал, разрушается. После двенадцатичасового сна он вновь просыпается, процесс созидания возобновляется, и снова проходит полный цикл из четырех стадий.

Жизнь самого Брахмы продолжается сто небесных лет; к концу этого срока он погибает — творение и творец превращаются в прах. Солнце и звезды гаснут, океан выходит из берегов и затопляет сушу. Огромные массы воды в свою очередь испаряются и исчезают. Наступает великое безмолвие и абсолютный мрак, Вселенная обращается в ничто. Этими космическими переворотами управляет Верховный бог, неподвластный времени и переменам, для которого между созданием и уничтожением мира проходит один миг. Зовут его Нараяна, Ишвара или Махашакти. Он является источником всех видов деятельности, создателем философии, священных книг, рассказов, богов и демонов, героев и эпох, и он же уничтожает то, что сам породил.

Для осуществления некоторых своих замыслов он нисходит в реальный мир в образе трех богов: Брахмы, Вишну и Шивы, каждый из которых имеет

* Каждая юга длится 3000 лет по небесному времени; так как один небесный год равен 3600 земным годам, четыре юги составляют 43 200 000 земных лет. Для каждой из четырех юг — Криты, Треты, Двапары и Кали — характерно определенное соотношение сил добра и зла. Критаюга — это время повсеместного торжества справедливости. Во время Третаюги справедливость убывает на одну четверть, но жертвоприношениям и обрядам придается большее значение, чем прежде. Религия перестает быть духовной потребностью и превращается в средство для достижения определенных практических целей. Жизнь постепенно становится менее суровой. Во время Двапараюги справедливость уменьшается вдвое. Часть людей изучает четыре веды, часть — три, часть — две, а некоторые ни одной. Благонравие встречается все реже, а обрядов становится все больше, на людей обрушиваются болезни и другие бедствия. Во время Калиюги справедливость, добродетель и благонравие полностью исчезают. Люди пренебрегают обрядами и жертвоприношениями, считая их предрассудками. В мире воцаряются злоба, печаль, голод и страх, а правители ведут себя как разбойники с большой дороги, стараясь любым способом захватить власть и богатство.

свой круг обязанностей. Брахма — творец, Вишну — защитник, Шива — разрушитель. Эти три бога играют важную роль в индийских мифах, так же как бесчисленные младшие боги (во главе с Индрой) и великое множество богов — носителей злых сил: асуров и ракшасов, которых называют демонами. Столкновения всех этих божеств друг с другом, их сложные взаимоотношения в разных мирах определяют сюжет и стиль рассказов, собранных в этой книге.

Сначала все они существовали только как устные предания, но с течением времени появились письменные памятники. Начинаются индийские мифы, как правило, с какого-нибудь общего вопроса, который любознательный герой задает своему более просвещенному собеседнику. Основное содержание «Рамаяны» составляет ответ мудреца Нарады на вопрос Валмики (который потом записал эту эпическую поэму): «Кого можно считать совершенным человеком?» Нарада услышал рассказанную им историю от Брахмы, а Брахма — от самого Великого бога, рассказавшего ее на совете богов. Так каждый миф восходит ко все более и более удаленному источнику и в конечном счете приписывается Главному рассказчику, который обычно считается очевидцем события *. От него повествование распространяется концентрическими кругами, как зыбь по воде, и доходит в конце концов до деревенского пандита, который пересказывает его детям, так что 90 процентов всех мифов знают, ценят и понимают все жители Индии независимо от того, умеют они читать и писать или нет (вопрос этот даже не возникает).

Все знают, что может совершить герой с помощью бога и какой конец ожидает демона. Но в мифах за-

* При попытке установить даты создания «Рамаяны», «Махабхараты» или пуран, книг-прародительниц всей индийской мифологии, исследователю приходится иметь дело скорее с геологическими эпохами, чем с историческими. Относительно вед распространено мнение, что они существовали вечно, так же как бог, дыхание которого придало им соответствующую форму, о чем говорилось выше. У них нет начала и не будет конца. О древности пуран можно судить по тому, что они упоминаются в Ведах. Некоторые специалисты по санскритской литературе считают, что «Махабхарата» была создана в 3000 году до н. э., а «Рамаяна» еще раньше.

ключена такая неистощимая жизненная сила, что люди готовы слушать их бесчисленное множество раз; в Индии ни одному человеку не придет в голову сказать: «Довольно, я уже слышал этот миф». Сколько бы индусы ни слушали мифы и сколько бы ни читали их, они готовы размышлять над ними снова и снова, потому что мифы помогают им постигать тайны жизни, смерти и судьбы.

Действие мифов начинается обычно в каком-нибудь живописном месте: в тенистой роще на берегу реки или в уединенной ашраме * среди леса, где собрались мудрецы, окончившие долгое покаяние, которое принесло желанные плоды. Появляется путник. После обычных приветствий мудрецы спрашивают его: «Откуда ты идешь? Что достопримечательного произошло во время жертвоприношения у такого-то и такого-то царя? Поведай нам то, о чем стоит поведать». И путник начинает свой рассказ. Так, странствующий ученый Саути, блуждая по лесу, оказался вблизи незнакомой ашрамы и в ответ на вопрос мудрецов рассказал «Махабхарату». И он же сообщил мудрецам, что Вьяса (автор «Махабхараты») продиктовал весь этот рассказ своему секретарю, которым был не кто иной, как Ганеша, бог с лицом слона, согласившийся записывать рассказ Вьясы при условии, что тот не будет запинаться или останавливаться. Вьяса принял это условие и диктовал так быстро, что Ганеше пришлось сломать один из своих бивней и использовать его вместо палочки для письма, чтобы побыстрее выцарапывать буквы на пальмовых листьях. Слоноликий бог и сейчас изображается с одним целым бивнем и с одним — правым — обломанным.

Во всех индийских мифах есть некоторые общие черты. Мудрецы обычно проводят жизнь в лесу, стремясь возвысить свой дух с помощью суровых покаяний и сосредоточенных размышлений (тапас). Демоны тоже налагают на себя тяжелые епитимьи и приобретают необычные, сверхъестественные способности, которые позволяют им терзать не только людей, но и богов до тех пор, пока не является избавитель и не лишает их жизни. В этой книге к таким су-

* Ашрама — обитель отшельников.

ществам относятся демоны Равана из одноименного рассказа и Тарака из рассказа «Манматха».

Цари, как правило, ведут деятельную жизнь. Они воюют, стремясь расширить свои владения, что является их законным правом. Царь управляет подданными в строгом согласии с правилами, изложенными в шастрах. Иногда он отступает от них и попадает в беду (как братья Пандавы из рассказа «Драупади», которые питали слабость к игре, или Нала, герой одноименного рассказа, страдавший тем же недугом). А иногда царь отправляется на охоту и, растеряв свою свиту, попадает в такое положение, что ему приходится изменить всю свою жизнь («Харишчандра» и «Шакунтала»).

Не менее часто встречаются в мифах эпизоды, связанные со сваямварой. Эта торжественная церемония, во время которой принцесса, достигшая совершеннолетия, выбирает мужа, является большим событием в жизни царского дома. Во все стороны рассылают глашатаев, которые объявляют о намерении принцессы выйти замуж. Самые достойные принцы со всех концов страны съезжаются в столицу и занимают места в зале собраний. В назначенный час посредине зала появляется принцесса; держа в руке гирлянду цветов, она оглядывает присутствующих и отдает гирлянду своему избраннику. Сваямвара играет важную роль в таких рассказах, как «Драупади», «Валмики» и «Нала».

В то время как дурные люди стремятся только к богатству и к власти, ревнители высоких идеалов в поисках бесконечного существования отказываются от всего, что у них есть, включая собственное «я» («Чудала», «Яяти»). Самоотречение вообще считается в Индии наиболее действенным средством достижения высших ступеней жизни, и на определенных стадиях к нему прибегают все добродетельные герои.

Так как назидательность всегда воспринималась в Индии как положительное качество, каждый миф непременно содержит какое-нибудь поучение, подобно совершенному цветку, обладающему не только красивой формой, но и приятным запахом.

Я включил в этот сборник только те мифы, в которых рассказывается о людях, отличающихся каки-

ми-нибудь замечательными свойствами. Я считаю, что человек остается человеком независимо от окружения и обстоятельств и что характерные особенности той или иной эпохи или той или иной литературы связаны прежде всего с человеческими характерами независимо от того, идет ли речь о 3000 годе до н. э. или о 2000 годе н. э. Я хотел представить в этой книге как можно более разнообразную галерею персонажей, чтобы дать наиболее полное представление об индийской мифологии в целом. Как указано в кратком вступлении к каждой из пяти частей книги, рассказы этого сборника сгруппированы по темам или по отличительным признакам главных героев; например, рассказы об идеальных правителях или о добродетельных женах.

Прежде чем остановить свой выбор на том или ином мифе, я несколько раз слушал, как его рассказывают разные пандиты, похожие как две капли воды на тех, которых я описал выше, а потом сверял свою запись с оригиналом, который мне прочитывал кто-нибудь из знатоков санскрита, но хоть я и старался возможно точнее следовать оригиналу, собранные здесь рассказы ни в коей мере не могут считаться переводами. Прежде всего потому, что я вынужден был пропускать многочисленные теологические и нравоучительные отступления, которые иногда растягивали пересказ одного мифа на два-три вечера, если пандит задерживался на каком-нибудь особенно интересующем его вопросе и отклонялся от повествования, чтобы высказать свое недовольство очередными нововведениями или изложить свои философские взгляды; я должен был строго придерживаться сюжетной канвы хотя бы для того, чтобы эта книга не превысила ее нынешнего размера. Что же касается моего метода работы, то он состоял в том, чтобы относиться к мифам, как к реальной действительности, а потом переписывать их по памяти своими словами, то есть писать так, как я писал бы любые другие рассказы о жизни окружающих меня людей. Чтобы не нарушать сложившихся традиций, я сохранил образ рассказчика, который не принимает активного участия в повествовании, но время от времени дает необходимые пояснения или представляет новое действующее лицо.

Боги, имена которых вы встретите в книге

Ишвара, Нараяна, Махашакти — три имени Верховного бога, жизнь которого не имела начала, не знает перемен и не будет иметь конца. Его продолжатели в сфере земной жизни составляют триединство:

1. Брахма — творец, прародитель всех живых существ; передвигается верхом на лебеде. Его супруга — богиня знаний Сарасвати. Среди его многочисленных потомков наибольшей известностью пользуются семь риши, бог мудрости Брихаспати, Праджапати и Дакша.

2. Вишну — защитник; пребывает в своем собственном мире, Вайкунтхе. Его супруга — богиня благосостояния Лакшми. Всякий раз, когда силы зла грозят миру уничтожением, Вишну в облике какого-нибудь животного или человека (воплощения Вишну называются аватарами) спускается на землю и спасает людей от гибели. В индийской мифологии описывается девять аватар Вишну; наиболее значительные из них — Рама, герой «Рамаяны», и Кришна, который помог Пандавам, героям «Махабхараты», одолеть их коварных двоюродных братьев. О рождении Кришны и ранних годах его жизни рассказывается в «Бхагавате».

3. Шива. Широкий круг деятельности этого сурового бога определяется словом «разрушение». Его супруга Парвати пребывает на горе Кайласе. У Шивы два сына: Субрахманья, уничтоживший демона Тараку, и Ганеша, бог с головой слона, записавший «Махабхарату» под диктовку Вьясы; считается, что молитва, обращенная к Ганеше, устраняет любое препятствие.

Индра — царь младших богов, число которых доходит до 33 000 000.

Варуна — повелитель морей и океанов, воздуха и воды.

Агни — бог огня.

Яма — бог смерти и справедливости.

Сурья — бог солнца.

Ашвины — сыновья-близнецы солнца или неба, одаренные вечной молодостью, красотой и жизнерадостностью.

Ваю — бог ветра, отец Бхимы (из «Махабхараты») и Ханумана (из «Рамаяны»).

Кама (Манматха) — бог любви.

Кали и Двапара — младшие богини, каждая из которых господствует в определенную эпоху (югу), названную ее именем.

Часть первая

Лавана
Чудала
Яяти

В этих трех рассказах, которыми начинается книга «Боги, демоны и другие», речь идет о «других»; боги играют в них незначительную роль. Каждый из рассказов связан с осмыслением одной из сторон духовной жизни человека: в «Лаване» это познание природы времени, в «Чудале» — изменчивости внутреннего мира, в «Яяти» — извечная тема поисков непреходящей молодости.

Лавана

В тот день пандит изменил своему обыкновению: вместо того чтобы разбирать письмена на пальмовом листе, он читал газету. Вокруг стояла тишина, небо было ярко-голубым, его любимый теленок, привязанный к колышку рядом с домом, жевал клочок сена, который старик бросил ему в корыто. Пандит отложил в сторону газету, снял с носа очки и сказал:

— Я позволил себе потратить немного времени на то, чтобы прочесть отчет о человеке, которого запустили в космос, чтобы он облетел вокруг Земли. Странными вещами занимаются люди на Западе! Ведь этот человек, вместо того чтобы дожидаться, пока Земля повернется к Солнцу или наоборот — от Солнца, сам летит вокруг нее и создает свое чередование дня и ночи. У нас от зари до зари проходит двадцать четыре часа, а у него, может быть, полдня или два дня, кто знает. Это событие заставило меня снова задуматься о том, что такое время. Что такое один день? Что такое два дня? Целая жизнь? Чтобы пояснить свою мысль, я расскажу вам сейчас о Лаване.

Существовало некогда (продолжал он) древнее государство Уттар Пандава, правителем которого был Лавана. Земли его славились богатством и красотой. Лавана был доволен своими подданными, а подданные были довольны своим царем. Каждый день после полудня царь принимал в зале собраний министров, секретарей, гостей и просителей — такой у него был заведен порядок. Однажды в зале собраний появился неизвестный человек. У него было изможденное лицо и босые ноги; священные знаки на лбу и редкостный кашмирский платок говорили, что он принадлежал к уважаемым людям. На его запястье поблескивал золотой браслет, украшенный драгоценными камнями, а на шее на золотой цепочке висели массивные четки. Длинные седые волосы ниспадали с его головы до самых плеч, и тем, кто смотрел на него, становилось страшно. Его усадили среди ученых мужей.

Царь не мог отвести от него взгляд.

— Кто это? — спросил он у министра.

— Это волшебник, он просит аудиенции.

— Пусть подойдет.

Волшебник подошел к царю и произнес цветистое приветствие.

— Что ты умеешь делать? — спросил царь.— Я хотел бы увидеть что-нибудь новое.

— Я покажу вам нечто такое, о чем никто не смел и думать.

Лавана недоверчиво усмехнулся.

— Я уже видел, как под полотенцем вырастает манговое дерево,— сказал он.— Это зрелище меня больше не привлекает.

— Речь идет совсем об ином, государь.

— Мне не хочется смотреть на висящую в воздухе веревку, по которой кто-то карабкается на небо.

— Этот фокус хорошо известен, он только нагоняет скуку. Я не стал бы навязывать его вашей милости.

— Я уже насмотрелся на дохлых кобр и на оживающих мангустов, которые на них набрасываются.

— Я проделывал эти штуки восьмилетним мальчиком. Я не посмел бы предложить такое убогое развлечение столь высокому собранию.

— Неужели ты покажешь нам что-нибудь новое? Я терпеть не могу смотреть на женщин, которых перепиливают пополам, и на мужчин, которые воспаряют к потолку. Мне до смерти надоели все эти трюки.

— Пусть ваша милость прикажет отрубить мне голову, если я не смогу показать ничего более интересного.

— С какой стати? Разве ты совсем не дорожишь своей головой, что готов так легко с ней расстаться?

— Нет, ваша милость, просто я знаю, что могу предложить вам совсем иное развлечение.

— Если это окажется правдой, тебя ожидает самая высокая награда. Ну что ж, приступай. Неси свой мешок.

— У меня нет мешка.

— Это хороший знак. Значит, у тебя нет мешка со всякими таинственными побрякушками. Что же у тебя есть?

— Только это,— сказал волшебник, указывая на свои широко открытые глаза.

— Что, что? — переспросил царь, вглядываясь в его лицо.

Как только глаза Лаваны встретились с глазами волшебника, все вокруг переменилось. Царь больше не видел первого министра, всегда стоявшего справа от него; парадный зал с коврами и золотыми колоннами словно растворился в воздухе. Исчез даже трон, на котором он сидел. Царь оказался один в широком поле, на котором пасся иссиня-черный конь с развевающейся гривой и с длинным хвостом, волочившимся по земле. Глаза у коня сверкали, рот был покрыт пеной. Он прыгал, скакал и рыл землю копытом. Царю казалось, что конь дразнит его. И тут он услышал, что говорит самому себе: «Если я не сумею поймать и укротить этого коня, грош мне цена».

Царь осторожно приблизился к коню, но тот отпрянул, гордо вскинув голову, подождал, пока царь сделает новую попытку, и опять прыгнул в сторону. Царь увлекся этой игрой и не заметил, как далеко он ушел. Конь привел его за собой в какие-то незнакомые места. В конце концов царя обуял гнев, он сделал неожиданный прыжок, схватил коня за пышную гриву и вскочил ему на спину. Конь стремительно бросился вперед. У царя засвистело в ушах, а конь перешел с рыси на галоп и несся так, будто ему ничто не было помехой: ни земля, ни воздух, ни поля, ни деревья. Он разрезáл грудью воздух и мчался сквозь густые заросли, между деревьями, перелетал через изгороди, скакал по долинам и лугам.

Ослепленный Лавана с трудом дышал и изо всех сил прижимался к лошади. Он сжал пятками ее бока, обхватил руками ее шею и распластался у нее на спине. Конь мчался не только по земле, он то и дело поднимался в воздух, и тогда ветви деревьев били Лавану по голове. Увидав сук, который грозил расцарапать его лицо, он выбросил вперед руки и вдруг почувствовал, что висит высоко над землей и цепляется за пустоту.

«Что за странные вещи творятся со мной! — промелькнуло у него в голове. — Где я?» Он не видел под собой ничего, кроме зеленой бездны, и не представлял, где бы он очутился, разжав руки. Лавана дотянулся до двух перекрещивающихся веток дерева и

сел. Сколько он так просидел, он не помнил. Взглянув вверх, он увидел у себя над головой семью обезьян. Отец лежал на спине, мать искала у него вшей, а малыш резвился на ветках; родители то и дело хватали его за хвост и притягивали к себе, боясь, как бы он не упал. Вдруг все они застыли и устремили взгляд на пришельца. Лаване казалось, что в их глазах таится насмешка.

«Они в своем царстве, а я сижу тут, рядом с ними, по недоразумению,— подумал он.— Кто же я теперь? Раньше я был царем. Я обладал властью, у меня был дворец, люди почтительно кланялись, увидев меня, и исчезали, стоило мне нахмуриться, а теперь я оказался на дереве, как будто сам превратился в обезьяну. Наверное, здесь обезьяны важнее царей, и мне придется смириться со своим новым положением. Если я попробую взобраться на следующую ветку, обезьяны вскарабкаются еще выше и все равно будут смотреть на меня сверху вниз. Пожалуй, лучше выбраться отсюда, пока дело не приняло совсем скверный оборот. Я согласен скорее погибнуть там, внизу, чем остаться здесь».

Лавана посмотрел вниз. В диких зеленых зарослях, простиравшихся под ним, его могли подстерегать любые опасности: хищники, готовые проглотить его в один присест, змеи или дикари, которые схватят его и будут терзать. Он разжал руки и полетел вниз. Ветви деревьев немного смягчили удар о землю. Царапины на его лице кровоточили, ноги болели, но он был счастлив, что не видит больше надменных обезьян и не несется на лошади, а стоит на твердой земле. Он не знал, какое направление выбрать и куда идти. Но идти надо было. Лавана помедлил немного и пошел.

Он шел, шел и шел. Когда наставала ночь, он ложился на землю и засыпал. Лавана потерял счет дням; он не знал, откуда и куда он идет и много ли он прошел или мало. Он видел перед собой дорогу и двигался вперед, несмотря на боль в ногах; его одежда превратилась в лохмотья, тело покрылось ссадинами. Его мучил голод и жажда. Когда у Лаваны не хватило сил сделать следующий шаг, он в изнеможении опустился на землю, надеясь, что смерть не заставит себя

долго ждать. Но не из каждого затруднения можно выйти таким способом. Лавана не помнил, сколько он пролежал. Придя в себя, он открыл глаза и увидел, что рядом с ним стоит молодая женщина и с любопытством его разглядывает. Ее тело было прикрыто рваным куском материи, в руке она держала корзинку.

— Кто ты? — спросил Лавана.

— Ой! — удивилась женщина.

— Я хочу есть и пить,— сказал Лавана.— Что у тебя в корзинке?

— Еда, которую я несу отцу, он рубит дрова в лесу.

— Что за еда?

— Самая обыкновенная еда, лакомств у меня нет.

— Я хочу есть! — воскликнул Лавана.— Спаси меня! Я умираю, дай мне хоть кусочек.

— Я несу еду отцу,— решительно заявила девушка.

— Неужели ты меня не пожалеешь?

— Нет, не пожалею,— ответила она.— Кто ты такой?

В эту минуту царь еще помнил, кто он такой.

— Я царь,— сказал он,— то есть я был царем... Все это неважно. Дай мне поесть, я вознагражу тебя, как только вернусь в свое царство.

— Ты может быть и царь,— сказала женщина,— но я не царица... Я принадлежу к самой низшей касте. Мой отец — чандала. Нам запрещено делиться с такими, как ты. Я совершу грех, если дам тебе пищу, оскверненную моим прикосновением. Я не хочу грешить, чтобы потом попасть в ад. Ты кшатрий, а я принадлежу к низшей касте, я чандала.

— Забудь о том, что я произнес слово «царь». На самом деле я тоже чандала. Я просто пошутил. Разве я похож на царя?

— Мне все равно, на кого ты похож,— сказала она.— У меня в корзинке лежит кусок свинины, я сварила ее с диким рисом и с травами, которые нашла в джунглях.

Лавана слушал ее, и рот его наполнялся слюной, хотя она говорила не о таком уж аппетитном блюде.

— Расскажи, пожалуйста, еще что-нибудь об этом куске мяса,— попросил он.

Женщина рассказала, как поймали дикую свинью, мясо которой она приготовила, как несколько человек из их деревни загнали ее, закололи, принесли тушу домой и поделили между собой и как она потом варила мясо, добавив горсть дикого риса, который нашла в поле, как смазывала мясо жиром, вялила его на солнце и хранила в горшке, зарытом в землю.

Царь в отчаянии прервал ее:

— Я умираю! Дай мне поесть.

— Нет,— сказала она.— Я поступаю так, как должны поступать люди моей касты. По нашим законам я не должна предлагать пищу тому, кто принадлежит к высшей касте, и я не нарушу этого закона. Я не хочу попасть в ад. Может быть, ты и умираешь от голода, но я ничем не могу тебе помочь.

Царь стал перед ней на колени.

— Сжалься надо мной! Спаси меня! — молил он.

— Я могу спасти тебя, только если ты сделаешь то, что я скажу. Чтобы сравняться со мной, ты должен на мне жениться, тогда я смогу накормить тебя. Но сначала я должна поговорить с отцом.

Царь обдумал ее слова. Выход, который предложила девушка, показался ему простым, здравым и вполне разумным.

— Я согласен,— сказал он.— Я готов пойти к твоему отцу, но я не в силах сделать ни шагу. Я очень устал.

— Что ж с того, что ты очень устал. Устанешь еще немного, только и всего. А если ты хочешь под этим предлогом отказаться от женитьбы, можешь умирать с голоду.

— О женщина, ты не поняла меня! Я только и мечтаю о том, чтобы жениться на тебе. Я обожаю тебя. Я пойду с тобой.

В самой глубине леса они нашли морщинистого старика, который рубил дрова. Девушка приблизилась к нему и рассказала, зачем она пришла.

— Ты хочешь выйти замуж за этого человека? — спросил старик, бросив взгляд на Лавану.

— Я ни за кого не хочу выходить замуж, но его нужно спасти.

Старик снова посмотрел на царя и спросил:

— Ты хочешь жениться на этой грязнуле? Ты что, не видишь, что она безобразна и неуклюжа, что у нее заячья губа, что она чандала? Ее мать была моей наложницей. Как ее звали, не помню. Но если ты хочешь жениться, я не стану тебе мешать.

— Я хочу есть! — воскликнул царь.

— Она накормит тебя, когда ты станешь ее мужем,— сказал дровосек.

По прошествии некоторого времени жизнь Лаваны устроилась: породнившись со старым дровосеком, он поселился вместе с ним в хижине, крытой пальмовыми листьями. Однажды вечером дровосек умер. На следующий день Лавана с женой похоронили его у себя во дворе, и Лавана стал главой семьи. Чтобы добыть пропитание, он охотился с копьем на лесных животных и сам сдирал с них шкуру. Когда было нужно, ходил в лес за дровами. Скоро Лавана совсем забыл о своем прошлом. Если кому-нибудь случалось спросить, кто он такой, Лавана отвечал:

— Я охотник, кем же мне еще быть, раз я живу в лесу, а эта добрая женщина — моя жена.

Он не замечал перемены, которая произошла в его жизни, так же как не замечал, что его жена чандала и что у нее заячья губа. Он стал ее рабом. Годы шли, и она родила ему четырех сыновей. Одеждой Лаване служила кора деревьев, его отросшие волосы потускнели, а ногти стали похожи на когти.

Неожиданно на те места, где они жили, обрушился голод. Все растения погибли, все пруды высохли. Большинство животных спасалось бегством, а те, которые не могли покинуть этот пораженный голодом уголок земли, падали замертво, и тела их были так иссушены, что на костях нельзя было найти ни клочка мяса, пригодного в пищу. Деревья стояли голые и безобразные, а однажды в бамбуковой роще появился маленький язычок пламени, пожар быстро распространился по всему лесу, и Лаване вместе с семьей тоже пришлось тронуться в путь. Царь нес на голове корзину с остатками своего имущества — охотничьими ножами, копьями, несколькими высушенными шкурами, изношенной одеждой. Его сыновья были уже взрослыми. Он сказал им:

— Я больше не могу вас содержать. Теперь вы должны сами заботиться о себе. Я пойду своей дорогой, а вы идите своей.

Но тут вмешалась жена:

— Как ты смеешь так разговаривать с детьми! Неужели ты так безжалостен, что хочешь прогнать их?

— «С детьми»! — воскликнул царь.— Они привыкли быть детьми. Они давно выросли. Ты что ж, не видишь, что старший уже пожилой человек? А ты все еще считаешь их детьми!

— Да, считаю! — ответила она.— И ты обязан заботиться о них, пока они сами не уйдут от нас. Я хочу, чтобы все мои дети оставались со мной.

Царь не любил трех старших сыновей, которые только и делали, что сидели около матери и развлекали ее болтовней, пока он добывал пищу и носил воду. Но он очень любил младшего, которому к тому времени исполнилось двадцать лет. Так и пришлось им, не разлучаясь, идти дальше.

Они шли и шли без пищи и без воды, пока их большая семья не начала уменьшаться сама собой.

Убедившись, что отец не может добыть пропитание, три старших сына один за другим покинули его. Царь совсем выбился из сил, особенно мучили его укоры жены.

— Ну что ты за человек! — говорила она.— Если ты не в состоянии содержать семью, зачем ты тогда женился? Или ты думал, что детей можно просто так взять и выбросить? Ах ты изверг! Ты прогнал трех моих сыновей. Теперь я даже не знаю, где они.

Царь терпеливо сносил ее попреки. Он только повторял:

— Мы скоро отдохнем. Теперь уже осталось немного. Не может быть, чтобы мы не нашли хоть маленькую зеленую лужайку. Как только мы до нее доберемся и устроимся, я вернусь и разыщу наших сыновей.

Они всё шли и шли, и настал день, когда царь почувствовал, что больше не в силах сделать ни шагу; но тут он увидел, что его сын совсем ослабел и лег на землю. Он наклонился над ним и сказал:

— Соберись с силами, сын! Я скоро добуду какую-нибудь еду.

— Откуда ты ее возьмешь? — шепотом спросил сын.— Здесь ничего нет. Я хочу мяса... вареного... немного мяса.

Он почти бредил.

— Потерпи, сейчас я приготовлю мяса,— сказал царь.— Подожди немного...

Он подошел к жене, которая дремала под деревом, и сказал:

— Я пойду и добуду мяса для тебя и для нашего сына. Побудь здесь полчаса, а потом зайди вон за ту скалу. Ты увидишь там мясо, оно будет уже сварено, вам останется только его съесть. Если у тебя найдется соль, посоли его и потом ешь.

— А как же ты? — спросила она.

Царь был тронут ее заботой. Впервые за много дней она подумала и о нем.

— Не беспокойся обо мне,— сказал он.— Я что-нибудь придумаю. Только ни в коем случае не уходи отсюда, пока я все не приготовлю. Ты скоро увидишь, как по ту сторону скалы загорится костер; когда он погаснет, зайди за скалу, и ты найдешь там готовую еду. А пока спи.

Потом он погладил сына и сказал:

— Скоро ты сможешь поесть. Спи спокойно.— И, уходя, вновь обернулся к жене:— Пусть мальчик наестся досыта. Сколько захочет, столько пусть и ест.

Обогнув скалу, царь собрал кучу хвороста и сухих листьев, высек огонь и зажег костер. Когда сухие ветки начали потрескивать, он крикнул жене:

— Лежи, не вставай! Зайди за скалу, когда огонь погаснет.

С этими словами он прыгнул в костер и снова закричал срывающимся голосом:

— Не бери мясо, пока оно не будет совсем готово! Не забудь про соль!

И тут царь проснулся. Он увидел, что по-прежнему сидит на своем троне в зале собраний. Вокруг него толпились министры. Он обвел их взглядом и спросил:

— Вы все время были здесь?

— Да, государь,— ответили они.— Мы никуда не уходили.

— Ничего не понимаю,— сказал Лавана.— Сколько же это все продолжалось?

— Что именно? — спросил один из министров.

— Сколько я спал?

— Минуту или две, государь, не больше.

— Но я прожил семьдесят лет! — воскликнул царь.— Я прожил целую жизнь в семьдесят лет. Так или нет? — Он снова оглядел зал и громко спросил: — А где же волшебник?

Министры и просители тоже стали оглядываться по сторонам, но волшебника нигде не было.

Чудала

Юный принц Шикхидхваджа любил подвижные игры, спортивные состязания и упражнения с оружием. В шестнадцать лет он предпринял несколько военных походов и значительно расширил владения своего отца. Где бы он ни появился, его принимали с почетом и тут же признавали победителем, если же его встречали иначе, он доказывал свое превосходство силой.

Шикхидхваджа был так поглощен войнами, что женщины для него просто не существовали. Но когда ему исполнилось восемнадцать лет, он начал обращать внимание на капризы погоды, стал наблюдать за птицами и даже научился различать их любовные кличи. Отец заметил, что у сына пробудились новые интересы, и устроил его брак с принцессой Чудалой из царства Саураштры. Убедившись, что Шикхидхваджа и Чудала счастливы друг с другом, он передал власть сыну и удалился в лес.

Для принца началась счастливейшая пора. Чудала была прекрасно образованна, хороша собой и мила; молодые силы били в ней ключом. Вдвоем с принцем они объезжали самые живописные уголки земли, наслаждались музыкой, любовались водопадами, горами и реками; когда они были вместе, красивейшие места, казалось, становились еще красивее, а радостные за-

бавы еще радостнее. Эта нескончаемая цепь удовольствий сближала их все теснее и теснее, они неустанно предавались любовным утехам и искали всё новых наслаждений.

Так проходил год за годом, пока они внезапно не почувствовали, что такая жизнь им прискучила.

— Сколько может длиться этот непрерывный праздник и чем он кончится? — спрашивали они друг у друга.— Мы радуемся, потому что мы молоды, но ведь каждое мгновение безвозвратно уносит частицу нашей молодости. Пора нам подумать о более серьезных вещах.

Горькое чувство пресыщения заставило их отказаться от привычных удовольствий, и они решили начать жизнь заново.

Теперь Чудала посвящала целые дни занятиям науками. Она стремилась познать самоё себя и постигнуть высший смысл бытия, и так как ей удалось дисциплинировать свой ум, она быстро достигла той ступени, на которой возможны просветленность и самосознание. Благодаря этому она обрела истинную безмятежность и ее лицо озарилось новым светом. Шикхидхваджа был поражен происшедшей переменой.

— Откуда это новое сияние? — спросил он.— Может быть, ты больше не моя жена? Может быть, у тебя есть другой муж?

— Время от времени я смотрю на себя в зеркало, но не замечаю никаких перемен,— ответила Чудала.— Передо мной все та же оболочка, скрывающая меня самоё. Но я лучше тебя вижу нечто иное — мое внутреннее «я», которое похоже на свет, излучаемый солнцем, и в то же время на души самых крошечных созданий. Это дает мне покой и ощущение родства со всем, что меня окружает. Радость, которую я испытываю, глядя на облачко,— родная сестра извечной радости, которая живет в самом облачке и в каждом существе на земле.

Она говорила и говорила, пока не увидела, что муж не в силах следовать за ее мыслью. Тогда она поняла, что, хотя они оба решили посвятить свою жизнь духовному усовершенствованию, Шикхидхваджe это не удалось.

Он был добрым, заботливым и справедливым царем, но его душа и ум спали, и это огорчало Чудалу. Она добросовестно выполняла свои обязанности жены, но втайне страдала оттого, что ее муж так простодушен. Подлинный смысл ее слов оставался для него непостижимым. Чудала не отчаивалась. Она знала, что рано или поздно к нему придет настоящее понимание. Поэтому, когда он, по своему обыкновению, говорил: «Ты стала совсем другой», она радовалась, надеясь, что он прозрел, но когда Шикхидхваджа тут же убивал ее радость, добавляя: «Наверное, ты употребляешь какое-нибудь новое притирание», она старалась не обращать внимания на его шутливый тон и продолжала говорить о серьезных вещах. Иногда он начинал хвастаться:

— Я привык мыслить самостоятельно. Я люблю сам делать заключения. Мало найти истину, нужно еще уметь разумно ее применить.

И он пускался в длинные рассуждения на самые общие, неинтересные темы, стараясь заговорить жену. Чудала всегда терпеливо выслушивала его разглагольствования и про себя молилась, чтобы над ним взошла заря мудрости.

Но настал день, когда Шикхидхваджа утратил свое обычное благодушие. Он начал уставать от постоянной борьбы с бурными порывами своего тела. Его все время что-то беспокоило и мучило, и он со стоном повторял:

— Я не в силах размышлять, я не в силах созерцать, мне кажется, что я окружен призраками!

Он пытался найти утешение, слушая чтение священных книг; он собирал вокруг себя ученых мужей и присутствовал на их диспутах; по его приказу устраивались пышные религиозные празднества с жертвоприношениями и громогласно распевались благочестивые гимны. Но когда смолкал весь этот шум, он снова чувствовал себя одиноким и беззащитным.

Шикхидхваджа понял, что не в силах терпеть такую муку, и однажды сказал жене:

— Я больше не могу здесь оставаться, эти стены лишают меня душевного покоя. Я хочу удалиться в лес и предаться своим мыслям.

— То, чего ты не в силах достигнуть здесь, ты не

достигнешь и в лесу,— сказала Чудала.— Откуда ты знаешь, что там тебе будет лучше? К тому же ты царь и у тебя есть обязанности, которыми нельзя пренебречь.

Чудала всячески отговаривала его. Но однажды утром она проснулась и увидела, что кровать рядом с ней пуста: Шикхидхваджа ушел.

Чудала была мудрой и проницательной женщиной, и все-таки разлука с мужем обескуражила ее. Втайне от всех она плакала и горевала, но ее искусство управлять своей душой простиралось так далеко, что ей удавалось мысленно следовать за Шикхидхваджей во время его скитаний по далеким лесам и горам. И хотя ей было тяжело видеть его страдания, она понимала, что он должен идти к истине своим путем.

В отсутствие царя страной управляла Чудала.

Но Чудала кроме всех своих талантов обладала еще умением принимать вид любого живого существа, поэтому однажды она превратилась в молодого аскета и предстала перед мужем, который в поисках душевного покоя бродил как безумный среди лесных зарослей.

— Кто ты? — спросил он, увидев юношу.

— Меня зовут Кумбха,— ответил тот.— Я укреплял свой дух с помощью мудрейших учителей и достиг немалых успехов. Я знаю, что́ тебя мучит. Ты избрал достойную цель, но тебе приходится тратить понапрасну слишком много сил из-за того, что у тебя нет гуру *. Советы достойного гуру помогут тебе добиться того, чего ты желаешь.

— Где же мне его найти?

— Он здесь, ты видишь его перед собой. Воспользуйся же его услугами.

— Ты имеешь в виду себя?

— Да, я пришел, чтобы помочь тебе. Я останусь с тобой столько, сколько ты пожелаешь. Готов ли ты следовать моим советам?

Шикхидхваджа тут же попросил юношу быть его другом, учителем и наставником, и с течением времени царь достиг полного духовного благоденствия. Кумбха объяснил ему, что отказаться от всего, чем

---

* **Гуру** — учитель, наставник.

владеешь, недостаточно. Нужно еще научиться жить только самим собой, чтобы обрести такую уравновешенность разума, которую не в силах поколебать противоборство добра и зла, мук и радостей, потерь и приобретений, ибо человек достигает самообладания, спокойствия и невозмутимости только тогда, когда его духовная жизнь не зависит от внешних обстоятельств. Время от времени Кумбха под каким-нибудь предлогом оставлял своего ученика в одиночестве и возвращался в столицу. Там Чудала-Кумбха вновь становилась царицей и занималась делами государства.

Однажды, вернувшись в лес, Чудала увидела, что ее муж погружен в самадхи *, а тело его истощено до крайности. Хотя она знала, что это верный знак его духовного созревания — так внутри сморщенного, умирающего плода созревает зерно,— это зрелище глубоко огорчило ее. Сколько она ни пыталась вывести его из самадхи, ей это не удавалось. Чудала вернулась в столицу и через несколько дней вновь появилась в лесу, но застала Шикхидхваджу в том же состоянии. Тогда из ее слабого горла вырвался вопль, похожий на львиный рык; он достиг небес и прокатился по лесу, отчего дикие звери, объятые ужасом, обратились в бегство. Но царь не шелохнулся.

Чудала гордилась мужем и в то же время хотела, чтобы он очнулся. Она принялась изо всех сил трясти его, но с таким же успехом можно было трясти срубленное дерево. Тогда Чудала решила прибегнуть к последнему средству. Она переселилась в тело мужа и разбудила его изнутри. Он открыл сначала один глаз, потом другой. Чудала тем временем вернулась в свое собственное тело и снова приняла облик Кумбхи, потом она села поодаль от Шикхидхваджи и стала напевать саман. Эта мелодия редкой красоты успокаивала и радовала царя, пока он постепенно возвращался к земной жизни.

— Ты был поглощен размышлениями,— сказал ему Кумбха,— поздравляю тебя с успехом. Уверен ли ты, что никогда больше не поддашься страсти, негодованию и влечению?

— Да,— сказал Шикхидхваджа.— Теперь я выше

* **Самадхи** — состояние транса.

страстей. Я уверен в себе. Моя душа готова обнять всю Вселенную. Я счастлив и буду счастлив вечно.

— Значит, все страхи позади,— сказал Кумбха.— Настало время тронуться в путь, чтобы посмотреть на мир.

Они побывали во многих странах, бродили по лесам и пустыням. Однажды, когда они отдыхали в особенно красивом уголке, Чудала воспылала любовью к мужу и пожелала насладиться его обществом как женщина. Но она побоялась открыться ему, чтобы не лишить его плодов их совместных усилий.

Тогда Кумбха сказал Шикхидхвадже, что бог Индра призывает его в свой мир по какому-то неотложному делу, и под этим предлогом вернулся в столицу, где превратился в Чудалу, чтобы заняться государственными делами, а через два дня Чудала вернулась к мужу в образе Кумбхи, но на сей раз Кумбха был грустен.

— Я не вижу обычной радости на твоем лице,— сказал Шикхидхваджа.— Ты чем-то огорчен? Скажи мне, что случилось?

— Я попал в беду,— сказал Кумбха.— Ты мой друг, и я расскажу тебе все откровенно. На обратном пути от Индры я встретил мудреца Дурвасу. Мне показалось, что на нем чересчур яркий наряд, и я не удержался, чтобы не подшутить над ним. «О мудрец,— сказал я,— зачем ты нарядился, как девица, которая ловит женихов? Что бы это значило?» Конечно, не нужно было шутить с таким человеком, как Дурваса: во всех мирах известно, какой у него скверный характер. В его глазах засверкал гнев, и он сказал: «Юноша, ты легкомыслен и глуп. Я бы никогда не взглянул в твою сторону, но сегодня ты сам привлек мое внимание, осмелившись оскорбить меня. За это ты поплатишься. Тебя, видно, очень занимают девицы, так вот: отныне и до конца своих дней с заходом солнца ты будешь превращаться в девицу, а с первыми лучами зари вновь становиться мужчиной». И, произнеся это проклятье, он удалился. Что мне теперь делать?

— Ты помогал мне, когда я попал в беду, теперь моя очередь помочь тебе. Не беспокойся. Ничего страшного не случилось. Я всегда буду считать тебя

своим наставником и другом, как бы ни переменилась твоя внешность.

— Для меня это большое утешение,— сказал Кумбха.

— Тебе не о чем беспокоиться,— повторил царь и рассказал Кумбхе о своей философии приятия жизни.

Когда вечер угас и настала пора сумерек, Кумбха извинился и сказал, что больше не может оставаться в обществе Шикхидхваджи. Полускрывшись за перегородкой, он жалобно воскликнул:

— О царь, проклятье сбывается! У меня выросли длинные косы, они украшены цветами и так хорошо пахнут!

Слова Кумбхи не вызвали у царя никакого интереса и не нарушили хода его мыслей.

— Спереди, где раньше мое тело было совсем плоским,— снова заговорил Кумбха,— появились... мне неудобно говорить об этом, но ведь ты мой друг... появились груди, твердые и круглые.

— Ну конечно, так и должно быть,— спокойно и безучастно сказал царь.

— А моя шея украсилась ожерельем. Как сверкают драгоценные камни! Мне хочется, чтоб ты взглянул на меня.

— Эти перемены связаны с твоим новым состоянием,— сказал Шикхидхваджа.— Сами по себе они не имеют никакого значения. Утром ты снова станешь таким, как прежде. И постепенно привыкнешь к тому, что с тобой происходит.

— Моя одежда стала длиннее, она ниспадает до самой земли.

— Тебе следовало этого ожидать.

— У меня изменился голос, ты слышишь?

— Конечно. Раз ты сам изменился, твой голос тоже должен был измениться,— сказал царь, не оборачиваясь.

— Мои бедра стали шире, и — о мой друг, мне страшно! — я превратился в настоящую женщину. Я больше не Кумбха. Говорю тебе, теперь я настоящая женщина. Можно мне выйти к тебе?

— Почему же нет, я вовсе не просил тебя прятаться.

И Чудала предстала перед ним во всей своей красе. Царь посмотрел на нее без всякого интереса.

— Меня зовут Маданика,— сказала она.

— Прекрасно,— равнодушно отозвался он.

Прошло немного времени, Маданика приблизилась к царю и обвила рукой его шею.

— Будь моим мужем,— сказала она.— Если я не достанусь тебе, меня возьмет кто-нибудь другой, так сказал Дурваса. Что нам мешает каждую ночь становиться мужем и женой?

Царь согласился; все, что с ним происходило, не имело для него никакого значения.

— Нам нужно сейчас же пожениться, потому что сегодняшняя ночь особенно благоприятна для заключения брака,— сказала Чудала.— Давай проведем эту ночь как муж и жена.

Они тут же поженились, как это делают гандхарвы *, и провели эту ночь и много других ночей, наслаждаясь самым полным супружеским счастьем.

Чудала видела, что Шикхидхваджа при любых обстоятельствах остается отзывчивым и в то же время невозмутимым. Он никогда не проявлял инициативы, но тут же откликался на ее призывы жены. Чудала была счастлива, что он успешно выдержал первое испытание. Он сделал такие успехи в своем духовном развитии, что ему было безразлично, уступить или оказать сопротивление; он не видел разницы между этими двумя действиями, так как все, что было с ними связано, лежало за пределами его «я». Чудала решила, что пришло время подвергнуть его второму испытанию и посмотреть, способен ли он устоять перед бхогой, то есть перед радостями и удовольствиями.

С помощью магических сил она создала мнимого Индру и подослала его к Шикхидхвадже. Однажды, когда царь был погружен в размышления, перед ним появился мнимый Индра и стал его искушать.

— Немногим удалось так возвыситься духом, как тебе, о царь,— сказал он.— Не пора ли обратить взор в иную сторону? Я приглашаю тебя к себе, будь моим гостем. Ни в одном из миров тебя не ожидает столько

* Гандхарвы заключают брак по обоюдному желанию без совершения каких-либо религиозных церемоний.

радостей! Ты сможешь вкушать любые удовольствия и предаваться самым изысканным наслаждениям. Пойдем со мной, проведи у меня несколько лет! Мой мир славится живописными окрестностями, красивыми мужчинами и женщинами, яствами и напитками и комфортом, который будет радовать тебя, что ты ни станешь делать: сидеть, бродить, спать, гулять, путешествовать или заниматься любовью. В моем мире все прекрасно и неповторимо! Зачем ты продолжаешь себя мучить? Ты уже достиг совершенства, подумай теперь о радостях жизни.

Царь посмотрел на Индру с удивлением и спросил:

— Неужели, чтобы быть счастливым, нужно идти так далеко? По-моему, рядом с каждым человеком есть все, что ему необходимо. Зачем же искать что-то вдали от себя? Это все равно что пытаться найти сердце или легкие не в себе самом, а где-то в другой стране.

«Индра» исчез. Чудала радовалась, что ее муж выдержал второе испытание так же хорошо, как первое. Она решила подвергнуть его третьему испытанию.

Чудала знала, что Шикхидхваджа в силах устоять перед страстью, знала, как он относится к удовольствиям, теперь она хотела убедиться, что он выше кродхи, или гнева. Однажды в сумерки, когда царь спустился к реке для вечерних молитв, Чудала, как обычно, превратилась в Маданику, но на этот раз она прямо из воздуха создала еще возлюбленного Маданики. Вернувшись, царь увидел незнакомого юношу, обнимающего его жену. Он вошел в дом, взглянул на влюбленных и больше не обращал на них внимания.

Маданика, не торопясь, освободилась от объятий юноши, отослала его и с покаянным видом предстала перед царем. Он посмотрел на нее и не произнес ни слова. Она притворилась, что обижена его безразличием, и сказала:

— Этот юноша появился в доме, когда тебя не было. Он такой красивый и такой сильный, ни одна женщина не устояла бы перед ним. Я сопротивлялась его ласкам сколько могла, но в конце концов я ведь только слабая женщина, и мне пришлось уступить. Прости меня, пожалуйста.

— Ты следовала своей склонности и сама в ответе за то, что сделала, меня это не касается,— сказал царь.

— Можно мне по-прежнему быть твоей женой? Не покидай меня, прошу тебя. Я обещаю никогда больше этого не делать.

— Тебе незачем просить у меня прощения.

— Ты разрешишь мне по-прежнему быть твоей женой? — снова спросила Маданика.

Царь подумал и ответил:

— Не знаю. Может быть, нам лучше расторгнуть брак. Ты можешь остаться здесь и быть днем Кумбхой, а ночью Маданикой. И Кумбха и Маданика всегда будут дороги моему сердцу.

Но Чудала не могла больше оставаться Кумбхой и Маданикой. Она приняла свой обычный вид и предстала перед царем. Шикхидхваджа протер глаза и сказал:

— Я ничего не понимаю. Куда же исчез мой спаситель Кумбха? Где Маданика и как ты очутилась здесь?

Когда Чудала помогла ему распутать этот клубок, царь воскликнул:

— У мужа не может быть лучшего гуру, чем жена!

— Я испытывала тебя многими способами, чтобы удостовериться в твоей зрелости. Ты достиг неколебимости скалы, ты стал дживанмуктой *. Ты превзошел меня во всех отношениях. Позволь мне снова стать твоей покорной женой.

— Давай откажемся от мира, поселимся в одной из этих пещер и посвятим остаток наших дней созерцанию,— сказал Шикхидхваджа.

— Сейчас тебе, наверное, лучше снова стать царем,— возразила Чудала.— Обладая такими достоинствами, ты сможешь осчастливить многих людей, а это важнее, чем быть отшельником.

В столице пышно отпраздновали вторую коронацию царя и царицы. Известно, что Шикхидхваджа счастливо правил своей страной десять тысяч лет.

---

* Дживанмукта — человек, достигший спасения при жизни.

Яяти

В бесконечных схватках богов с асурами (или демонами) ловкие и могущественные асуры постоянно одерживали верх. Боги, сражавшиеся под предводительством Индры, не могли понять, в чем тут дело, и встревожились не на шутку. Главное, когда убивали какого-нибудь демона, он тут же оживал и вскакивал на ноги, а когда убивали бога, он уже годился только для погребения. Бессмертие асуров особенно удивляло богов из-за того, что их собственным вождем был Брихаспати, бог мудрости и прозорливости.

В конце концов боги открыли секрет своих врагов: асуры оживали потому, что им покровительствовал Шукрачарья, мудрейший из мудрецов, знавший мантру Сандживини — тайное заклинание, оживлявшее мертвых. Боги стали поспешно сзывать совет за советом. Они понимали, что им грозит полное истребление, если они не узнают мантру Сандживини. Но узнать ее можно было только от Шукрачарьи, а он вряд ли захотел бы помогать богам. И боги решили послать в нижний мир кого-нибудь из своих учеников, чтобы тот выведал это заклинание у Шукрачарьи. Выбор их пал на Качу, сына Брихаспати. Боги отправили его во владения демона Вришапарвана, где Шукрачарья жил как почетный гость и учитель.

Шукрачарье так понравился серьезный и скромный юноша, что он согласился стать его наставником. А Кача обещал Шукрачарье пройти все ступени ученичества и послушничества и свято выполнять обет безбрачия.

У Шукрачарьи была дочь по имени Деваяни, и она полюбила Качу. Кача забавлял ее и услаждал музыкой, рассказами и беседами, а она заботилась о нем: приносила ему фрукты, цветы, пела ему и развлекала его танцами.

Однажды Кача пошел в лес пасти скот. Асуры были уверены, что, если Кача узнает заклинание, все они в конце концов погибнут, поэтому они подстерегли его, убили, разрубили его тело на мелкие куски и скормили собакам и волкам. Вечером скот вернулся

домой без Качи, а Деваяни чуть не сошла с ума от горя.

— Мне страшно даже подумать, что с Качей что-нибудь случилось,— сказала она отцу.— Я не проживу без него ни одного дня.

Отец, который души в ней не чаял, сейчас же произнес мантру Сандживини и окликнул юношу по имени. В ответ на этот призыв Кача по частям вырвался из внутренностей собак и волков, которые пожрали его, принял свой прежний облик и предстал перед Деваяни.

На другой день Деваяни попросила Качу пойти в лес и принести ей несколько редких цветов. Демоны из засады напали на Качу, убили его, размололи его кости в муку и бросили в море. Деваяни снова упросила отца спасти Качу, он опять произнес то же заклинание, и Кача, как в первый раз, предстал перед Деваяни целым и невредимым.

В третий раз демоны сожгли тело Качи, истолкли угли в порошок и незаметно подсыпали его в чашу с вином, приготовленную для Шукрачарьи. Шукрачарья выпил вино, и Деваяни пришлось снова умолять отца вернуть Качу. Шукрачарья не знал, что юноша оказался у него в желудке; он произнес заклинание и громко позвал Качу, а Кача ответил ему из его собственного живота и рассказал Шукрачарье, как он там очутился. Это жестокое и беспричинное убийство, да еще столько раз повторявшееся, так рассердило Шукрачарью, что он пригрозил асурам бросить их на произвол судьбы, если они осмелятся еще раз злоупотребить своей властью. Но как спасти юношу?

— Я могу оживить Качу с помощью заклинания,— сказал Шукрачарья дочери,— но, чтобы выйти на волю, Каче придется разорвать мой живот. Его спасение будет стоить мне жизни.

— Я не хочу лишаться отца,— сказала Деваяни.— Мне нужны вы оба: и ты и Кача. Придумай что-нибудь.

И Шукрачарья придумал.

— Чтобы вернуть Качу,— сказал он,— мне придется расстаться с жизнью, но я открою ему тайну мантры Сандживини, и он оживит меня, как только выйдет из моего живота.

Шукрачарья окликнул ученика, сидящего у него в желудке, и сказал ему, какое он должен произнести заклинание. Кача вырвался из живота Шукрачарьи, тут же произнес мантру, и его наставник ожил.

— Вы вели себя как глупцы и просчитались,— сказал Шукрачарья демонам.— Теперь Кача владеет бесценной мантрой. Он узнал то, что ему было нужно, и вскоре сравняется со мной силой и могуществом.

Демоны выслушали его и удалились в величайшем изумлении. Через некоторое время занятия и обучение Качи подошли к концу, и он решил вернуться назад в тот мир, откуда пришел. Но когда Кача приблизился к своему наставнику, чтобы попрощаться с ним, Деваяни воскликнула:

— Не уходи! Возьми меня в жены. Я не могу жить без тебя!

— Я дал обет вечного безбрачия и не могу жениться на тебе,— сказал ей Кача.— К тому же дочь моего наставника может быть мне только сестрой.

— Вспомни, как я терзалась всякий раз, когда демоны пытались тебя погубить,— молила она,— вспомни о тех часах, которые мы провели вместе!

Но Кача лишь повторил:

— Это невозможно. Ты навеки моя сестра — ведь демоны заставили меня побывать в животе твоего отца, значит, мы оба плод его чресел.

Деваяни уговаривала его, упрашивала, грозила убить себя, но Кача остался непреклонен. Он приготовился воспарить в высший мир. И тогда она прокляла его:

— Пусть же мантра, которую ты узнал от моего отца, никогда тебе не поможет!

Это было ужасное проклятье, оно лишало его всего, чего он достиг. Кача был поражен жестокостью Деваяни. Он только и нашелся, что сказать ей:

— Тебя ослепило вожделение, о Деваяни. Я люблю тебя как сестру, но тебе этого мало, о существо с прекрасными бровями и лицом, похожим на полную луну! Как ты можешь быть так легкомысленна? Ведь ты дочь мудреца. Я восхищался тобой, я любил тебя беспредельно, но твои чары были тут ни при чем, я не смел помышлять о тебе как о женщине. Тебе же

нет дела до моего обета безбрачия, тебе нет дела до того, зачем меня послали на землю, ты не ценишь мою привязанность к тебе и в слепой ярости проклинаешь меня, потому что я отказываюсь удовлетворить твое вожделение. С этим я ничего не могу поделать. Но знай, если я не смогу пользоваться мантрой сам, это сделают за меня другие. А ты, ты никогда не возьмешь за руку мудреца и не найдешь счастья в браке.

Сказав так, он поднялся в верхний мир, где его ласково встретили боги. Они радовались, что он узнал мантру, которая спасет их от истребления. Боги решили, что теперь наконец настало время перейти в наступление, и послали Индру в нижний мир, к асурам, чтобы вызвать их на бой.

Индра решил прежде всего рассорить Шукрачарью и царя демонов и достиг своей цели, хотя избрал необычный, кружный путь. Однажды он увидел на лесной поляне небольшое красивое озеро, в котором плескалось несколько женщин. Их одежда лежала на берегу. Индра взял ее, отнес подальше и бросил. Женщины вышли из воды и стали искать свои платья, а когда нашли беспорядочную кучу одежды, каждая, не раздумывая, схватила то, что попалось в руки.

Среди этих женщин была Шармиштха, дочь царя демонов Вришапарвана, которому Шукрачарья помогал всем чем мог, не жалея ни сил, ни способностей. Сари, оказавшееся в руках у Шармиштхи, принадлежало Деваяни. И Деваяни в гневе закричала:

— Как ты осмелилась взять мое сари? Раз твой отец учится военному искусству у моего отца, значит, ты ниже меня, значит, ты тоже моя ученица. Ты не имеешь права прикасаться к моей одежде!

— Я ниже тебя?! — вспылила Шармиштха. — Мы даем, а вы получаете. У тебя и твоего отца полные руки даров, которые мы вам швыряем в награду за эту науку. Твой отец учит моего отца, потому что вам нужна наша помощь. А мы принадлежим к тем, кому ничего не нужно от других. Мы скорее умрем, чем примем милость или подарок. Как же ты смеешь считать меня настолько ниже себя, что я даже случайно не могу прикоснуться к твоей одежде?!

Тут Деваяни рассердилась еще сильнее:

— Твой род давно бы пресекся, если б не могущество моего отца!

— «Могущество»! — вскричала Шармиштха.— Да знаешь ли ты, как унижается твой отец, когда стоит перед моим отцом, выпрашивая у него то одно, то другое? И ты еще смеешь болтать такие глупости! Сейчас я научу тебя разговаривать с дочерью воина.

С этими словами Шармиштха вырвала у Деваяни одежду, столкнула ее в пересохший колодец и возвратилась во дворец, ни разу не оглянувшись и не испытывая ни малейших угрызений совести.

Деваяни стояла на дне глубокого колодца и плакала, а мимо верхом на лошади ехал Яяти, принц из соседнего царства, который охотился в этих местах на оленя. Он заглянул в колодец и воскликнул:

— О красавица, кто ты?! Как ты здесь очутилась?

— Мой отец воскрешает тех, кого убивают боги,— ответила ему Деваяни.— Я дочь Шукрачарьи.

Яяти нагнулся, протянул Деваяни руку, помог ей выбраться из колодца и сказал:

— Иди теперь куда тебе хочется и ничего не бойся.

— Возьми меня с собой,— попросила его Деваяни.— Ты сжал мою руку, как на свадьбе, теперь ты должен стать моим мужем.

Но принц вежливо возразил ей:

— Я принц, мое место среди тех, кто правит и сражается. Ты же дочь провидца, твой отец знает все, что делается в разных мирах. Я не могу его обидеть. Я сознаю, что недостоин тебя.

— Если ты сам не захочешь на мне жениться, отец поможет мне тебя заставить,— заявила Деваяни.

Но принц ушел. А Деваяни прислонилась к дереву и горько заплакала.

Узнав, что Деваяни не вернулась домой, Шукрачарья встревожился и послал на поиски приставленного к ней слугу. Слуга вернулся не скоро и сказал:

— Шармиштха оскорбила Деваяни и бросила ее в колодец, а Деваяни поклялась, что ноги ее больше не будет в этом городе.

Шукрачарья сам пошел к Деваяни. Он успокаивал ее, объяснял ей, как важно быть терпеливой, и уговаривал вернуться домой. Но Деваяни ничего не хотела

слышать. Тогда он пошел к Вришапарвану и объявил ему:

— Я понял, что ошибся, помогая тебе и твоему роду. Шармиштха назвала нас попрошайками. Отныне ноги Деваяни не будет в этом городе, а где нет ее, там нет и меня. Живи дальше, как сам знаешь.

Царь стал уговаривать Шукрачарью:

— Все, что принадлежит мне,— мои дворцы, мое добро, мои сокровища, мои слоны и моя армия,— все это твое. Ты волен распоряжаться по своему усмотрению всем, чем я владею, и мной самим. Каждое мое слово — правда.

— Если каждое твое слово — правда, скажи об этом моей дочери и сам успокой ее.

Но Деваяни не могла забыть об оскорблении, которое ей нанесла Шармиштха, и в ответ на уговоры царя сказала:

— Я хочу, чтобы твоя дочь стала моей служанкой и чтобы она последовала за мной, когда я выйду замуж и уеду отсюда.

— Пусть кто-нибудь сейчас же приведет Шармиштху! — воскликнул царь.— И пусть она отныне во всем подчиняется этой молодой женщине. Когда хочешь спасти семью — жертвуешь кем-нибудь из родных, когда хочешь спасти деревню — жертвуешь одной из семей, когда хочешь спасти страну — приходится приносить в жертву одну из деревень. Сейчас же приведите сюда Шармиштху!

Шармиштха пришла в сопровождении тысячи своих служанок и со смирением сказала Деваяни:

— Я и тысяча моих помощниц пришли к тебе как твои слуги, готовые выполнить любое твое приказание.

Самолюбие Деваяни было удовлетворено, и она согласилась вернуться в город.

Через несколько месяцев Деваяни снова отправилась на ту же поляну, чтобы искупаться в озере и поиграть со своими подругами; вместе с ней пришла ее главная служанка Шармиштха. Они резвились, как прежде, а в это время появился Яяти, который гнался за оленем. Пораженный необычным зрелищем, Яяти остановился как вкопанный: его взорам предстала тысяча красавиц во главе с Деваяни, чуть ниже кото-

рой сидела Шармиштха, явно превосходившая всех своей красотой. Деваяни, как и прежде, завела с ним разговор и под конец опять сказала ему, что он должен на ней жениться, потому что он держал ее за руку.

Яяти не соглашался и снова приводил те же доводы, говоря, что она гораздо выше его по рождению. К тому же его влекла к себе Шармиштха. Но на этот раз ему не удалось ускользнуть от Деваяни. Она послала за отцом, рассказала ему, что произошло, и попросила выдать ее замуж за принца. Яяти ничего не оставалось, как согласиться. У него была последняя надежда, что не согласится отец девушки, но Шукрачарья благословил их союз и сказал, что этот брак был предрешен и ни о каких возражениях не может быть и речи.

— Вас ожидает счастье,— объявил им мудрец и предупредил принца: — Вот эта девушка по имени Шармиштха будет сопровождать мою дочь. Она сама дочь царя и заслуживает доброго и милостивого обращения, но помни: никогда не зови ее в свои спальные покои, не говори с ней наедине и не прикасайся к ней. Деваяни станет твоей женой, и вы будете счастливы.

Яяти привел жену со всеми служанками и Шармиштхой в страну, где он правил. В красивом месте недалеко от своей столицы он построил для Шармиштхи большой дом и позаботился о том, чтобы она ни в чем не знала нужды.

Вскоре у Деваяни родился сын.

А Шармиштха была недовольна. Она страдала от одиночества и решила, что ей тоже пора иметь мужа и ребенка. «Но тот, за кого я могла бы выйти замуж,— думала она,— принадлежит Деваяни. А никого другого я и знать не хочу. Неужели Яяти никогда не пройдет мимо моего дома? Я принадлежу Деваяни, значит, то, что есть у нее, должно быть и у меня. У нее есть сын, и я тоже хочу иметь сына. К чему все эти сады, цветы, вкусная пища и отделанные мрамором покои, если я так одинока! О деревья, скажите, когда царь придет сюда?»

На другой день царь случайно проезжал мимо дома Шармиштхи и остановился поговорить с ней. В ту же минуту, словно торопясь сказать все, что ей хотелось, пока он не ушел, Шармиштха рассказала ему о своей любви и потребовала, чтобы он ответил ей взаимностью.

— С тех пор как я тебя встретил, твой образ постоянно живет в моем сердце,— сказал он,— но я обещал моему тестю никогда не говорить с тобой наедине.

— Обещание, данное в шутку, или при исключительных обстоятельствах, или ради спасения жизни или имущества, можно нарушить безнаказанно,— возразила Шармиштха.— Честность — это нечто большее, и для незначительного отступления всегда можно найти оправдание.

Ее слова очень понравились царю.

— Проси у меня что хочешь! — воскликнул он.— Хочешь, я подарю тебе несметные богатства? Хочешь, я подарю тебе царство? Только скажи — и ты получишь все, что пожелаешь.

— О царь, подобные дары не прельщают меня, ведь радости, которые они приносят, так быстротечны. Я хочу получить такой подарок, который был бы частью меня самой. Я хочу получить от тебя ребенка. Говорят, что женщину, у которой нет детей, ожидает ад. Спаси меня от ада. Это твой долг. Деваяни принадлежит тебе, я принадлежу Деваяни, и муж имеет полное право пользоваться тем, что принадлежит его жене. Возьми же меня.

У царя больше не было сил противиться Шармиштхе, и к тому времени, когда настал день и они расстались, он исполнил ее желание.

Деваяни все меньше и меньше нравилась Яяти. Он оставлял жену в одиночестве, старался не обращать на нее внимания и всячески избегал ее общества, проводя дни и ночи с Шармиштхой. Деваяни затосковала и отправила весточку отцу с жалобой на холодность царя.

Яяти часто думал: «Какое счастье, что мне досталась Шармиштха! Она подобна дождю для хлебов и нектару для жаждущих. А Деваяни похожа на коварную змею».

Услышав, что Шармиштха родила ребенка, Деваяни очень удивилась и однажды отправилась к ней, чтобы узнать, так ли это на самом деле.

— Что ты наделала? — принялась она распекать Шармиштху.— Я всегда считала тебя чистой и невинной девушкой!

— Я не принадлежу к тем, кто гонится за удовольствиями,— ответила ей Шармиштха.— На моем пути встретился мужчина, лучезарный, как божество. Я попросила его подарить мне ребенка, и из жалости ко мне он согласился. Все знают, что, уступая такой просьбе, благородный человек помогает девушке достойным и законным способом получить ребенка. Мое дитя — подарок мужчины редких достоинств.

Это объяснение немного успокоило Деваяни, но она все-таки была недовольна.

— Скажи мне, где живет этот необыкновенный человек, как его найти и каким именем назвать? Я тоже хочу с ним познакомиться.

Шармиштха и тут оказалась на высоте положения.

— Чистота и красота его души,— ответила она,— сияют, подобно солнцу, и у меня не хватило смелости спросить его имя.

Деваяни удовлетворилась объяснением Шармиштхи и удалилась к себе во дворец.

У нее родился второй сын. Прошло немного времени, и Яяти дал ей попробовать странный напиток: у него был красивый цвет и приятный вкус, но он дурманил голову. Деваяни пристрастилась к этому напитку и постоянно находилась в состоянии опьянения. Она часто плакала, пела или спала много часов подряд; иногда она даже не узнавала Яяти и прогоняла его, принимая за незнакомца, который хочет ей чем-то досадить. Царь строго выговаривал ей, наказывал ее, но в конце концов окружил ее свитой уродцев, евнухов и стариков, а сам ушел к Шармиштхе и забыл обо всем на свете, блаженствуя рядом с ней днем и ночью.

Однажды, когда Деваяни ненадолго пришла в себя, ей захотелось развлечься, и она попросила Яяти отвести ее в безлюдный сад недалеко от города. В саду играли трое миловидных детей.

— Что это за дети? — спросила она у мужа.— У них осанка богов, они так красивы и чем-то похожи на тебя.

С этими словами она подошла к детям и спросила, кто их отец. Она расспрашивала их так вкрадчиво, так настойчиво и неотступно, что дети в конце концов показали пальцами на подошедшего вместе с ней Яяти. Яяти побледнел и остался недвижим, а дети расплакались и убежали к матери, которая стояла поодаль с опущенной от стыда головой.

Но замешательство Шармиштхи продолжалось недолго. Как только разгневанная Деваяни начала изливать на нее поток упреков, Шармиштха прервала ее:

— Когда-то я сказала тебе, что мой ребенок — подарок мужчины, лучезарного, как божество, и я не солгала, я сказала правду. Кто более походит на бога лицом и делами, чем тот, кто стоит рядом с тобой? Приняв тебя, он принял и меня. Твой достойный отец отдавал тебя тому же, кому отдал меня. Мы с тобой всегда делили все, что у нас было.

Тогда Деваяни отстранилась от царя и сказала:

— Пусть будет так. Живи с ней и радуйся тем радостям, которые ты искал. Я здесь больше не останусь.

Она сорвала с себя все украшения, бросила их на землю и отправилась к отцу. А Яяти шел за ней следом и просил прощения. Подойдя к дому отца, Деваяни, не переступая порога, объявила:

— Яяти оскорбил меня. Дочь демона показала свое истинное лицо. У меня два сына от Яяти, а у Шармиштхи три. Делай с ним что хочешь, отец,— заключила она.

— Ты искушен в законах нравственности и знаешь, как нужно себя вести,— сказал Шукрачарья Яяти,— и все-таки ты изменил жене. В наказание через несколько минут ты превратишься в старика.

Яяти рассказал Шукрачарье, как Шармиштха уговорила его подарить ей ребенка; он пытался убедить Шукрачарью, что его измена была актом милосердия, в котором он сам явился лишь безличным орудием. Но Шукрачарью было не так легко провести.

— Человек, который сохраняет личину добродете-

ли и совершает греховные поступки, прикрываясь ложными рассуждениями, ничуть не лучше обыкновенного вора,— сказал он.— И ты уже платишься за свое двуличие.

Действительно, в продолжение этого разговора внешность Яяти изменилась. Его тело стало дряблым, волосы побелели, спина сгорбилась.

— О, прости меня,— закричал он,— не превращай меня в старика! Я еще полон желаний и замыслов!

Шукрачарья сжалился над ним и смягчил приговор:

— Если ты найдешь юношу, который согласится поменяться с тобой возрастом, поменяйся с ним. Я дарую тебе эту возможность.

Яяти обратился к старшему сыну от Деваяни и сказал, что согласен отдать царство в обмен на его возраст.

— У стариков нет своего места в жизни,— ответил ему сын,— их ничто не радует, слуги и маленькие девочки смеются над ними. Нет, отец, пусть каждый из нас сохранит свой возраст.

Яяти проклял его за себялюбие.

— Ты никогда не будешь царем,— сказал он и обратился ко второму сыну от Деваяни, но тот ответил ему так:

— Старость убивает любовь и отнимает силы, она обезображивает человека, разрушает его ум и лишает собственного мнения. Нет, мне еще не хочется становиться стариком.

Яяти проклял и этого сына:

— Твой род прекратится. Ты станешь вождем жалких существ, звероподобных тварей, которые спят с чужими женами и питаются трупным мясом и отбросами.

Потом он обратился с той же просьбой к трем сыновьям от Шармиштхи.

— Нет,— сказал первый из них, и Яяти проклял его:

— Твой род погибнет, ты будешь царствовать в пустыне, где не будет ни дорог, ни воды и где не смогут передвигаться даже ослы.

Второй сын тоже не согласился взять себе его годы.

Тогда Яяти обратился к своему последнему сыну, которого звали Пуру, и попросил его поменяться с ним возрастом.

— Я исполню любую твою просьбу, отец,— ответил юноша.— Все, что у меня есть,— твое.

Яяти радостно обнял Пуру и сказал:

— Я верну тебе юность через тысячу лет.

Яяти стал таким, как Пуру. Он превратил свою жизнь в сплошной праздник и старался не упустить ни одной самой маленькой радости. Но так как Яяти был молод и полон сил, это не мешало ему быть добрым и справедливым правителем. Он поощрял науки, почитал святых, не забывал порадовать богов жертвой или молитвой, помогал бедным и страждущим и жестоко расправлялся с преступниками. А покончив с делами, он стремился получать как можно больше удовольствий, наслаждался женщинами и вином, радовался золоту, богатству и безбедному существованию.

Каждая секунда его жизни была полна до краев, поэтому тысяча лет промелькнула, как одна минута, и однажды, забавляясь в обществе некой полубогини, Яяти вспомнил, что пришло время расставаться с юностью и возвратить долг сыну. Он тут же оставил красавицу и навсегда отказался от радостей жизни. Возвращая Пуру его молодость, он сказал:

— Ты был мне хорошим сыном. Стань же снова юным и царствуй столько, сколько пожелаешь. Я изведал все удовольствия и понял, что человеку не дано чувство насыщения, потому что на смену одним желаниям приходят другие и нет им конца. Золото, скот, женщины, пища — ты стремишься получить то одно, то другое, но, когда получаешь, недолго радуешься успеху из-за того, что потом тебе нужно еще больше золота и еще больше скота. После тысячи лет наслаждений я жажду новых наслаждений. Я хочу покончить с этим существованием и обратиться к богу. Я хочу жить, не думая постоянно, что победа влечет за собой поражение, приобретения — потери, жара — холод, а удовольствие — разочарование. Я заставлю свой разум забыть об этом, расстанусь со всем, что у меня есть, и буду жить в лесах, на лоне природы, не зная страха и желаний.

Яяти сдержал слово. Вместе с ним ушли в леса две его жены. Яяти питался корнями растений и листьями, он подчинил себе все свои желания, свое настроение и свои чувства, и чистота его помыслов помогла ему заслужить расположение душ его предков и богов. Тридцать лет он не брал в рот ничего, кроме воды, и стал господином своих мыслей и слов. В течение целого года он питался только воздухом; он стоял на одной ноге и предавался размышлениям, в то время как вокруг него горели костры, а над головой его пылало солнце.

Пройдя такой искус, Яяти достиг необычайной высоты духа. Заслуги его были так велики, что ему было разрешено подняться на небо, не расставаясь со своим телом. На небе его радушно встретил Индра. Он усадил его на почетное место, предназначавшееся для тех, чья душа достигла совершенства, и спросил:

— Ты пришел к спасению через самоотречение. Кто может сравниться с тобой в этом подвиге духа?

— Никто,— поспешил ответить Яяти.— Среди людей, богов, святых и божественных существ я не знаю никого, кто достиг таких же успехов, как я.

— Раз ты никого не уважаешь,— сказал Индра,— ты упадешь обратно на землю; тяжесть твоего «я» неминуемо увлечет тебя вниз.— Но, помня о совершенных Яяти подвигах, он добавил:— Однако ты окажешься среди добрых людей и со временем вернешься к нам.

Яяти начал свое долгое падение с небес. Когда он снова достиг земли, его ласково встретили святые, жившие в лесу.

— Кто ты, о блистательный? — спросили они его.— Среди темных облаков неба ты сверкал, подобно метеору, пролагающему путь солнцу. Достойны ли мы узнать, кто ты?

Святые окружили Яяти и долго расспрашивали его о небесах и об аде, о рождении и о смерти, о праведной и неправедной жизни. Через некоторое время Яяти снова поднялся на небо, но на этот раз он полностью владел своим «я» и сумел не только достичь неба, но и остаться там.

Деви
Вишвамитра
Манматха

Эти три рассказа описывают процесс очищения. Деви воплощает собой совершенную красоту и деятельную силу, она побеждает в бою демона Махишу, олицетворяющего неприкрытое зло. Мудрец Вишвамитра достигает такого могущества, что создает свой собственный мир, но даже это необычайное свершение не приносит ему счастья и покоя, которые он обретает только после того, как понимает, что должен употребить свои силы для служения более высоким целям, чем удовлетворение собственных прихотей. А бог любви Манматха претерпевает множество мучений, которые завершаются его сожжением, но после физической гибели продолжает существовать как бестелесный дух.

Деви

Каждый демон, которому удается заслужить благосклонность бога, стремится стать бессмертным, начал рассказчик, но даже самый легкомысленный бог никогда не подарит демону вечную жизнь. Если б не эта предосторожность, от Вселенной давно ничего бы не осталось. Не добившись бессмертия, демоны в конце концов соглашаются расстаться с жизнью, но только на определенных условиях, на первый взгляд невыполнимых. Хиранья, например, заявил, что тот, кто его убьет, не должен быть ни человеком, ни богом, а место, которое выберет его убийца, не должно находиться ни на земле, ни на небе, ни внутри, ни снаружи, поэтому бог в одной из своих аватар принял облик льва, уселся на пороге, положил Хиранью на одну лапу и разорвал его когтями другой (Хиранью нельзя было убить с помощью какого-нибудь оружия) — только так ему удалось выполнить все условия этого демона. Но раз демоны пускаются на всевозможные хитрости, чтобы сохранить свою жизнь, богам тоже приходится раскидывать умом, чтобы найти способ избавить мир от этих смутьянов.

Из множества странных условий, выставленных демонами, самой странной была выдумка Махиши, который тысячу лет молился Брахме, прося у него разрешения жить до тех пор, пока какая-нибудь женщина не одолеет его на поле битвы. Получив согласие Брахмы, Махиша счел себя бессмертным, потому что ни ему, ни кому-нибудь другому не могло прийти в голову, что найдется женщина, которая осмелится вызвать его на бой.

По-настоящему этого демона звали Махишасура. «Махиша» значит «буйвол», «асура» — «демон». А получил он такое имя потому, что его матерью была буйволица, а отцом — один из самых грозных демонов, прославившийся тем, что он тысячу лет стоял в пламени и читал молитвы. Когда к нему приблизился бог огня и спросил, чего он хочет, демон сказал:

— Я хочу иметь сына, который завоюет все миры и будет таким сильным, что его никто не сумеет побе-

дить, и еще я хочу, чтобы мой сын мог принимать любой облик по своему желанию.

Бог огня задумался. Он знал, что появление на свет такого демона может привести к самым ужасным последствиям.

— Та, кого ты полюбишь и на ком ты женишься, родит тебе сына, которого ты желаешь и заслуживаешь,— сказал он, решив переложить ответственность за исполнение этого желания на самого демона.

Асура огляделся. Следуя своим природным склонностям, он нашел, что самая привлекательная особа женского пола — это буйволица, пасущаяся на лугу. Демон женился на ней, поселился в одном из нижних миров и жил, наслаждаясь тихими семейными радостями. Но однажды он увидел, что какой-то буйвол досаждает его жене, и вступил в бой с соперником, который вонзил в него рога и убил наповал. Когда тело мужа предали огню, жена не выдержала и тоже бросилась в костер. Но прежде чем сгореть, она родила сына, которого асуры провозгласили царем и назвали Махишей, или буйволом.

Здесь рассказчик остановился, чтобы сделать небольшое отступление.

— Конечно, союз асура с буйволицей кажется чем-то совершенно неестественным,— сказал он,— но, быть может, в данном случае слово «буйволица» нужно понимать не в буквальном, а в переносном смысле, то есть считать, что речь идет не о самом этом животном, а о тех качествах, которые оно олицетворяет: известно, что буйволы тупоголовы, толстокожи и грубы, они любят валяться в грязи и отличаются большой физической силой, которая так ценится в нижних мирах, погруженных в вечный мрак.— Сделав это замечание он продолжил свой рассказ.

Махиша вырос и решил, что пора привести в исполнение честолюбивые планы отца. Он послал к Индре гонца, и тот от имени Махиши заявил:

— Отдай мне свое царство, а сам убирайся куда глаза глядят или стань моим слугой.

А потом принялся всячески поносить Индру.

— Мои предки, — сказал он, — не раз брали над тобой верх, а ты, ничтожный, решился на такую низость, как принять вид мудреца Гаутамы и воспользоваться его отсутствием, чтобы изнасиловать Ахалью *.

Гонец припомнил многие неблаговидные поступки, которые совершил Индра, и под конец потребовал, чтобы Индра сдался.

— Так ты, значит, служишь буйволу, который щиплет траву! — сказал Индра. — Я знаю, что буйволы обладают грозным оружием в виде рогов, как и полагается животным этого вида, но ты все-таки скажи своему хозяину, что у меня хватит сил наказать его за зазнайство!

Когда посланный вернулся и передал слова Индры, Махиша объявил своим приближенным, что Индра хочет затеять с ним войну.

— Мне ничего не стоит одному уничтожить это жалкое создание, пригодное только на то, чтобы командовать слабосильными вояками и влюбленными женщинами. Если я пущу в ход свои рога и копыта, от всех этих богов останется мокрое место, но я двину на них мою армию, как подобает правителю трех миров. Мы все отправимся на небо, выпьем нектар, который припасли боги, захватим их колесницы и будем веселиться в обществе небесных женщин.

Индра подослал во вражеский лагерь своих шпионов. Он все еще надеялся избежать кровопролития, но шпионы вернулись и рассказали, какая у Махиши огромная армия, как хорошо она организована, а главное — с каким рвением его люди готовятся к походу на небо, и Индре пришлось расстаться со своей надеждой. Он созвал совет старейшин во главе с богом мудрости Брихаспати.

---

* Ахалья, жена мудреца Гаутамы, была очень красива. Чтобы завоевать ее, Индре пришлось прибегнуть к помощи Луны, которая превратилась в петуха и закукарекала не на заре, а в полночь. Гаутама проснулся, встал с постели и, по своему обыкновению, спустился к реке для утренних омовений. Индра принял облик Гаутамы, вошел к нему в дом и овладел Ахальей. Когда эта проделка открылась, Индра в наказание стал уродом, а Ахалья придорожным камнем. Однажды Рама, направляясь в лес, случайно задел этот камень, и тогда Ахалья вновь превратилась в женщину.

— Индра, не падай духом! — сказал Брихаспати. — Никому не дано знать, что его ждет, успех или поражение. Мы должны сделать все, что в наших силах. Старание зависит от нас, а результат — от бога. Собери свою армию и готовься к бою.

Индра отправился в верхние миры просить помощи у Трех Великих: у творца Брахмы, защитника Вишну и разрушителя Шивы. Брахма, Вишну и Шива прибыли на поле боя каждый на своем собственном вахане — живой колеснице. Шива — на быке, Вишну — на орле, а Брахма — на лебеде. Младшие боги тоже явились, размахивая всякого рода оружием. Завязалась страшная битва: слоны, лошади, люди и боги — с одной стороны, демоны — с другой. Махиша бросился в гущу богов, яростно осыпая их ударами булавы, но Индра пустил в ход ваджру, или алмазное копье, и расщепил его булаву. Тогда Махиша призвал на помощь свое умение создавать призраки, и на поле битвы появился миллион хорошо вооруженных и неустрашимых Махишей. Боги видели его и тут и там — везде. Яма, Варуна и еще несколько младших богов бросились наутек, спасаясь от этого вездесущего чудовища. Но Вишну запустил свои вращающиеся диски, и призраки мгновенно исчезли. Махиша пришел в ярость. Он собрал своих военачальников и решил покончить с Тремя Великими. Ему удалось покалечить и вывести из строя орла Гаруду, и Вишну остался без колесницы. Но Вишну ударил Махишу своей смертоносной палицей, и Махиша упал, однако тут же вскочил на ноги и ударил Вишну каким-то неизвестным оружием так, что бог лишился чувств. Тогда вперед вышел Шива и нацелил свой трезубец прямо в сердце демона. Но Махиша увернулся и сам ударил его в грудь.

За это время Вишну оправился и снова бросился в бой, но скоро он убедился, что Махиша непобедим: даже если богам удавалось повалить его, он поднимался вновь и только становился еще сильнее. Вишну решил, что продолжать битву бессмысленно, и удалился в свой мир Вайкунтху. А вслед за ним Шива тоже понял, что Махишу не сумеет убить ни одно существо мужского пола, и почел за благо отбыть к себе на Кайласу. Тогда и Брахма отправился домой в

Сатьялоку. На поле боя остались только второстепенные божества; Махиша расправился с ними, ворвался на небеса и усадил своих родственников и приспешников на те места, где раньше восседали боги. А боги разбежались кто куда и забились в пещеры в самых отдаленных уголках Вселенной.

Так они жили год за годом, не смея высунуть нос, но в конце концов несколько богов тайком пробрались к Брахме и спросили его:

— Сколько же еще должны мы прозябать в безвестности, вдали от наших законных владений, не имея возможности заниматься своими привычными делами?

Брахма сочувствовал их бедам, но знал, что сам ничем не может им помочь, поэтому он привел их сначала в мир Шивы, а потом к Вишну, и боги в который раз принялись рассказывать о жестокостях Махиши.

— Все это хорошо известно,— перебил их Вишну.— Каждый асура, захватив власть, делает одно и то же: терзает богов, поощряет зло и предается чувственным удовольствиям. Но демоны, кроме того, упорны и умны, к тому же у них всегда наготове целая куча доводов, подтверждающих их правоту. Они часто одерживают верх, но те, кто собрались здесь, прекрасно знают, что торжествуют они недолго — гибель их предрешена. В противном случае нам до сих пор пришлось бы иметь дело с Таракой, Лаваной, Бхасмасурой и им подобными, а каждый из них был таков, что не побоялся бы самолично погасить солнце.

Слова Вишну подбодрили богов, а Вишну продолжал:

— Давайте подумаем, что же нам делать. Прежде всего мы должны помнить, что Махише дарована милость: его может убить только женщина. Где нам найти такую женщину? Может быть, кто-нибудь из наших жен возьмет на себя эту миссию?

Боги задумались.

— Моя супруга Сарасвати — богиня познания. Но я не могу представить себе, что она в силах сразиться с Махишей,— сказал Брахма.

— Моя жена Лакшми — богиня благосостояния,—

сказал Вишну.— Пусть кто-нибудь из вас пойдет и предложит ей вызвать на бой Махишу. Я знаю, чтó он услышит в ответ.

— У моей жены Парвати, быть может, достанет храбрости,— сказал Шива,— но не думаю, чтобы у нее хватило сил. И я вообще не понимаю, почему мы должны подвергать своих жен такой опасности.

Несколько минут Вишну молча размышлял, а потом заговорил:

— Неиссякаемый источник, давший жизнь всем нам, Великий бог, не ведающий ни начала, ни конца, ты, который не имеешь пола, сочетая в себе и мужское и женское начало, настал час, когда мы просим тебя, Великого, помочь нам.

Все боги горячо подхватили его молитву, прося Великого Прародителя о помощи, и он явил им свою милость в виде сияния, которое начали испускать лица богов: лицо Брахмы — кроваво-красное, Шивы — ослепительно белое, Вишну — темное. Из этого трехцветного сияния возникла фигура женщины, переливающаяся всеми цветами радуги. Ее звали Деви *, у нее было восемнадцать рук.

Она была так красива, что Трое Великих потеряли дар речи. Они бросили к ногам Деви свои лучшие стрелы и редчайшие драгоценности. Деви была в красной одежде, голову ее украшала сверкающая диадема, шею — гирлянда неувядающих лотосов, а в руках она держала булаву, саблю, щит, меч и копье. Рядом с ней стоял огромный лев, готовый в любую минуту отнести ее на своей спине, куда она пожелает. Глядя на Деви, боги до того растрогались, что им захотелось стать на колени и молиться.

— О боги, забудьте о своих страхах,— сказала Деви.— Я пришла к вам, чтобы покончить с Махишей. За каждой победой неизбежно следует поражение, за каждым поражением — победа. Никому не дано восторжествовать над Богом; боги могут временно оказаться слабейшими, но Бог — никогда. Пришел конец вашим страданиям! — воскликнула она и радостно засмеялась.

Но в следующее мгновение она вспомнила о Ма-

* Деви́ — Великая богиня.

хише, и по ее телу пробежала судорога гнева, а из горла вырвался боевой клич, который проник во все сферы и потряс все миры.

— Желаем тебе успеха! — закричали боги.

— Кто это так разбушевался? — удивился Махиша, когда до него докатился какой-то невнятный гул.— Приведите сюда этого смельчака. Асуры — мои рабы, они не посмеют меня беспокоить, а боги боятся пикнуть, чтоб я не узнал, где они скрываются. У кого же это хватило духу расшуметься на всю Вселенную? Найти виновника!

Посланные вскоре вернулись и доложили Махише:

— Рев, который потряс землю, вырвался из горла прекраснейшей из женщин. У нее восемнадцать рук, и в каждой она держит какое-нибудь оружие. Она сидит на спине льва, который служит ей упряжным животным. Ее лицо излучает свет. Мы не знаем, кто она. На ее лицо нельзя смотреть дольше секунды — так оно сверкает! — но и за этот короткий миг мы поняли, что оно излучает радость, гнев, изумление, насмешку и сочувствие.

Услышав такие слова, Махиша смягчился:

— Вы болтаете языком, как пьяницы, которым что-то померещилось. Идите, я хочу сам увидеть эту красавицу.

Махиша прогнал слуг, призвал одного из своих министров и приказал ему:

— Иди и приведи ко мне эту женщину. Употреби все свое умение; доставь ее сюда хитростью, угрозами, силой или лаской. Я хочу сделать ее царицей и своей главной женой.

Министр приблизился к богине и сказал:

— Ни в одном из миров нет такого могущественного царя, как Махиша. Он любит тебя и хочет, чтобы ты стала его женой. Он готов принять человеческий облик, если ты этого пожелаешь. Пойдем со мной!

— Я явилась сюда, чтобы убить Махишу. Передай ему, чтобы он сейчас же спустился к себе, в нижний мир. Пусть он немедленно покинет небеса, иначе его ждет смерть.

— О, госпожа, ты изменяешь своему естеству. Как

ты смеешь угрожать Махише, предводителю огромной армии?! Ты просто обезумела. Он растопчет тебя, как слон, который растаптывает нежные стебли малати, если они путаются у него под ногами. Ты нравишься нашему царю, поэтому я стараюсь избегать резких слов. Ради нашего царя я смиренно прошу тебя: пожалуйста, согласись пойти со мной и стать его женой.

— Недаром ты министр буйвола,— сказала богиня,— у тебя столько же ума, сколько у твоего господина. Ты считаешь, что я изменяю своему естеству. А знаешь ли ты, что я не мужчина и не женщина, что я приняла этот облик только потому, что твой царь одержим тщеславным желанием погибнуть от руки женщины? Когда настанет его час, он умрет. И никакая армия его не спасет. Пока еще ни одному полководцу не удалось избежать смерти, какой бы огромной армией он ни командовал.

Министр доложил Махише:

— Я не смею повторить слова этой женщины. Она, наверное, привыкла со всеми разговаривать свысока, и речь ее звучит очень странно. Ты должен сам решить, что ты предпочитаешь: вернуться в нижние миры или сразиться с ней.

Махиша созвал военный совет и объявил:

— На нас напала богиня, обладающая какой-то таинственной властью. Решайте, как мы должны поступить.

Советники заговорили все разом. Махиша тщетно напрягал слух и вертел головой во все стороны, стараясь разобрать, что они говорят. В конце концов он крикнул:

— Замолчите! Говорите по очереди!

Его глаза яростно сверкали, казалось, что он сейчас выхватит меч и изрубит их всех, если они не замолчат. Он обернулся к одному из советников и спросил:

— Что ты сказал?

— Советник обязан говорить правду, но не должен оскорблять своего господина...

— Пусть каждый выскажет свое мнение. Говорите смело, только по очереди. Я выслушаю вас всех и решу, что нам делать.

— Неужели мы отнесемся всерьез к словам какой-то женщины? — сказал один.— Она, наверное, просто не в своем уме. Притворство и ложь свойственны всем созданиям этого пола. Стоит ли победителю трех миров задумываться над тем, что она сказала? Отпустите меня, я пойду к ней и положу конец ее капризам.

— Нужно хорошенько подумать и постараться разгадать смысл ее слов,— сказал другой.— Мы должны правильно понять ее речи. Каким оружием пользуются обычно женщины? Глазами и округлостями своего тела.

Услышав столь приятные слова, собравшиеся сдержанно захихикали. А говоривший, увлекшись избранной темой, продолжал:

— Раз она говорит о битве, нетрудно догадаться, что́ у нее на уме. Разрешите мне, ваше величество, я схвачу ее и брошу к вам в постель.

— Дело не шуточное,— сказал третий,— она Майя *. Восемнадцать рук, и в каждой — оружие! Никогда не слышал ничего подобного. Это необыкновенная женщина. Над нами нависла серьезная опасность.

Махиша выслушал всех своих советников и обратился к тому, кто говорил последним:

— Я посылаю к ней тебя. Не серди ее, позаботься о том, чтобы она не видела твоих воинов, постарайся выпытать у нее все, что можно. Разузнай, зачем она подняла такой шум, спроси, не сердится ли она на нас, и если да, то почему. Не пугай ее и не пугайся сам. Ты должен узнать, что она замышляет, вернуться сюда и все мне рассказать. Но прежде захвати ее в плен и приведи к нам.

От такого обилия противоречивых наставлений демон, которого выбрал Махиша, совсем растерялся и не знал, что же ему делать: просить эту странную женщину, постараться ее разжалобить или запугать.

Вернувшись назад, он долго не мог перевести дух.

— Ты убежал от нее со всех ног? — спросил Махиша.

— Ваше величество, она так со мной разговари-

---

* Майя — богиня вымыслов, иллюзий.

вала, а лев, на котором она восседала, так рычал, что я лишился слуха. Я оглох, ваше величество, я больше ничего не слышу.

— О мои советники,— сказал Махиша,— вы должны серьезно обдумать то, что произошло. Я уверен, что женщину подослали наши враги. Мы поступим опрометчиво, если примем решение, не разобравшись хорошенько во всех обстоятельствах этого дела.

— Тут наверняка что-то кроется,— сказал один советник с таким видом, будто сделал великое открытие.

— Не слишком ли много чести для этой неизвестно откуда взявшейся девицы, что такое представительное собрание обсуждает, как с ней быть,— сказал другой.— Давайте перестанем обращать на нее внимание, вот и все.

— Она думает, что достаточно ей помахать своими восемнадцатью руками,— сказал третий,— и мы все перепугаемся насмерть. Какое ребячество! Мы должны доказать ей, что нас так легко не проведешь.

— Прекрасно сказано! — похвалил его Махиша.— А теперь пойди и убей ее или возьми в плен и приведи сюда.

Тот, кто так храбро рассуждал минуту назад, заколебался.

— Так и быть, возьми с собой отряд воинов и еще одного полководца,— сказал Махиша.— Два таких блестящих военачальника наверняка сумеют с ней справиться.

Новый отряд тронулся в путь, сотрясая воздух громовыми речами и воинственными кличами.

Через некоторое время к Махише вернулся один-единственный воин; ноги его кровоточили, на теле не было живого места.

— Они пощадили меня,— простонал он.

— Кто «они»? — спросил Махиша.

— Прости, господин. Я хотел сказать — она, она пощадила меня, чтобы я вернулся и рассказал тебе, что там случилось. Все остальные погибли, исчезли бесследно, их сожрал лев, на котором скачет эта ужасная женщина.— Воин задрожал, вспомнив о Деви, и продолжал: — Стервятники, которые кружи-

лись над нами, улетели ни с чем: лев пожрал даже кости, как будто это были сдобные булки.

— Где твои командиры?

— Она сокрушила их своей булавой. Они не успели даже передать ей послание вашего величества. Один был убит, как только заговорил. Когда остальные попробовали приблизиться к ней, она натянула тетиву своего лука, а потом отпустила ее; раздался звук, от которого половина наших солдат замертво упала на землю. Остальные бросились бежать, но она обрушила на них град стрел и перебила всех до одного. Тогда к ней приблизился другой наш полководец. Она ударила его булавой, а потом разбила в щепки его большую колесницу. Лев не отходил от нее ни на шаг и тут же пожирал всех, кого она убивала. Когда наш военачальник упал, с неба посыпались цветы и я слышал, как боги восхваляли ее доблесть.

— Значит, она в самом деле подослана этими жалкими богами, которые боятся встретиться с нами лицом к лицу и бесстыдно пользуются услугами женщины,— сказал предсказатель.

Махиша приказал предсказателю взять побольше вооруженных людей и сразиться с женщиной.

Снова к нему вернулся только один солдат, чтобы рассказать, чем кончилась битва.

— Она держит оружие в каждой из восемнадцати рук и действует ими одновременно,— начал он, но Махиша приказал пытать его и убить за то, что он принес дурные вести.

Четыре лучших военачальника Махиши исчезли бесследно вместе с их армиями. Махиша послал в бой еще двух полководцев и приказал им:

— Вы должны вернуться вместе с этой женщиной. Нам нужно так ее проучить, чтобы она запомнила этот день на всю жизнь.

Один из полководцев приблизился к богине.

— Я старый воин, но твой вид внушает мне страх,— смиренно начал он.— О богиня, скажи мне правду, что привело тебя сюда? Почему ты нас так мучаешь? Ты убила столько ни в чем не повинных людей. Неужели это доставляет тебе удовольствие?

— Я исконная гонительница зла,— сказала Деви.— Я вижу все, что происходит во Вселенной.

И я всегда знаю, кто прав, а кто виноват. Мне ведома взаимосвязь событий и их истинное значение. Мой долг ясен. Я защищаю невинных и чистых душой, а также законы и священные книги. Такой я дала обет. Махиша мучает богов, он лишил их власти и занял их место. Я явилась сюда, чтобы избавить мир от Махиши. Скажи ему, чтобы он немедленно удалился туда, где ему надлежит быть,— в нижний мир, Паталу, который находится здесь, под моими ногами, а если он не желает, пусть придет ко мне сам. Я повторяю этот приказ снова и снова. И буду повторять его до тех пор, пока он не поймет, чего я от него хочу. Я сохраню жизнь вам обоим, если вы согласитесь вернуться к своему господину и сказать ему, что настал час, когда он должен покинуть свой дом и прийти сюда сам, а не посылать вас всех на верную гибель.

Когда она кончила эту царственную речь, полководцы, дрожа от страха, стали совещаться друг с другом: «Что нам делать? Вступить в бой или просить мира? Как ужасна жизнь тех, кто не принадлежит себе! Нам остается только умереть. Но лучше умереть сражаясь». С этими словами один из них выпустил в богиню все свои стрелы; это было все равно, что в отчаянии решиться на самоубийство. Богиня остановила его стрелы на полпути, а его самого убила ударом булавы.

Видя, какая участь постигла его товарища, другой полководец закричал:

— О богиня! Наш господин слишком упрям, он не послушается твоего приказа. Он пришел в этот мир, чтобы уничтожить все божественное, все справедливое. Беспомощные существа вроде нас волею судьбы вынуждены навлекать на себя твой гнев и идти навстречу собственной гибели.

С этими словами он бросился на богиню.

Деви пришла в такую ярость, что боги, собравшиеся на небесах, чтобы посмотреть на битву, замерли от страха. Полководец воспарил к небу, растянулся, как туча, почти до горизонта и ринулся на богиню; молниеносным движением он опустил свою огромную булаву на голову льва, тот взвыл от боли и поднялся на задние лапы, но богиня переместилась вперед, ближе к его голове, и заставила льва опустить

передние лапы, а когда полководец бросился на нее самоё, ударом меча снесла ему голову.

Узнав об этом несчастье, Махиша забеспокоился.

— Позовите моего возничего! — вдруг крикнул он и приказал слугам немедленно доставить к воротам его колесницу, запряженную тысячами ослов, а другую колесницу наполнить всякого рода оружием и поставить рядом.

Потом он подошел к зеркалу и внимательно оглядел себя.

— Нет,— сказал он,— буйволы, наверное, внушают ей отвращение. Я должен ей понравиться. Она, конечно, больше любит людей.

Махиша преобразился в человека. Он нарядился в шелка и бархат, натерся благовониями и тронулся в путь только после того, как решил, что его внешность безупречна.

Увидав Махишу, который приближался к ней в окружении бесчисленного войска, занявшего все видимое пространство, богиня затрубила в трубу, и войско остановилось. Махиша тоже застыл на месте; он был потрясен и поражен мощью долетевших до него звуков.

— Всякая жизнь благословенна,— наконец заговорил он,— но благословение, которое нам дано, двойственно: оно несет в себе и горе и радость. Только близость к себе подобным смягчает горечь существования: мать радуется, держа на руках ребенка, братья радуются друг другу, даже случайное товарищество путников, бредущих по одной дороге, и то дает радость. Но высшее и счастливейшее единение — это союз между мужчиной и женщиной. Блаженство, которое он сулит, возрастает неизмеримо, когда оба члена этого союза принадлежат к знатным родам, могут похвалиться славными делами, выдающимися способностями и другими достоинствами. Радости, которые дает подобный союз, неисчислимы. Ты знаешь, что я — великий воин,— продолжал он.— Если мы соединимся, никто и ничто не помешает нашему безграничному счастью. Я могу принимать любой облик, который мне заблагорассудится. В моем доме тебя ждут самые изысканные блюда и напитки, украшения и удовольствия. Будь моей главной женой, по-

велевай мной, я твой раб. Обещаю тебе никогда больше не беспокоить богов, если таково твое желание. Я готов забыть об их существовании. Я покорен твоей красотой. Разреши мне упасть к твоим ногам. Не покидай меня. Разве ты не обязана милостиво принять каждого, кто ищет у тебя защиты? Если ты отвергнешь меня, я покончу с собой. За всю свою жизнь я ни разу никого ни о чем не просил. И вот тот, кто покарал Брахму и других богов, униженно молит тебя даровать ему свою любовь.

— Даже сейчас ты еще можешь спастись,— ответила богиня.— Я согласна простить тебя, если ты готов немедленно оставить небеса и вернуться в свой мир. Иначе мне придется начать сражение и убить тебя.

— Деви,— сказал Махиша,— разве я могу прикоснуться каким-нибудь режущим или колющим оружием к твоей удивительной коже? Ведь она нежна, как лепесток цветка! Тому, кто сражался с богами, стыдно воевать с тобой. Я предлагаю тебе выбор: если мои слова нашли отклик в твоем сердце, стань моей женой, давай начнем вместе новую, счастливую жизнь. Если же нет, оставь нас и возвращайся туда, откуда ты пришла. Отныне ты мой друг, я не в силах поднять на тебя руку, чтобы наказать тебя, как ты того заслуживаешь.

Махиша продолжал уговаривать богиню, но она с презрением отвергала все его попытки смягчить ее сердце.

— Зачем нам жить врозь? — упорствовал Махиша.— Мужчина и женщина должны жить вместе. Кто обманул тебя, кто внушил тебе, что любовь не приносит радостей? У всех богов есть жены, неужели это ни о чем тебе не говорит? Почему бог любви не поразил тебя стрелой из своего лука? Может быть, он тоже не решается поранить твою шелковистую кожу? Конечно, я готов сразиться с тобой, я с радостью встречу твои удары, но используй то оружие, которым пользуются женщины: глаза, брови, свое тело, свое очарование. Мы будем бороться, неважно, кто из нас победит — ты или я,— мы все равно оба будем счастливы.

— Вожделение ослепило тебя и развязало твой

язык. Я больше не желаю тебя слушать,— сказала богиня.— Ты должен решить, чего ты хочешь.

— Я уже решил,— ответил Махиша.— Теперь твоя очередь решать. А ты все еще колеблешься. Почему ты стремишься проводить свои юные годы в одиночестве? Если тебе встретился подходящий жених, ты должна тут же выйти замуж и забыть обо всех других делах. Иначе тебя может постигнуть участь Мандодари.

Махиша решил воспользоваться кратковременным перемирием, чтобы подкрепить свои слова одной занимательной историей; у него еще теплилась надежда, что эта многозначительная сказка поможет ему завоевать сердце богини. Так как Деви хранила молчание, Махиша приободрился, считая, что его слова произвели на нее должное впечатление.

— Жила однажды очень красивая девушка, которую звали Мандодари (Махиша подробно рассказал о ее родителях). Когда она достигла брачного возраста, отец предложил ей в мужья одного принца. Но Мандодари упорно отказывалась от этого союза и говорила, что не хочет выходить замуж, потому что не может даже подумать о том, чтобы подчиняться родственникам мужа. «Я предпочитаю жить, как мне хочется,— говорила она.— К тому же, если женщина выходит замуж, а потом теряет мужа, она становится вдовой, а вдовы должны сами бросаться в погребальный костер мужа». Вот по каким вздорным причинам она отказалась стать женой принца. Через несколько лет, когда ей наскучило одиночество, она пожалела о своем решении и вышла замуж за какого-то человека, который оказался неверным мужем, и ей ничего не оставалось, как покориться своей горькой участи.

Но Деви прервала Махишу прежде, чем он успел растолковать ей, в чем смысл этой сказки.

— Довольно болтать, теперь держись! — крикнула она и взялась за оружие.

Завязалась битва. Булава Деви скользнула по плечу Махиши; этого оказалось довольно, чтобы он лишился чувств. Придя в себя, Махиша преобразился в льва и успешно атаковал Деви, пока не отступил под натиском льва, на котором сидела богиня. Тогда он принял облик слона и стал бросать в нее горы и

деревья. Но стрелы Деви останавливали их на лету и прямо в воздухе обращали в прах, а ее лев набросился на Махишу и разбил ему лоб. Махиша-слон рухнул на землю, однако через мгновение он вновь превратился в буйвола и, выставив рога, бросился на Деви. Несмотря на все эти хитрости, богиня всякий раз без труда узнавала Махишу, и у нее всегда было наготове то оружие, которое наилучшим образом подходило к случаю.

В руке Деви держала чашу с вином; величественным жестом она поднесла ее к губам и крикнула:

— Пришел твой конец!

С этими словами она метнула вращающийся диск и снесла Махише голову. Тело демона покатилось по земле. Боги начали громко молиться:

— Великая мать, благодаря твоей доброте, мы, трое, снова можем творить, защищать и разрушать. Все, что нас окружает, обязано своим существованием тебе одной, ибо ты вездесуща. Дикие звери, и ядовитые деревья, и асуры тоже созданы твоими заботами. Даже им ты даруешь кратковременное торжество, чтобы потом наказать, победить и помочь им переродиться в более достойные создания. Святые, которым удается ощутить твое незримое, бестелесное присутствие, могут с помощью размышлений достигнуть неколебимого спокойствия и полного понимания.

Деви с удовольствием дослушала эту молитву до конца и сказала:

— Если с вами случится что-нибудь дурное, вспомните обо мне, я тут же приду вам на помощь.

При этих словах она исчезла.

— Тому, кто повторяет эту молитву каждую пятницу,— заключил рассказчик,— не страшны никакие злые существа, какими бы могучими они ни казались.

Вишвамитра

Самым великим из царей, по словам рассказчика, был правитель Чеди. Его могущество воистину не знало границ, потому что он обладал несметными бо-

гатствами, огромным войском и к тому же пользовался особой благосклонностью богини преуспевания. Каждая его отлучка из дома кончалась покорением нового княжества и превращением еще одного независимого правителя в вассала Чеди. Со временем он стал совершать все более и более далекие походы и наконец отправился в кругосветное путешествие со всем своим войском.

Во время этого путешествия он случайно оказался вблизи одной ашрамы. Царь залюбовался открывшимся видом на долины и нагорья с купами деревьев, пестрым ковром цветов, ползучих растений, кустарников и зеленых листьев; до него доносилось пение птиц и строки священных стихов; он смотрел на струю дыма, поднимавшуюся от священного костра, и вдыхал воздух, напоенный ароматом сандалового дерева и цветов. Царь, повидавший немало красивейших уголков земли, спросил своего священника:

— Что это за места, которые радуют не только необычайной красотой природы, но и явственными признаками красоты духовной?

— Это ашрама мудреца Васиштхи.

— Я должен повидать его,— сказал царь.— Пусть армия останется здесь. Я пойду к нему один.

У входа в ашраму царя почтительно ждал сам Васиштха. Они обменялись приветствиями. Царь был доволен встречей и, поднявшись, чтобы покинуть Васиштху, сказал:

— Для меня большая честь познакомиться с мудрейшим из мудрецов всех времен и побывать в его собственной ашраме. А теперь разреши мне оставить тебя.

Васиштхе надо было сразу же ответить: «Иди с миром». Если бы он произнес эти слова и дал царю уйти, события приняли бы совсем иной оборот. Но вместо этого он сказал:

— О царь, я хочу, чтобы ты понял, как я обрадован этой встречей. Но я могу это сделать, только предложив тебе мое гостеприимство. Останься у меня хотя бы на полдня.

— Я с радостью приму твое лестное предложение, но в другой раз. Сейчас я должен идти.

— Почему, скажи мне, прошу тебя!

— Меня ждут воины, нам пора трогаться в путь.

— Я приглашаю их тоже. Пусть они у меня подкрепятся.

— В моем войске сто тысяч человек,— сказал царь.

— Что же из того? — возразил Васиштха.— Я с удовольствием устрою праздничный пир для ста тысяч воинов, равно как и для тысячи тысяч.

Слова Васиштхи раздразнили любопытство царя:

— Что? Что? Как же ты это сделаешь?

— Прикажи им прийти и увидишь.

Царь послал за своей армией. Солдаты вошли в ашраму. Едва они разместились, как царь начал с интересом оглядываться по сторонам, стараясь угадать, как же Васиштха накормит такое количество людей. Он не видел ни кухни, ни слуг; приготовлением пищи, казалось, никто не занимается. Сам хозяин оставался с ним и развлекал его беседой. Царю никогда не приходилось сидеть на голой земле. Он уже собрался опуститься на кусок зеленого дерна, как вдруг увидел, что на этом самом месте стоит обтянутая шелком кушетка, а перед его людьми лежат тысячи ковров и подушек. Васиштха подвел царя к кушетке и сказал:

— Окажи мне честь, садись, это для тебя. Ты сам видишь: стоило могущественному царю почтить своим присутствием эти глухие места, как здесь все мгновенно преобразилось.

Царю понравились слова Васиштхи, он сел.

В ту же минуту перед ним и перед воинами появились золотые чаши с разнообразными кушаньями. Они ничем не напоминали убогую пищу, которую мог бы предложить аскет сборищу голодных людей. Хотя царь и его войско пришли в ашраму после тяжелого дневного перехода, они наелись досыта. Внезапно царь забеспокоился. Какие таинственные силы сотворили подобное чудо в этой дикой местности? Он нахмурился и неожиданно объявил:

— Ты должен сказать мне, как ты все это устроил.

— Что устроил? — спросил Васиштха.

— О великий мудрец, прости мое любопытство, но я непременно хочу знать, как ты устроил подобный пир. Я не смел бы и думать о том, чтобы проя-

вить такое гостеприимство даже у себя во дворце, где мне помогает множество слуг. Скажи, пожалуйста, как тебе удалось это сделать?

Мудрец, как будто предчувствуя недоброе, сказал:

— Ты мой гость. Если ты доволен, я тоже доволен. Может быть, ты или кто-нибудь из твоих людей желает чего-нибудь еще?

— Нет, — ответил царь. — Ты полностью удовлетворил все наши желания. Мои люди надолго запомнят этот пир, можешь не сомневаться. Ты не забыл даже о гвоздике и кардамоне, которые так приятно пожевать после еды, а нежные листья бетеля, конечно, добыты не в этом мире. О превосходный, совершеннейший хозяин, скажи, как тебе удалось все это устроить в столь уединенном месте, не прибегая к чьей-либо помощи?

Но в конце концов, убедившись, что он не получит ответа на свой вопрос, царь объявил:

— Твой роскошный пир и то удовольствие, которое ты мне доставил, ничего не стоят, если ты не можешь объяснить, как произошло это чудо. Каждый человек, утолив жажду кристально чистой водой, хочет окинуть взглядом реку.

— Окидывая взглядом реку, он проследит ее начало до самых дальних горных вершин, окутанных облаками, и тогда захочет узнать, откуда пришли облака, и поискам его не будет конца.

— Мне нравятся бесконечные поиски, — ответил царь.

Видя его упорство, Васиштха уступил:

— Что ж, иди за мной, если тебе так хочется. А твои люди пусть пока останутся здесь.

Васиштха повел царя по лесной дороге в соседнюю рощу, где ветви олеандров, манговых, фиговых и многих других фруктовых деревьев так тесно переплелись между собой, что с трудом пропускали дневной свет; виноградная лоза поднималась стеной, на голубой поверхности пруда сияли лотосы, повсюду зеленела трава. И в окружении всей этой красоты стояло молочно-белое животное с головой миловидной женщины и с телом коровы. Васиштха подошел к нему и ласково сказал:

— Шабала! Это наш гость, он хочет с тобой по-

знакомиться. Шабала — полуживотное, получеловек — ответила:

— Надеюсь, ты доволен, господин.

— Значит, это ты устроила пир? — спросил царь.

— Когда боги и демоны решили взбить океан молока, чтобы добыть нектар *, — ответил вместо нее Васиштха, — я был главным священником, и вместо дакшины ** они подарили мне Шабалу. Ее мать — небесная корова Камадхену. Шабала по первому слову выполняет любую мою просьбу.

Мудрец рассказывал о том, что́ умеет делать Шабала, а царю все больше и больше хотелось увести ее с собой. В конце концов он заявил:

— Эта корова должна принадлежать мне.

Мудрец рассмеялся:

— Пойдем, нам здесь больше нечего делать!

Шабала прислушивалась к их разговору с глазами, полными страха.

— Такое сокровище должно находиться во дворце царя. Вели ей идти со мной, — настаивал царь.

— Даже здесь, в ашраме, мы должны быть гостеприимны, — увещевал его Васиштха. — Иначе ты и твои люди остались бы сегодня голодными.

— Во дворце царя она принесет гораздо больше пользы. О мудрец, неужели ты не знаешь, неужели я должен напоминать тебе, что царь вынужден оказывать гостеприимство утром и вечером, в неблагополучные дни месяца и в благополучные, в несчастливую половину года и в счастливую — всегда? Подумай о сотнях людей, которые приходят во дворец: о царях, послах, гонцах и их приближенных, об ученых мужах и всякого рода работниках. Если ты отправишь Шабалу со мной, я позабочусь, чтобы ее перевезли как можно осторожнее и не причинили ей никакого вреда. Ты проявил необычайное гостеприимство, но твой долг хозяина будет исполнен до конца, только если ты отдашь мне эту корову.

* Известный эпизод «Бхагаваты». Гигантская змея Адишеша обвила гору Меру своими кольцами, боги взяли змею за хвост, асуры — за голову, и с помощью этой колотушки они взбили океан молока.

** Дакшина — дар, подносимый жрецу, исполняющему жертвоприношение.

— Ни один хозяин не в состоянии исполнить свой долг до конца, да это и не нужно.

— Чем она тебе так дорога? Ты получишь за нее сто тысяч голов скота.

— Оставь их себе.

— Я дам тебе гору золота такой высоты, что за ней сможет спрятаться слон.

— Не забывай, с кем ты говоришь.

— С мудрецом, который ни за что не хочет расстаться с подаренной ему коровой. О мудрейший, почему ты не следуешь своим собственным наставлениям и забываешь, что ценность любого дара преходяща? — Царь то упрашивал Васиштху, то насмехался над ним, то льстил ему.— Я подарю тебе золотую колесницу, я дам тебе в десять раз больше того, что я обещал, только отпусти со мной Шабалу!

— Тебя обуяла жадность,— невозмутимо отвечал ему Васиштха.— Если дерево предложит тебе свою тень, свои плоды и цветы, неужели ты захочешь в благодарность вырвать его из земли и унести с собой? Дух стяжательства не позволяет тебе расстаться с вещью, которая доставила тебе удовольствие, и заставляет добиваться ее точно так же, как ты стал бы добиваться какого-нибудь пустяка, разбудившего твою злую волю. Стяжательство ли тому виной или злая воля, но мир не знает покоя из-за таких, как ты, из-за людей, преисполненных гордости, думающих только о себе и отравленных властью, которую им дает оружие. Так ведут себя завоеватели и цари. Из-за этого начинаются войны и все мы терпим неисчислимые бедствия.

Но проповедь Васиштхи только укрепила царя в его намерении.

— Твоя мудрость известна, твое дело — наставлять и советовать. Я согласен со всем, что ты сказал, и все-таки по-прежнему убежден, что Шабале здесь не место. Она должна уйти со мной. Я уверен в этом, иначе я не стал бы затевать такой длинный разговор. Я знаю себя. Я знаю, чего я хочу и почему.

— Святость этого места поддерживается жертвами и приношениями богам,— спокойно продолжал Васиштха.— Благодаря Шабале у нас всегда есть что подарить богам и тысячи вещей, необходимых для жерт-

воприношений; она дает пищу для йогов и их учеников, которые проводят здесь долгие часы, погрузившись в размышления; с помощью Шабалы мы устраиваем богатые пиры для прославленных воинов вроде тебя. Как же мы можем обойтись без Шабалы?

— Я предлагаю тебе миллион коров, гору золота и все, что ты пожелаешь. Я дам тебе в десять раз больше коров и в десять раз больше золота, чтобы ты мог оказывать гостеприимство и приносить жертвы. Когда эти запасы истощатся, тебе достаточно будет послать гонца, и ты снова получишь все необходимое. Я уведу Шабалу и с ее помощью буду сам давать тебе все, что нужно, если тебе это так важно.

— Значит, ты хочешь, чтобы я отказался от того, что мне дали боги, и положился на твою добрую волю?

— Тебе нужно будет только сказать, чего ты желаешь...

— О, я уже и так слишком долго слушаю, как ты хвастаешься, кичишься и упиваешься собственной щедростью! Довольно, уходи.

— Пеняй же на себя,— коротко ответил ему царь.— Я хотел договориться с тобой честно и разумно.

Пока шел этот спор телохранители царя незаметно приблизились к нему и остановились невдалеке, настороженно наблюдая за происходящим. Царь знаком подозвал одного из военачальников и приказал ему:

— Возьми десять человек и доставь эту корову в нашу столицу, только смотри, чтобы с ней ничего не случилось.

Отряд воинов схватил Шабалу и потащил. Царь с удовлетворением поглядывал на своих людей и только приговаривал:

— Осторожнее, осторожнее, не так грубо...

Он повернулся к Васиштхе. Тот стоял, сложив руки, и с безучастным видом взирал на происходящее. Тогда царь сказал:

— Я пришлю тебе все, что обещал, как только прибуду во дворец.

Но Васиштха по-прежнему молчал и продолжал смотреть в ту же сторону.

Воины тащили Шабалу, а она, обернувшись к Васиштхе, жалобно выкрикивала прерывающимся голосом:

— О мудрец, почему ты отдаешь меня? Разве я плохо тебе служила? Неужели я чем-нибудь тебе не угодила?

— Ты моя сестра, я не покину тебя. Я просто надеялся, все еще надеялся... Не забудь, что он кшатрий, он владеет оружием, сделанным из стали, у него крепкие мускулы. Ты веришь, что мы сможем устоять перед ним?

— Мне незачем напоминать тебе, мудрец, что ты обладаешь неодолимой силой духа. Я думала, что нам не придется прибегать к этому средству. Но, видно, без этого не обойтись: я боюсь, что этот помешанный на войне правитель силой уведет меня отсюда.

— Ну что ж, тогда действуй,— сказал Васиштха.— Только следи, чтобы силы были равными. Я вижу около тебя всего десять воинов. Пусть десять твоих воинов воспротивятся их безумным действиям, но пусть их будет десять, а не одиннадцать.

— Понимаю и повинуюсь,— ответила Шабала, и в ее глазах засветилась надежда.

Шерсть на ней вздыбилась, она встряхнулась, замычала, и прямо из ее шкуры появились десять воинов в полном вооружении, которые тут же бросились в бой и убили десятерых, набросившихся на нее.

Глаза царя гневно засверкали. Он приказал пятидесяти своим людям взять Шабалу. Из шкуры Шабалы появилось пятьдесят воинов. Царь закричал:

— Сто человек, стройтесь колонной!

Началась яростная битва, сто воинов царя были отброшены и уничтожены.

— Царь, не проливай больше крови ни в чем не повинных людей! — воскликнул Васиштха.

— Если ты так печешься о прекращении кровопролития, отпусти Шабалу. Почему ты ни за что не хочешь с ней расстаться? Отпусти ее, раз тебе не нравится вид крови. Меня это зрелище нисколько не смущает.

— Да, это несомненно так, иначе ты был бы другим человеком. Теперь события пойдут своим чередом. В конце концов ты обретешь мудрость, но, как

все люди такого склада, ты придешь к ней самым трудным путем.

Царь задумался на минуту, а потом неожиданно воскликнул:

— Никогда не слышал, что может понадобиться целый отряд, чтобы увести одну корову! Но если будет нужно, я без колебаний пожертвую ради нее даже армией. Пусть никто не остается в стороне,— приказал он.— Все разом, хватайте корову! Довольно разговоров!

Завязалась жестокая схватка. Сотни тысяч воинов бросились на Шабалу. Васиштха не двинулся с места. Шабала мычала, и из всех пор ее тела появлялись люди с необычным оружием и в необычной одежде, и каждый из них отличался от другого цветом кожи, сложением и обличьем. Воздух наполнился криками и бряцанием оружия. Обитель мира превратилась в поле сражения, повсюду текла кровь, раздавались стоны, корчились в муках люди.

Чем меньше оставалось солдат, тем меньше становилось и воинов Шабалы; наконец вокруг нее не осталось ни одного человека, а она сама спокойно стояла на том же месте, как будто ничего не случилось. Когда к ней приблизился последний солдат царя, она сказала:

— Битва окончена, возвращайся и доложи об этом своему господину.

С этими словами Шабала покинула поле боя.

— Ты удовлетворен? — спросил у царя Васиштха.— Отправляйся теперь в свою столицу.

Царь подумал немного и сказал:

— Эти люди были прекрасными воинами. Я командовал самой могущественной армией на свете, и вот все мои солдаты лежат в пыли. От этого никуда не уйдешь. Я был самым грозным из всех завоевателей на земле, но теперь с этим покончено. Прошу тебя, скажи, в чем источник твоего могущества, и я оставлю тебя. Скажи, откуда ты черпаешь силы?

— Раз ты спрашиваешь, мой долг тебе ответить,— сказал Васиштха.— Ты должен понять, что я черпаю силы в моей собственной душе. В каждом из нас тлеет искра божья. Тот, кто сумеет раздуть ее и использовать ее жар, приобретает неодолимую силу. Шаба-

ла — только видимое воплощение этого невидимого могущества.

— Ты хочешь сказать, что успехом в этой битве ты тоже обязан своим душевным силам?

— Да.

— Как обрести силу, о которой ты говоришь?

— С помощью размышлений и воздержания.

— Значит, власть, которой я обладал, на самом деле ничего не стоит,— проговорил царь.— Теперь я не успокоюсь, пока не стану таким же могущественным, как ты. Даю тебе слово, что настанет день, когда я вернусь сюда с новой армией.

Царь позвал сына, который сопровождал его в этом походе, и сказал:

— Возвращайся в столицу и управляй царством. Меня больше не привлекает великолепие моего дворца и призрачные победы. Я отказываюсь от трона.

Он снял царскую одежду, отдал меч и все остальное оружие, завязал вокруг бедер повязку и отправился в путь. Он пошел на север, нашел уединенное место на берегу горного ручья и тысячу лет предавался размышлениям, ни на минуту не отвлекаясь от своих мыслей. Когда ему удалось достигнуть полной сосредоточенности, к нему пришел Ишвара и спросил, почему он обрек себя на такое суровое существование.

— Потому,— ответил царь,— что я хочу стать таким же всемогущим, как Васиштха. Я хочу быть искуснейшим лучником. Я хочу иметь неисчислимую армию, самое лучшее оружие и снаряды, чтобы одержать верх над армией Васиштхи. И еще я хочу владеть брахма астрой * и пользоваться им по своему усмотрению.

Ишвара обещал исполнить все его желания. Царь собрал новую армию, обучил солдат, добыл самое лучшее оружие и снаряды, снабдил ими свое войско и, сотрясая воздух грозными военными кличами, двинулся через всю страну к ашраме Васиштхи. Обитатели ашрамы заволновались. Васиштха, не обращая внимания на крики солдат, подошел к воротам. Он слышал, как царь скомандовал:

* Брахма астра — самое смертоносное оружие.

— Вперед, сотрем их с лица земли! Никого не щадить!

Обычно невозмутимые отшельники испугались и в страхе закричали:

— Мы погибли!

— Возвращайтесь к своим занятиям. Не обращайте внимания на весь этот шум,— приказал им Васиштха.— Вам нечего бояться.

Началась стрельба, засвистели стрелы, разъяренные солдаты под предводительством царя бросились в атаку. Васиштха поднял посох, воткнул его в землю посредине дороги, ведущей к воротам, и, не оглядываясь, вернулся в свою хижину. Натиск армии отражал посох. Ни один солдат не мог его обойти. Все стрелы, направленные в ашраму, возвращались назад, не причинив никакого вреда. У царя были особые снаряды, которые можно было метать с помощью заклинаний; он пустил их в ход, но простой посох, воткнутый у ворот, оказался сильнее этих снарядов, и никто из защитников их даже не заметил.

Тогда царь решил прибегнуть к самому сильному оружию из своего арсенала — к брахма астре. Боги, узнав, что́ он задумал, забеспокоились и собрались на небесах, взволнованно глядя на землю. Царь произнес положенные заклинания, вызвал дух брахма астры и выстрелил из лука. Стрела с огненным хвостом взметнулась в небо, но не смогла миновать посох, погасла и упала рядом с ним.

Царь подошел к воротам и закричал:

— О мудрец, я снова потерпел поражение! Но прежде чем уйти, я хочу поговорить с тобой.

Мудрец вышел из хижины.

— Какая сила заключена в твоем посохе? — спросил царь.

— Мы с тобой живем в разных мирах, о царь!

— Не называй меня больше царем. Разве ты не видишь, что я отказался от всего, что имел?

— Кто же ты теперь? — спросил мудрец.

Но царь не собирался отвечать на его вопросы.

— Тебе это известно,— сказал он.— Я пожертвовал всем своим достоянием ради того, чтобы стать таким же могущественным, как ты. И боги явили мне свою милость. Я размышлял, я приносил тяжелые

жертвы, я терпел лишения, пока ко мне не пришел Ишвара и не спросил, чего я хочу.

— И ты попросил его, чтобы он дал тебе силы снова напасть на меня. Ничего лучшего ты не придумал,— сказал Васиштха и разразился смехом.— Ты кшатрий, ты по рождению принадлежишь к касте воинов, и каких бы высот ни достиг твой дух, ты все равно не сможешь изменить свое первоначальное «я». Ты не способен стать никем иным, потому что этому воспротивилась бы твоя природа.

— Ты говоришь с таким высокомерием, потому что считаешь, что наделен могуществом с самого рождения.

— Полученным, быть может, в награду за мои нравственные усилия в предыдущих жизнях,— заметил Васиштха.

— Неправда, неправда! — воскликнул царь.— Я докажу тебе, что ты неправ. Каждый может стать тем, кем он хочет, в этой жизни, а не в другой. Ты увидишь, что я сравняюсь с тобой, и услышишь, как меня будут называть брахмой риши*. Я не успокоюсь, пока ты сам не признаешь меня Брахмой риши.

— Я буду счастлив, если это случится. Посох, который на твоих глазах отразил натиск целой армии, на самом деле не посох, а брахма данда**. Он наделен высшим знанием, ты же пытался противопоставить ему силу сугубо материальную, хоть и направленную весьма искусно. Даже заклинания, которые ты произносил, подразумевали нечто вещественное, и ты видишь, к чему это привело.

Царь понял, насколько он ниже этого человека. Он оглядел его с ног до головы. Сначала корова Васиштхи разбила наголову его армию, теперь он снова потерпел поражение, но на сей раз виной тому оказалась даже не корова, а бездушный посох, наделенный высшей силой. Царь отказался от всего, что он до-

---

* Риши — мудрец, обладающий совершенным знанием и занимающий высокий духовный сан. Раджа риши — мудрец царского происхождения, сохраняющий царский титул, но считающийся ниже брахмы риши — мудреца, достигшего этого высокого сана благодаря своим исключительным моральным качествам и доказавшего, что в его душе живет частица бога.

** Брахма данда — жезл бога Брахмы.

стиг ценой своих прежних размышлений, пошел на север и снова погрузился в раздумья. Жена пошла вместе с ним и родила ему четырех сыновей.

Прошла тысяча лет. Перед ним появился творец Брахма. Царь открыл глаза.

— Я одобряю твои усилия,— сказал ему Брахма.— Отныне ты будешь риши. Тебя будут называть Вишвамитра риши.

Вишвамитра обрадовался, но, опасаясь недоразумения, все-таки спросил:

— Риши какого класса?

Брахма, не задумываясь, ответил:

— Ты будешь величайшим раджей риши царской крови, тебя будут знать во всех мирах.

— Раджа риши! Неужели я не достоин называться брахмой риши? Чем же я отличаюсь от Васиштхи?

Бог Брахма не снизошел до объяснений, а просто повторил:

— Я не колеблясь назвал тебя раджей риши, потому что ты — раджа риши.

И он исчез.

Вишвамитра задумался. Как посмел кто-то — кто бы он ни был, даже сам бог,— предложить ему не высший титул, а какой-то другой?

— О Брахма,— сказал он,— ты творец, но я сравняюсь с тобой! Рано или поздно я докажу тебе, что я ничем не хуже тебя, хотя бы ради того, чтобы ты понял, с каким презрением я отношусь к титулу, который ты мне дал, и ко всем другим придуманным тобой титулам и званиям.

Тапас * наделил Вишвамитру необычайной силой. Он отказался от жизни отшельника, которую вел столько лет, и решил показать миру, что достиг вершины мудрости.

Ему скоро представился подходящий случай. Сейчас пришло время рассказать о некоем человеке по имени Тришанку, принадлежавшем к царскому роду

* Тапас — сосредоточенные размышления в течение длительного времени, предпринимаемые ради того, чтобы возвысить свой дух, обрести необычайные душевные силы и т. п.

Икшваку; человек этот появился на пути Вишвамитры как будто специально для того, чтобы Вишвамитра мог осуществить свои честолюбивые замыслы. Дело в том, что Тришанку был охвачен странным желанием достичь неба, не расставаясь со своим земным обликом. Он бродил с места на место в надежде найти кого-нибудь, кто помог бы ему добиться исполнения этой мечты. Первым на его пути оказался Васиштха; Тришанку был царем, поэтому он приказал Васиштхе принести необходимые жертвы и прочесть нужные молитвы, чтобы он, Тришанку, мог подняться на небо.

Васиштха рассмеялся, услышав его слова, и спросил:

— Что за причина заставляет тебя стремиться к столь необычной цели?

Тришанку трудно было ответить на этот вопрос. Он рассердился и закричал, как часто делают люди, оказавшись в таком положении.

— Ты не имеешь права задавать мне вопросы! — негодовал он.— Я пришел к тебе потому, что в нашей семье ты всегда выполнял обязанности священника и советника, и потому, что о твоем могуществе знает весь мир. Выполнишь ты мое приказание или нет?

— Нет,— коротко ответил Васиштха и избавил Тришанку от своего присутствия и свою голову — от мыслей о Тришанку.

Тришанку гордо удалился. Он разыскал сыновей Васиштхи. Они были моложе его, и Тришанку надеялся, что они окажутся послушнее, чем их отец.

— Приготовьтесь к особо важному жертвоприношению и к выполнению необходимых обрядов,— приказал он им без всяких объяснений.— Не жалейте ни денег, ни трудов. Вы должны устроить такое празднество, каких еще не бывало.

— А для чего? — спросили сыновья Васиштхи.

— Я хочу подняться на небо, не расставаясь со своим телом, и я хочу, чтобы вы поторопились. Скажите, что вам нужно для этой торжественной церемонии?

— Что за нелепое желание! — воскликнули они.— С чего ты взял, что тебе позволено подняться на небо?

— А почему бы нет? — спросил Тришанку, который столько об этом думал, что начал относиться к

своей затее как к чему-то совершенно обыкновенному.

— Мы не собираемся заниматься такими глупостями,— сказали сыновья Васиштхи.

— Как вы смеете мне противоречить! — в отчаянии закричал Тришанку.— Я ваш царь, я приказываю вам как сыновьям своего главного священника. Иначе...

И он еще долго грозил им.

Жажда попасть на небо сделала Тришанку злым и лживым, и в конце концов священники сказали ему:

— Ты пятнаешь честь великого рода Икшваку, ты недостоин быть царем. В наказание за то, что ты дурно обращаешься со священниками, ты станешь чандалой.

И Тришанку ушел, неся на себе бремя проклятья и в тревоге раздумывая, удастся ли ему попасть в собственный дворец, если он станет чандалой. Он уже не мечтал о небесах; теперь ему хотелось только одного: оказаться дома.

А Вишвамитра как раз в это время приходил в себя после перенесенных лишений и размышлял, как ему доказать, что он так же могуществен, как творец Брахма.

— Я превзойду Васиштху. Я создам все, что захочу. Пусть у меня нет брахма данды, у меня будет свой жезл, и тогда мы посмотрим, кто из нас сильнее.

Вот какое у него было настроение, когда он окликнул Тришанку:

— Скажи-ка, отпрыск Икшваку, почему ты невесел? Куда идешь? Чем так озабочен? Ты проходишь мимо и даже не думаешь здороваться. Отчего бы это, а?

— Я боялся, что ты меня не узнаешь,— сказал Тришанку и спросил: — Ты не замечаешь во мне ничего такого? Какой у меня вид?

— Ты что, ни разу не видел себя в зеркале? — удивился Вишвамитра.— Что случилось?

— Священники прокляли меня и сказали, что я стану чандалой. Я думал, что моя внешность уже изменилась,— ответил Тришанку и рассказал о своих злоключениях.

Это был как раз тот случай, которого ждал Вишвамитра.

— Как посмели Васиштха и его сыновья отказаться послать тебя на небо! — воскликнул он.— Я тебе помогу. Твоя цель прекрасна, и ты заслуживаешь того, чтобы ее достигнуть. Я тебе помогу.

— Они прокляли меня и сказали, что я стану чандалой. Похож я на чандалу?

— Пока еще нет,— сказал Вишвамитра.— Но ты все равно станешь чандалой. Этого тебе не миновать.

Тогда царь Тришанку в отчаянии закричал:

— Что мне делать? Неужели я должен потерять то, что мне было дано при рождении!

— Не говори глупостей,— сказал Вишвамитра.— Почему судьба человека должна зависеть от того, кем он родился? Я поклялся покончить с этим обычаем. И я не успокоюсь, пока меня не начнут называть брахма риши, хотя по рождению я кшатрий. Ты родился кшатрием, но проклятье священников вот-вот превратит тебя в чандалу. Какая разница, кем человек родился? Каждый должен принадлежать к той касте, к которой хочет. Я докажу это на собственном примере и на твоем, священники ничего с тобой не сделают. Радуйся же, что тебе представилась возможность принять участие в таком деле, которое докажет, что касты и случайность рождения ничего не значат. Я помогу тебе. Пойдем со мной.

Вишвамитра привел Тришанку к себе в ашраму и занялся приготовлениями. Чтобы открыть Тришанку путь на небо, он решил устроить такое грандиозное жертвоприношение, каких еще никто не видывал. Жители нашего и других миров с тревогой следили за тем, что происходит. Вишвамитра пригласил на торжественную церемонию всех мудрецов и всех царей. Тришанку сидел около священного огня и, закрыв глаза, шептал заклинания, которым его обучил Вишвамитра.

После десяти дней упорных, сосредоточенных размышлений Вишвамитра сумел преодолеть силы земного притяжения; Тришанку поднялся в воздух, плавно набрал высоту и исчез из виду.

— Исполнилась наконец заветная мечта Тришан-

ку! — раздалось со всех сторон.— Да будет славен мудрец Вишвамитра!

— Вот видите, я сумел сделать то, что не удалось Васиштхе. Согласны вы теперь называть меня Брахмой риши?

Но едва Вишвамитра произнес эти слова, как среди собравшихся началось волнение, люди указывали на небо и кричали:

— Тришанку возвращается!

И это была истинная правда. Вишвамитра бросился к Тришанку, произнес магическое заклинание и сумел приостановить его падение. Но Тришанку спускался вверх ногами и так и остался в этом положении.

— О Тришанку, скажи, что случилось? — спросил его Вишвамитра.

— Пожалуйста, ни о чем меня не спрашивай,— отвечал Тришанку, повиснув в воздухе вниз головой.— Мне больше ничего не нужно. Только верни меня на землю.

— Объясни сперва, как и почему ты здесь оказался, отчего ты не сидишь на небе в золотом кресле?

— Твоими стараниями мне удалось достичь неба, я несся, как ракета, спасибо тебе за твои труды. Когда ты повелеваешь, природа повинуется. По твоему приказу сферы расступались на моем пути, и я не испытывал ни малейших затруднений. Пока я летел, все было хорошо, неприятности начались, только когда я прибыл на место.

Все это он говорил, вися вниз головой, и собравшимся приходилось изо всех сил вытягивать шеи, чтобы разобрать его слова.

— Пожалуйста, позволь мне стать на ноги,— просил Тришанку.— Мне очень трудно так разговаривать.

Но Вишвамитра не уступал:

— Только после того, как ты расскажешь обо всем, что случилось.

— Ступив на небо,— продолжал несчастный путешественник,— я пришел в восторг — исполнилась мечта моей жизни! Но царь богов Индра не пустил меня в свое царство. Он столкнул меня вниз и сказал: «Здесь не место для чандалы». Произошло то, чего я больше всего боялся.

Тришанку начал тихонько всхлипывать. Несколько минут Вишвамитра стоял и смотрел на него, не скрывая своего неодобрения, а потом сказал:

— Ты глуп и к тому же слаб. Ты очень честолюбив, но недостаточно силен, недостаточно упорен. Я столько сделал, чтобы поднять тебя на небо, а ты не сумел там удержаться. Ты позволил, чтобы тебя отправили назад, да еще вниз головой, ты даже не успел занять правильное положение. Как тебе не стыдно!

Услышав эту отповедь, Тришанку совсем расстроился; слезы хлынули у него из глаз и покатились по лбу.

— Отпусти меня! — в отчаянии молил он.— Я получил хороший урок. Мне больше ничего не надо, я хочу только ходить по земле. Забудь обо мне.

— Как можно быть таким бесхарактерным и обидчивым! Ты отправишься назад на небо,— решительно заявил Вишвамитра,— и это так же верно, как то, что меня зовут Вишвамитра.

Несчастная жертва непомерного честолюбия Вишвамитры висела вниз головой и молила о снисхождении, но Вишвамитра стоял на своем:

— Неужели ты хочешь, чтобы я проклял тебя и превратил в червя, который всю свою жизнь роет на полях подземные ходы? — гневно спросил он.

— Нет, нет, нет, сжалься надо мной! — в тоске рыдал Тришанку.

Со всех сторон на него сыпались неприятности. Чего он только не натерпелся и от тех, кто вроде Васиштхи с презрением отверг его притязания, и от своего горячего защитника Вишвамитры! Тришанку проклял тот день, когда он покинул дворец.

— Я не хотел тебя обидеть, о мой учитель,— говорил он.— Я только хотел...

— Наберись терпения,— командовал Вишвамитра.— Ни одно большое дело не делается с одного раза. Терпеливо смотри на меня, и я отправлю тебя назад на небо.

Чем больше Вишвамитра говорил о небе, тем сильнее расстраивался Тришанку. Небо утратило для него всякую привлекательность. Но его защитник не позволял ему отступить. Тришанку ничего не оставалось, как покориться.

— Что я должен делать? — спросил он.— Сколько времени я еще буду висеть вот так вниз головой?

— Не очень долго,— ответил Вишвамитра и занялся приготовлениями к жертвоприношению: он надеялся одолеть самого Индру и не только поднять Тришанку на небо, но и удержать его там.

Запылали жертвенные костры, подношения одно за другим исчезли в пламени; Вишвамитра сидел рядом, шептал заклинания и неотступно думал о достижении своей цели. Силы природы не могли выдержать этой мощной атаки йога, и Тришанку снова взмыл в небо.

Но едва собравшиеся вздохнули с облегчением, как он вернулся назад, и снова вниз головой.

— Индра опять столкнул меня вниз,— со слезами проговорил он.— Позволь мне хоть теперь стать на ноги...

Вишвамитра не дал ему кончить и снова отослал на небо. Индра в третий раз отправил Тришанку на землю. Так он летал вверх и вниз, как мяч, которым перебрасываются два неутомимых игрока.

Один раз, спустившись вниз, Тришанку спросил:

— О мудрец, почему ты не позволяешь мне хотя бы стать на ноги? Ты сможешь потом снова бросать меня куда захочешь.

— В этом нет нужды,— ответил Вишвамитра.— Я хочу, чтобы ты прилетел на небо в нужном положении — ногами вперед,— иначе ты не сможешь там удержаться или, чего доброго, ударишься головой и получишь сотрясение мозга.

Это предположение рассмешило всех присутствующих.

Тришанку не знал, что ему делать и на что решиться. Настойчивость и могущество Вишвамитры поднимали его на небо, но Индра каждый раз называл его чандалой и сталкивал вниз. После множества неудач Вишвамитра сказал:

— Не отчаивайся. Я дам Индре и всем богам такой урок, которого они никогда не забудут.

Вишвамитра решил создать между галактиками еще одно небо и отправить туда Тришанку. Туда-то он сможет проникнуть беспрепятственно, потому что это будет совсем новое небо.

— Ты будешь жить в своем собственном мире, со своим солнцем и своими звездами, и этот мир будет населен небесными существами.

— Но я хочу стать на ноги! — твердил несчастный Тришанку.

Вишвамитре никак не удавалось убедить Тришанку, что, вися вниз головой, он находится в самом естественном положении. Поэтому он сказал:

— Научись принимать вещи такими, какие они есть, и благодарить за помощь, когда тебе ее оказывают. В том мире, который я создал специально для тебя, все перевернуто вверх ногами, так что тебе там будет очень удобно. Попав туда, ты будешь чувствовать себя прекрасно, хотя людям с других планет, наверное, покажется, что мой мир устроен шиворот-навыворот. Я намеренно сделал его не похожим на мир Брахмы. Прощай же,— сказал Вишвамитра и, с удовлетворением глядя на Тришанку, устремившегося ввысь, пробормотал: — Я рад, что мой мир ничем не напоминает унылое, набившее оскомину творение Брахмы. И вообще, что такое верх и что такое низ в том беспредельном, лишенном ориентиров пространстве, которое лежит за нашим голубым небом?

Рассказчик помедлил и потом снова заговорил:

— Так бедный Тришанку пропал из виду раз и навсегда. Все надеются, что он счастливо живет на своем собственном небе, ни в чем не зная нужды и радуясь тому, что его окружает. Быть может, какой-нибудь современный астроном или кто-нибудь из тех, кто, как мы слышали, кружит по небу, откроет новый мир за пределами Млечного Пути. Как знать, вдруг окажется, что это мир Тришанку, конечно, если там все перевернуто вверх ногами.

Тот, кто хочет совершить что-нибудь необычайное, всегда найдет себе дело,— продолжал рассказчик.— Покончив с Тришанку, Вишвамитра решил заняться царем Айодхьи Амбаришей, который старательно приготовил все, что было нужно для жертвоприношения, но в последнюю минуту лишился жертвенного животного. Назначенный день приближался, и Амбариша впал в отчаяние: он боялся, что праздник будет

испорчен, потому что ему не удастся найти животное. Священники сказали ему, что можно обрадовать богов, принеся в жертву кого-нибудь из людей. Тогда Амбариша отправился в путь, чтобы найти человека, который согласился бы стать жертвой.

Во время этого странствия он встретил одного бедняка, который жил в хижине среди леса вместе с женой и тремя сыновьями.

— Я дам тебе столько денег, сколько ты захочешь,— сказал Амбариша.— Подари мне одного из твоих сыновей, он нужен для высших целей.

— Старшего я не отдам ни за какие богатства!— воскликнул бедняк.— Это мой любимец.

Тут к царю подбежала его жена.

— Младший сын — мой любимец! — закричала она.— Я не могу жить без него. Нет такой цены, за которую я согласилась бы с ним расстаться.

Средний сын, Шунахшепа, посмотрел на отца и мать и понял, что никому из них он не нужен, как часто бывает с теми, кто от одного ушел, а к другому не пришел.

Он оттолкнул родителей и сказал:

— Царь, возьми меня, я не нужен ни отцу, ни матери.

Царь с радостью согласился и объявил:

— За то, что ты согласился оказать услугу во время жертвоприношения, тебя ожидает награда в других мирах.

Какие бы радости ни ожидали Шунахшепу в других мирах, ближайшее будущее не сулило ему ничего хорошего. Он шел за царем с видом осужденного на казнь.

Так они добрались до берега реки Пушкары, где Вишвамитра разбил лагерь. Собираясь в третий раз погрузиться в размышления, Вишвамитра увидел Шунахшепу. А по своему характеру, увидав какого-нибудь человека, он не мог не задать ему несколько вопросов, поэтому Вишвамитра принялся расспрашивать Шунахшепу, отчего тот та́к грустен. Шунахшепа рассказал ему о своем горе, и Вишвамитра тут же решил, что не допустит его смерти.

— Успокойся, я спасу тебя,— уверил он мальчика.

Вишвамитра посоветовал Амбарише отпустить

Шунахшепу. Амбариша объяснил, почему он не может этого сделать.

— Если кто-нибудь украдет жертвенное животное, церемония все равно состоится, только без жертвоприношения, вот и все. Как ты смеешь приносить в жертву ребенка?! Я этого не допущу,— заявил Вишвамитра и притянул Шунахшепу к себе.

Царь молил вернуть мальчика, но тщетно. Вишвамитра произнес гневную речь против жертвоприношений, а под конец предложил заменить Шунахшепу кем-нибудь из своих сыновей, на что они ответили сердитым отказом. Тогда Вишвамитра объявил, что в наказание за неповиновение отцу его сыновья станут вечными странниками и будут есть мясо собак, а сам потихоньку сказал Шунахшепе, какие две мантры он должен произнести, когда к нему приблизятся священники, чтобы отрубить ему голову. Потом он отпустил мальчика, и тот ушел с Амбаришей. А когда Шунахшепу натерли жиром и привязали к жертвенному столбу, он произнес две мантры и священный нож оказался бессилен перед ним.

Вишвамитре все время хотелось что-то улучшить и исправить, из-за этого он постоянно вмешивался в чужие дела. Но скоро он понял, что такая жизнь только мешает его духовному усовершенствованию. Он удалился от людей и вновь погрузился в размышления. Тогда Индра послал на землю небесную красавицу Менаку и велел ей развлечь Вишвамитру. Вишвамитра сначала поддался ее чарам, но потом опомнился, прогнал Менаку и ее дочь Шакунталу * и снова отдался своим мыслям.

Индра послал к нему еще более красивую женщину из своего мира, Рамбху, и велел ей смутить его покой. Рамбха с трепетом спустилась на землю и начала танцевать перед Вишвамитрой. Вишвамитра очнулся, посмотрел на нее, но не почувствовал ни малейшего желания приблизиться к ней.

— Как ты решилась использовать свою красоту для такой низкой цели! — закричал он.— В наказание ты на десять тысяч лет превратишься в статую.

---

* Об этом эпизоде подробно говорится в рассказе о Шакунтале; см. стр. 216.

Рамбха в отчаянии расплакалась:

— О мудрец, чем я тебя так разгневала? Ведь я делала только то, что мне приказали.

— Я знаю, поэтому мое проклятье будет тяготеть над тобой только десять тысяч лет. Иначе ты осталась бы статуей навеки. Пусть это для всех послужит уроком, особенно для Индры.

Увидав, что Рамбха окаменела, Вишвамитра огорчился. Силы внешнего мира, казалось, постоянно вынуждали его кому-то угрожать и на кого-то изливать свой гнев, и до каких бы высот ни поднимали его дух суровые тапасы, безудержные порывы злобы обращали его заслуги в ничто. Накопленных им духовных богатств каждый раз хватало только на то, чтобы совершить какое-нибудь одно дело: сначала он полностью растратил свои душевные силы на борьбу с Васиштхой, потом ценой сверхчеловеческих усилий отправил на небо Тришанку; ему удалось спасти Шунахшепу, но только после того, как он проклял своих сыновей. И вот сейчас он обратил в статую прекрасную небесную деву. Духовные силы требуют осторожного и бережного обращения, они расцветают и крепнут, только если человек стремится их сохранить. Быть может, Васиштха достиг своего высокого положения потому, что никогда не вмешивался в чужие дела и оставался невозмутимым, даже когда у него было достаточно причин для беспокойства.

Вишвамитра понял, что в душе он остался воином, хотя и стремился стать мудрецом; если он хотел обрести истинную мудрость, ему надо было избавиться от кродхи, от инстинктивного стремления действовать силой. Ничего удивительного, что Брахма назвал его всего лишь Раджа риши, особенно если вспомнить, что, удалившись от людей ради свершения тапас, он взял с собой жену и она в это самое время родила ему четверых детей. Чем он пожертвовал, чтобы достигнуть святости? Ничем. Он постоянно жаждал земных побед, хотя как будто отказался от земной жизни. Вишвамитра понял, что должен уйти прочь и начать все сначала, но на этот раз — не давая себе никаких поблажек; ему нужно было остаться в полном одиночестве, чтобы ни одна живая душа не помешала осуществлению его намерений.

Он отправился на север, к Гималаям, нашел уединенное место и вновь погрузился в размышления. Огонь его мысли, казалось, сжигал и превращал в пепел все живое. Боги умоляли Брахму заставить Вишвамитру отказаться от жизни аскета. Вишвамитра отрекся от всех желаний и тысячу лет терпел тяжелейшие лишения. Он перестал говорить (помня, что каждое его слово оказывалось либо проклятьем, либо угрозой), он полностью укротил свой нрав и за все это время ни разу не нарушил тишины; под конец он мог почти не дышать, обходясь крошечными глотками воздуха; он не брал в рот ничего, кроме воды, и сидел неподвижно, сосредоточив все свои мысли и желания на том, чтобы стать Брахмой риши.

Вишвамитра тысячу лет не прикасался к пище, и настало время, когда он должен был прервать свой пост. Он собрался прочесть молитвы, совершить омовение и что-нибудь съесть, но в эту минуту у двери его хижины появился нищий монах.

— Я умираю от голода! — крикнул он.

И Вишвамитра, ни секунды не задумываясь, отдал ему то, что у него было, и сказал:

— Бери все, что у меня есть. Прости, что я не могу предложить тебе ничего лучшего.

Впервые за то время, что он прожил на свете, Вишвамитра полностью забыл о самом себе и о своих желаниях.

Нищий монах, который на самом деле был переодетым Брахмой, тут же открыл ему, кто он, и сказал:

— Вишвамитра, труды, на которые ты положил свою жизнь, принесли плоды. С этой минуты ты станешь известен во всех мирах как Брахма риши, ты получаешь право совершать богослужения во время жертвоприношений, руководить поступками людей и делиться священными тайнами, с кем ты пожелаешь.

В первый раз в жизни Вишвамитра почувствовал себя счастливым. Но все-таки спросил:

— А Васиштха тоже будет называть меня Брахмой риши?

В ту же минуту перед ним появился Васиштха, обнял его и возгласил:

— Ты истинно мудр, я без колебаний признаю тебя Брахмой риши.

— Если бы в тот памятный день ты не оказал мне гостеприимства и не познакомил с Шабалой,— сказал Вишвамитра,— я бы, наверное, спокойно окончил свое земное существование, умер и был бы забыт, как все другие цари. Я благодарю тебя за то, что ты направил мою жизнь по другому пути.

Манматха

Творец Брахма с удовлетворением окинул взором плоды трудов своих. Вселенная с ее фауной и флорой, самые разные существа от комаров до ангелов, звезды и солнца — все это создал он. Доведя до конца эту гигантскую работу, Брахма захотел явить миру нечто совсем новое и не похожее на все свои предыдущие творения. В таком настроении он дал жизнь некой несравненной деве по имени Сандхья. («Зыбкий час между заходом солнца и сумерками, между концом ночи и рассветом, время приглушенных голосов, неясных мыслей, тающих или возникающих силуэтов тоже называется „сандхья"»,— объяснил рассказчик.)

Как только эта дева обрела дар речи, она спросила у Брахмы:

— Зачем ты меня создал?

— Чтобы внести разнообразие в этот мир,— ответил Брахма.

— Но мне так одиноко! — пожаловалась она.

— Я избавлю тебя от одиночества,— сказал Брахма и создал ей брата.

Это был юноша с необычайно красивым лицом и телом, вооруженный луком из сахарного тростника с тетивой из вереницы жужжащих пчел и пятью стрелами из пяти редких благоухающих цветов. Он сиял, как полная луна, у него был орлиный нос, прямые плечи, и при взгляде на него казалось, что его тело и лицо изваял скульптор. Его гибкая шея не уступала совершенством формы морской раковине, а широкая грудь придавала его облику царственное величие. Он

носил голубую одежду и украшал волосы цветами кесари, а в руках он держал флаг с изображением рыбы. Он нравился всем: и мужчинам и женщинам. Завидев его, все млели от восхищения.

— Зачем ты меня создал? — повторил он вопрос Сандхьи.

— Ты бог любви,— ответил Брахма.— Ты всемогущ, ты способен проникать в мозг людей, поэтому тебя будут называть Манматхой, но ты получишь еще одно имя — Кама, потому что твои стрелы будут возбуждать страсть в сердцах мужчин и женщин, страсть, которая необходима для поддержания жизни.

Юноша подумал немного и спросил:

— А как я узнаю, что все это правда? Когда я смогу попробовать свои силы?

— Да хоть сейчас,— беззаботно ответил Брахма.

Этот разговор происходил во время большого собрания богов, на котором присутствовали семь прославленных сыновей Брахмы — семь мудрецов, прародитель богов Дакша, царь вселенной Праджапати и многие другие. Юноша поднял лук и направил первую стрелу в самого Брахму. А потом выстрелил по очереди во всех остальных.

В ту же минуту в сердцах богов пробудилось страстное желание овладеть единственной женщиной в этом собрании, которой оказалась не кто иная, как Сандхья. Боги сгорали от любви, хотя одному из них она приходилась дочерью, а другим — сестрой. Все они вдруг увидели, как обольстительно ее тело, и, отталкивая друг друга, изо всех сил старались привлечь ее внимание; рассудительность, сдержанность, приличия — все было забыто.

Весть о случившемся дошла до Ямы Дхармы, бога смерти и стража справедливости. Он вознес молитву бесконечному неизменному верховному богу Ишваре (создавшему всех остальных богов) и попросил его вмешаться, чтобы образумить бесстыдных. Услышав молитву Ямы, Ишвара спустился в мир Брахмы, разбранил бога-творца и его сыновей и пресек их кровосмесительные порывы. Но зло, хоть и не самое страшное, все-таки свершилось: в ту минуту, когда Брахма запылал от вожделения, капля его пота упала на землю перед Сандхьей и дала начало многочислен-

ному потомству, а из сока жизни, пролитого Дакшей, родилась Рати, красавица из красавиц.

Ишвара удалился, но Брахма не мог забыть оскорбления, которое Ишвара нанес ему в присутствии детей.

— О Манматха,— в гневе воскликнул он,— ты ответишь за мое унижение! Тебя тоже настигнет рука Ишвары. Пусть он сожжет тебя!

— Можно ли быть таким несправедливым! — возмутился Манматха.— Ты сам создал меня, сам наделил необычайным даром и сам же разрешил им воспользоваться. Разве не по твоему настоянию я натянул тетиву? Как же ты винишь меня за то, что случилось?

Брахма признал правоту Манматхи и немного смягчил приговор.

Дакша спросил у Манматхи, не хочет ли он жениться на его дочери Рати. Манматха, чьи стрелы оказались неотразимыми для Брахмы и всех остальных, сам не устоял перед очарованием Рати. Ведь ее брови были очерчены еще совершеннее, чем его, а заостренные груди были похожи на нераспустившиеся бутоны лотоса и кончались темными, как медоносные пчелы, сосками, такими твердыми, что упавшая на них слеза разбивалась на тысячи мельчайших брызг; когда Манматха глядел на струнку шелковистых волос между ее грудей, ему казалось, что там случайно оказалась тетива его лука. Ее бедра, гладкие, как стволы бананового дерева, сужались книзу и заканчивались маленькими ножками с розовыми пальчиками и пятками. Ее руки походили на потоки золотого дождя, а косы можно было сравнить только с облаками в сезон дождей. Манматха изнемогал от любви к Рати, и она стала его женой.

Брахма, все еще не забывший обиды, нанесенной ему Ишварой, сказал Манматхе:

— Отправляйся в путь вместе с Рати, возьми с собой все оружие, которое у тебя есть, и напади на Ишвару. Я хочу, чтобы он оказался в таком же положении, в каком застал нас.

— Но ведь надо, чтобы рядом с ним был кто-то, кого он мог полюбить,— не соглашался Манматха.

— Об этом ты можешь не беспокоиться,— невоз-

мутимо ответил Брахма.— Я дам тебе надежного союзника.

Он вздохнул и создал Васанту (весну). Васанта приготовился сопровождать Манматху и захватил с собой все средства обольщения: летние песни птиц, зеленые побеги растений, налитые соком плоды, деревья в цвету, и пташек, и вечерний ветерок, и волшебные сумерки — все, что настраивает на лирический лад.

Только тогда Манматха осмелился приблизиться к Ишваре, чтобы испытать на нем свою силу. Вскоре он вернулся и сказал Брахме:

— Он не обратил на меня никакого внимания; со мной еще никогда не случалось ничего подобного. Я не отставал от него ни на шаг, я поднялся за ним на гору Кайласу, потом на Меру, я обошел с ним все Гималаи, но он как будто не замечал меня. Васанта помогал мне как только мог. Он навеял теплый южный ветерок, от которого все теряют голову, но на Ишвару это не произвело никакого впечатления. Я израсходовал все пять стрел, но ни одна из них не попала в цель. Я создал двух гусей-чакравака, они затеяли любовную игру у него на глазах, но он смотрел на них невидящим взором. Я создал крупных птиц — павлина, который совокуплялся с павой,— но они вызвали у него не больше интереса, чем комья глины. Я прибегал к сильнейшим средствам, я составлял любовные символы из самых разных предметов: из огромных деревьев, обвитых плющом, и из многого другого. Я умолял Васанту не щадить себя, Васанта наполнил всю округу запахом цветов чампака, паннаги, паталы, маллики и гале, благоухание которых заглушает голос благоразумия. По моему приказанию раскрывались девственные бутоны лотоса, но Ишвара оставался равнодушен и невозмутим. У меня не хватило сил это вынести,— с тоской сказал побежденный Манматха.— Мне было страшно рядом с ним, и я убежал.

Брахма совсем приуныл. Он испустил тяжелый вздох, и из этого вздоха явились на свет странные фантастические существа, которым он приказал приблизиться к Ишваре и смутить его покой танцами и соблазнительными телодвижениями, а Манматхе

Брахма велел еще раз попытаться зажечь сердце Ишвары. Манматха снова покорно отправился в путь в сопровождении Рати и Васанты, но вскоре вернулся и сказал, что его опять постигла неудача.

— Сейчас мы ненадолго расстанемся с Манматхой,— прервал свое повествование рассказчик,— и познакомимся с новым персонажем, появление которого сделало жизнь Манматхи еще тяжелее.

Примерно в это время у некоего Ваджранги («Ваджранга» значит «Алмазные ноги») родился сын Тарака. При его появлении на свет все предвещало беду: выли шакалы, кричали ослы, небеса потемнели и странные нечестивые звуки наполнили воздух.

Когда Тарака вырос, он захотел стать сильным и непобедимым и ради этого наложил на себя покаяние, которое длилось тысячу лет. Он проявил необычайное рвение. Сто лет Тарака стоял с поднятыми руками на одном большом пальце ноги и непрерывно читал молитвы; сто лет он не брал в рот ничего, кроме воды; сто лет он молился, балансируя на голой скале. И все это время его голова испускала какие-то неведомые лучи, которые грозили испепелить мир.

Боги и их глава Индра дрожали от страха. Они решили, что настал их последний час, и попросили Брахму положить конец этой страшной затее.

Брахма стал увещевать Тараку, но тот не хотел ни переходить на другое место, ни прекращать свои опыты. Чтобы сделать его сговорчивее, Брахма пообещал ему свое покровительство. Тарака пошел на уступки и согласился прервать покаяние, если Брахма дарует ему непобедимость.

Недовольный Брахма возразил, что подобный дар наверняка повлечет за собой множество неприятностей и поэтому прежде нужно договориться об условиях. Тогда Тарака сказал:

— Хорошо, я согласен принять этот дар на таких условиях: пусть я буду непобедим для всех живых существ всех миров, кроме одного — того, кого родит Ишвара.

И он улыбнулся, потому что поражение, которое потерпел Манматха, стало притчей во языцех во всех мирах.

Брахма боялся, что Тарака завлечет его в ловушку, и колебался, а демон не отступал.

— Я сказал свое слово — заявил он.— Если ты не согласен, позволь мне продолжать покаяние.

Брахма помедлил еще немного и согласился. Он вспомнил об Индре и богах, которые с тревогой ждали его возвращения, и сказал:

— Хорошо, будь по-твоему.

Добившись своего, Тарака отказался от жизни отшельника и стал правителем Шонитапуры. От его бесчинств не было покоя ни в одном из миров. Он не щадил ни слабых, ни сильных, оскорблял женщин и присваивал себе все, что хотел. Он похитил у Индры его огромного слона Айравату, а у риши отнял мать Шабалы, корову Камадхену, которая выполняла все их желания. Бог солнца лишился по милости Тараки лошади, которая возила его колесницу, и со страха стал посылать на землю меньше тепла и света. Сам бог ветра жил в постоянной тревоге и лишь изредка осмеливался заявить о своем присутствии, да и то легчайшими дуновениями.

Боги обратились за помощью к Вишну, который всегда выступал в роли избавителя, и Вишну запустил в небеса свои прославленные летающие диски. Не было случая, чтобы они оставили на своем пути что-нибудь живое, но на этот раз диски ударили Тараку в грудь, не причинив ему ни малейшего вреда; он приколол их к своей одежде и носил как украшения.

Тогда боги снова пришли к Брахме, но в ответ на их просьбы Брахма сказал:

— Я не могу тронуть того, кому я обещал неприкосновенность. Если садовник посадил ядовитое дерево, он не станет сам его уничтожать, это должны сделать другие.

Вишну и Брахма оказались бессильны перед Таракой. Из триединства остался один Шива. Боги собрались на совет и после долгих споров решили обратиться за помощью к Шиве. Шива был живым воплощением Ишвары; если бы у него родился сын, он смог

бы убить Тараку. Но для этого нужно было, чтобы Шива прервал свое суровое покаяние.

Теперь настало время познакомиться еще с одним персонажем — с Парвати, дочерью Химавана, господина Гималаев. Жена Химавана поклонялась Шакти, богине-матери. Когда у нее родилась дочь, все предзнаменования говорили, что на свет явилась спасительница. Однажды мать и дочь остались наедине и девочка прошептала:

— Я богиня Шакти, которой ты столько молилась. Твоя жизнь благословенна.

В то же мгновение она предстала перед матерью во всем своем величии, но потом вновь превратилась в младенца.

Девочка росла, как растут все девочки. Когда она стала девушкой, отец разрешил ей приходить вместе с ним к Шиве, который сидел на горе Кайласе, погрузившись в свои думы.

Шива говорил Химавану:

— Не приводи сюда женщин, я не хочу, чтобы мне мешали.

Но девушка была очарована суровым старцем и каждый раз, когда отец отправлялся на Кайласу, упрашивала его взять ее с собой. В конце концов она решила не разлучаться с Шивой и стать его ученицей и помощницей. Она приносила ему цветы для богослужения, обмывала его ноги и следила за тем, чтобы его никто не беспокоил.

После многих безуспешных попыток найти когонибудь, кто помог бы им избавиться от Тараки, боги поняли, что Парвати может оказать им бесценную услугу, если только Шива заинтересуется ею как женщиной. Но стоило им вспомнить о его безразличии к любви, как они начинали громко стонать. И всетаки они призвали Манматху и сказали:

— О бог любви, будь нашим спасителем! Заостри свои стрелы и пронзи ими этого слепого сурового человека. Заставь его обратить внимание на Парвати, все остальное сделается само собой.

— Как, опять?! — в отчаянии воскликнул Манматха.— Попросите меня пронзить стрелами любви сердце ракшасы или затопить любовью сердца богов, но не говорите мне о Шиве, который на самом деле Иш-

вара, потому что тут я ничто, перед ним я бессилен. Я ничего не могу с ним поделать.

Боги принялись в один голос умолять его:

— Ты бог любви. Конечно, тебя может постигнуть одна, другая неудача — мало ли какие бывают обстоятельства,— но разве есть такое существо, которое в силах устоять перед твоими стрелами? Зачем ты тогда живешь на свете, если не для того, чтобы помогать нам? В прошлый раз ты потерпел поражение, но сейчас тебя наверняка ждет успех. Парвати не отходит от Шивы, она готова исполнить любое его желание. Она молода и красива. Тебе нужно только заставить Шиву оценить ее по достоинству. Если ты не поможешь нам, Тарака уничтожит всех нас, без тебя нам не выжить,— добавили они.

Манматха почистил и наточил стрелы и отправился на гору Кайласу. Он увидел Шиву, который сидел неподвижно, погрузившись в размышления, и спрятался за кусты. Парвати, как всегда, была тут же. Манматха решил дождаться благоприятного момента и предоставил действовать Васанте, который обвеял Шиву прохладным ветерком и всячески старался пробудить в нем нежные чувства. Шива почувствовал, что в воздухе что-то изменилось, и на мгновение отвлекся от своих мыслей, удивившись, почему вдруг началась весна. Манматха поднял лук из сахарного тростника и выпустил первую стрелу как раз в ту минуту, когда Парвати приблизилась к Шиве, держа в руках поднос с цветами.

Обычно Шива не видел ничего, кроме цветов, которые она ему подносила. Но на этот раз, приоткрыв глаза, он обратил внимание на пальцы, сжимавшие поднос, и на красные кончики этих пальцев. «Что это — пальцы или цветы»,— подумал он. Но тут же оборвал себя, закрыл глаза и направил свои мысли в обычное русло.

Манматха терпеливо ждал. Он приказал Васанте сотворить кукушку, жалобно призывающую своего возлюбленного. Услышав кукование, Шива открыл глаза и увидел Парвати, которая заботливо подметала сухие листья, опавшие с деревьев; в этот миг Манматха выстрелил второй раз. Шива открыл глаза чуть шире и задумался, стараясь понять, что́ он видит пе-

ред собой: настоящие человеческие губы или красные вишни. Но через мгновение он снова овладел собой.

Стрелы одна за другой попадали в цель. Теперь Шива открывал глаза, как только слышал малейший шорох, и следил за Парвати, которую тоже настигли стрелы Манматхи. А Парвати выполняла свои обязанности без обычного самозабвения. Ей все время хотелось подольше оставаться там, где Шива мог ее видеть. Ее бедра раскачивались, и все ее движения стали нарочитыми и соблазнительными.

Шива целиком отдался мыслям о существе, которое он видел перед собой. Это глаза или голубые лотосы? Кто поет эту песню — человек или птица коил? Кто это двигается с такой грацией — женщина или пятнистый олень? Как случилось, что вся красота мира оказалась собранной и заключенной в одном этом создании? Какое наслаждение для глаза! И какое должно быть наслаждение держать это чудо в объятиях! Шива уже не в силах был погрузиться в свои обычные думы.

Он начал разглядывать Парвати более пристально и понял, что перед ним та же девушка, которую он видел вчера, и все-таки он все время замечал в ней что-то новое. Шива не мог объяснить это странное явление. Чем больше он раздумывал о причинах необычного возбуждения, которое его охватило, тем больше он убеждался, что виной тому какие-то внешние силы. И тут он увидел за кустом того, кто смутил его покой.

Как раз в эту минуту Манматха прицелился в него и с ужасом понял, что его стрела не достигнет цели, потому что Шива ее увидел.

А Шива догадался, что бог любви намеренно причинил ему столько беспокойства, и его обуял гнев. Когда Манматха еще раз выглянул из-за куста, чтобы посмотреть, готовить ему новые стрелы или нет, Шива открыл третий глаз, который находился у него во лбу. Взгляд этого глаза возвращал всем предметам их первоначальную сущность, как будто они подвергались испытанию огнем. Когда-то с помощью своего третьего глаза Шива превратил в пепел целый город асуров под названием Трипура. На этот раз его взгляд упал на Манматху, как сноп пламени; Манматха

съежился и в то же мгновение превратился в кучку пепла. Теперь Шиве больше никто не мешал, и он вновь погрузился в размышления. Прошло немного времени, и он покинул Кайласу, разрушив все планы Парвати. Она вернулась к отцу и с плачем призналась:

— У меня ничего не вышло, Шива ушел.

В это время во дворце Химавана гостил мудрец Нарада *, великий мастер плести и распутывать интриги во всех мирах. Он сказал Парвати:

— Не старайся привлечь Шиву молодостью и красотой тела, на этом пути ты не добьешься успеха, потому что все внешнее и второстепенное мгновенно уничтожается, стоит только Шиве открыть свой третий глаз. Если ты хочешь его завоевать, рассчитывай на свои душевные силы, а не на свою привлекательность и помощь таких созданий, как Васанта и Манматха. Возвращайся на гору Кайласу, живи в одиночестве и молись.

И еще Нарада научил Парвати одному из самых сильных заклинаний — мантре «Ом нама шивая» — и посоветовал ей сосредоточиться и не думать ни о чем, кроме этой мантры. Парвати удалилась на Кайласу и наложила на себя суровое покаяние.

В это время Рати, жена Манматхи, пришла к Шиве и взмолилась:

— Спаси меня, ведь это по твоей вине я стала вдовой.

— Мне жаль тебя,— ответил ей Шива,— но сейчас ничего нельзя сделать. Твой муж сам во всем виноват. Я не могу помочь тебе. Манматха не погиб, он только лишился тела. Сгорела лишь его грубая оболочка, а дух его жив. Я даровал ему право заниматься его прежним делом, но так, чтобы его никто не видел; кроме того, я дарую ему право находиться поблизости от меня вместе с другими невидимыми и незримыми слугами и помощниками.

— О, сколько еще, сколько еще, сколько еще я буду женой невидимого мужа?! — воскликнула Рати.

* Нарада — один из великих мудрецов, которому были открыты дороги во все миры; благодаря необыкновенному уму и проницательности он пользовался любовью и уважением всех богов и людей.

— В конце концов вы оба родитесь заново во время Двапараюги и вновь станете мужем и женой.

И Рати пришлось удовольствоваться этим обещанием.

Но тут вмешались Брахма и другие боги:

— О Великий бог, что же ты сделал? Ведь ты уничтожил бога любви, как же теперь будет существовать мир? Манматха не хотел причинить тебе зло, он лишь старался помочь нам.

— Я не уничтожил его,— ответил им Шива,— он жив, я лишь освободил его от тела и очистил его дух.

К этому времени покаяние Парвати начало приносить плоды. Однажды к ней на вершину горы явился какой-то человек. Это был Шива, который принял вид аскета, давшего обет безбрачия. Он предстал перед ней и спросил:

— О чем ты молишься?

— О том, чтобы получить руку и сердце Шивы, больше мне ничего не надо. И я добьюсь своего, чего бы это мне ни стоило.

Юноша рассмеялся ей в лицо.

— Глупая ты, глупая! — сказал он.— Зачем тебе понадобился Шива, этот грубый, неотесанный старик, который, не раздумывая, сжег несчастного бога любви? Он приходит в ярость из-за каждого пустяка, его тело испачкано золой, ему уже давно пора на кладбище, он носит вместо одежды тигровую шкуру, а вместо браслетов и короны — живых змей! В нем нет ничего привлекательного, забудь его!

Но на Парвати его слова не произвели никакого впечатления, и он продолжал:

— К тому же Шива показал себя безрассудным и непочтительным мужем. Разве ты не знаешь, что однажды в давние времена тесть не позвал его к себе на праздник в наказание за его грубость? *

---

* В одном из предыдущих воплощений Парвати была женой Шивы, и тогда ее звали Сати. Ее отец устроил большой праздник с богатыми жертвоприношениями и пригласил богов из многих миров. Небо наполнилось почетными гостями, которые съезжались на праздник каждый в своей колеснице. Среди них не было только Шивы и его жены, не получивших приглашения. Но Шива поддался уговорам Сати и все-таки явился к тестю, который жестоко оскорбил его. Сати не могла перенести такого унижения, бросилась в костер и погибла.

— Перестань, пожалуйста! — рассердилась Парвати.— Грешно говорить дурно о великой душе, еще грешнее ронять эти дурные слова в уши ближних. Уходи.

Юноша ушел.

И тогда Шива предстал перед Парвати во всем своем величии и назвал ее своей женой. В эту торжественную минуту снова появилась Рати, которая решила сделать последнюю попытку вернуть мужа. Она приблизилась к счастливой паре и сказала:

— Вы утопаете в блаженстве, которое принесла вам любовь, в то время как бог, давший вам...— Рати заплакала и развязала конец своего сари, в котором она хранила горсть пепла.— Вот во что вы превратили моего мужа! — воскликнула она и с благоговением указала на пепел Манматхи.

У Шивы было самое радужное настроение.

— Хорошо,— сказал он,— твой муж сейчас предстанет перед тобой таким, каким он был прежде, но помни, что для всех остальных ничего не изменится. Никто, кроме тебя, его не увидит. Теперь иди и будь счастлива. Для других он станет прежним Манматхой только во время Двапараюги.

Бог любви восстал из пепла и ушел со своей женой Рати.

От брака Шивы с Парвати родился шестиликий бог Субрахманья, скакавший верхом на павлине. Его появление на свет предрешило судьбу демона. Еще ребенком Субрахманья напал со своей армией на Тараку и убил его, так что все произошло, как того хотел сам Тарака, который согласился расстаться с жизнью, только если на него поднимет руку потомок Шивы.

Часть третья

Равана
Валмики
Драупади

В этих трех рассказах в качестве действующего лица выступает сам бог. Он принимает зримый облик для того, чтобы убить демона Равану, вдохновить Валмики, творца «Рамаяны», и помочь отважной Драупади довести до конца дело ее жизни и уничтожить соперников и мучителей своих мужей.

Равана

«Равана» значит «крикун», и у ракшасы, которого наградили этим именем, в самом деле был очень громкий голос. А началось все с того, что он захотел сдвинуть с места гору Кайласу в то время, когда Шива развлекался там со своей женой. Рассердившись на эту неслыханную дерзость, Шива уперся в пошатнувшуюся гору носком ноги и придавил Равану, который в конце концов признал верховную власть Шивы и стал громогласно молить его о пощаде. Приближенные Раваны посоветовали ему вознести молитву об облегчении своей участи, и Равана что было силы затянул молитвенную песнь на мотив самана (который положил начало всей музыке). Шиве это очень понравилось; он сошел на землю, чтобы даровать просящему свою милость, и тогда-то назвал его Раваной.

Чтобы вы поняли, почему Равана вздумал повалить гору Кайласу, мне придется вернуться назад и рассказать вам все с самого начала. Настоящее имя этого ракшасы не Равана, а Дашагрива, что значит «Десятиголовый». Он родился с десятью головами и двадцатью руками. При его появлении на свет все предвещало беду: выли волки, пронзительно кричали птицы. Его мать, Кайкаси, знала, что родит демона, еще тогда, когда носила ребенка в своем чреве. Она была дочерью вождя демонов Сумали, и ей удалось соблазнить одного святого человека необычайной красоты и привлекательности, обладавшего к тому же огромной душевной силой. Святой, которого она застала врасплох, когда он был погружен в размышления, предупредил ее:

— Этот сумеречный час неблагоприятен для заключения брачного союза, ты родишь чудовище.

Но она сумела разжалобить его, и он смягчил приговор:

— Если у тебя родится несколько детей, один из них будет достойным человеком.

Первым Кайкаси родила Дашагриву, которого через некоторое время стали называть Раваной, потом Кумбхакарну и дочь Шурпанакху и, наконец, Вибхишану. Когда она рожала первых трех детей, выли вол-

ки и темнели небеса, во время четвертых родов дурных предзнаменований не было.

У мужа этой женщины был сын от прежней жены — прославленный царь Кубера. Однажды, когда он пришел навестить отца, мать чудовищ, которая относилась к нему с ревнивым восхищением, сказала Раване и остальным детям:

— Смотрите, вот идет ваш брат, поздоровайтесь с ним почтительно.

Сводные братья с благоговением приблизились к Кубере. Они часто слышали, как родители с похвалой отзывались о нем, и, когда выросли, спросили у отца:

— Как ему удалось стать таким замечательным человеком?

— С помощью тапаса,— ответил отец.

Братья тут же нашли уединенное место на берегу реки и наложили на себя покаяние, чтобы стать такими же сильными и достойными людьми, как Кубера. Каждый из них предавался тапасу много тысяч лет. Чтобы не потерять счет годам, Равана после каждого тысячелетия сам себе откусывал голову. Так он лишился девяти голов и остался только с одной. Тогда к нему явился творец Брахма и сказал:

— Я восхищаюсь твоим упорством, но во имя чего ты наложил на себя покаяние, что тебе нужно?

— Мне нужно бессмертие.

— Этого я не могу тебе дать,— ответил Брахма.— Тот, кто рожден, рано или поздно должен умереть, таков закон мироздания.

— Подари мне тогда непобедимость, пусть никто из богов и небожителей не сможет меня одолеть, пусть никакие силы, земные и небесные, не смогут заставить меня отступить.

— Согласен,— сказал Брахма.— Ты сможешь устоять перед любыми силами любого из миров. А что ты скажешь о людях?

— Об этих червях! — воскликнул Равана.— Неужели я стал бы совершать тапас, чтобы обезопасить себя от людей!

— Будь по-твоему,— сказал Брахма.

— И еще: всякий раз, когда кто-нибудь отрубит одну из моих голов, пусть она вырастает снова.

— Будь по-твоему,— повторил Брахма.

В ту минуту, когда Кумбхакарна приготовился высказать Брахме свою просьбу, на помощь богу пришла его супруга Сарасвати, богиня знания и красноречия. Она поразила язык Кумбхакарны. Никто не знает, о чем он собирался просить Брахму, но единственное, что ему удалось сказать, это: «Я хочу спать, спать беспробудно». Брахма тут же обещал исполнить его желание, и Кумбхакарна, никому не причиняя вреда, как того можно было опасаться, проводил большую часть жизни во сне, так что людям не пришлось порицать бога за то, что по его милости их жизнь стала еще тяжелее.

Когда Брахма спросил Вибхишану, чего он хочет, тот сказал:

— Дай мне мужество никогда, ни при каких обстоятельствах не сворачивать с правильного пути.

Вот как сильно отличался он от своих братьев.

Воспрянув духом после такого удачного завершения тапаса, братья вернулись к обычной жизни, горя желанием испробовать свои силы и убедиться в непобедимости Раваны. Дед Раваны пришел к нему в гости и стал его уговаривать:

— Тебе надо напасть на Ланку и отвоевать ее у Куберы. Эта земля должна принадлежать нам, у Куберы нет на нее никаких прав.

— Кубера — мой старший брат, я не могу поднять на него руку,— возразил Равана.

Но дядя Раваны, Марича, встал на сторону деда.

— Ты воин,— убеждали они его,— а первая обязанность воина — показать всему миру свою доблесть. Чего стоит твоя непобедимость, если ты сидишь дома? В конце концов, Кубера тебе брат только по отцу, а сводный брат все равно что не брат. Но пусть даже вы братья, что ж из того? Если он твой близкий родственник, значит, он должен тебе уступить.

Прислушиваясь к их речам, Равана в конце концов понял, что они хотели ему втолковать. Если тебя влекут слава и победы, надо забыть о справедливости. Он собрал армию и двинулся на Ланку. Получив вызов, Кубера решил уступить требованиям врагов, чтобы избежать кровопролития. Он встретил Равану на

границе и передал ему власть над страной, а сам ушел в Алакапури, в Гималаи, за тысячу миль к северу от того места, где поселился его брат. Но как ни велико было расстояние, которое их разделяло, вести о деяниях брата все равно доходили до слуха Куберы.

Утвердившись в новом государстве, Равана не давал поднять голову ни одному из своих соседей. Для него не было большей радости, чем мучить других царей. Стоило ему узнать, что кто-нибудь из них отличается красотой или богатством, как он немедленно приходил в ярость; но такую же ярость вызывали у него цари, которые заботились только о своей душе или посвящали себя служению наукам или религии. В безопасности были только те, кого он не замечал. Все живые существа вокруг него жили в постоянном страхе привлечь чем-нибудь его внимание. Тех, кого Равана не уничтожал, он подвергал постоянным мучениям.

Кубера послал к Раване гонца, чтобы посоветовать брату оставить людей в покое. Услышав эти слова, Равана тут же выхватил меч и отрубил гонцу голову. А придворные, толпившиеся в зале, отнеслись к этому как к веселой шутке. Но Кубера не терял надежды на то, что ему удастся исправить брата и разлучить его с дьяволом. Он продолжал давать ему советы.

За все это время Равана один-единственный раз поступил как разумное существо — он женился. Однажды во время охоты он встретил в лесу пожилого человека, бредущего по лесной тропинке; за ним шла девушка.

Равана остановился и спросил:

— Кто вы такие? Что вы здесь делаете?

— Меня зовут Майя,— ответил мужчина.— Я зодчий. А это моя дочь Мандодари. Ее мать — небесная дева. Она жила со мной, пока у нас не родилось вот это дитя, а потом покинула меня и вернулась в свой мир. С тех пор я самое несчастное создание на земле. Я сам вырастил девочку. Ты знаешь, как тревожится отец, которому надо выдать замуж родную дочь. Помоги мне найти ей мужа.

И тогда Равана первый и последний раз в жизни совершил поступок, который заслуживал похвалы.

— Я буду ее мужем, — сказал он.

Их брак оказался счастливейшим из счастливых. Хотя Равана не принадлежал к тем, кто, женившись, больше не обращает внимания на женщин, он был Мандодари хорошим мужем, а Мандодари, благодаря своей красоте, по праву заняла место среди пяти совершенных женщин во владениях бога.

Но в один прекрасный день Раване пришло в голову, что его брат ведет себя слишком вызывающе, и он решил положить этому конец. Равана отправился за тысячу миль, в Гималаи. Ни один уголок земли не казался ему слишком далеким, если он хотел им завладеть. Равана дошел до Алакапури, разграбил город и разбил войска брата, единственная вина которого состояла в том, что он осмелился давать ему советы. Напоследок он завладел бесценным сокровищем Куберы — Пушпакой, летающей колесницей, которая выполняла все желания своего хозяина и могла летать по небу.

Во время полета в Ланку (на остров Цейлон) Равана наткнулся на такую высокую гору, что ему пришлось остановиться. Он рассердился, вышел из колесницы и, пробормотав: «Как смеет эта жалкая гора преграждать мне путь!» — уперся плечом в основание горы, чтобы ее повалить. Гора закачалась. Супруга Шивы, Парвати, испугалась. Приближенные бога решили, что настал конец света и они все сейчас погибнут.

Нанди, личный страж и телохранитель Шивы, спустился посмотреть, что случилось, и, увидав Равану, велел ему убираться прочь. Равана спокойно вытер со лба пот, окинул взглядом советчика и презрительно рассмеялся.

— Почему ты смеешься? — спросил Нанди.

— Ах ты обезьяна, как ты смеешь давать мне советы! — закричал демон.

Нанди рассердился — он обиделся, что его назвали обезьяной. Это был урод небольшого роста, с темно-коричневым лицом и головой быка, похожий на кого угодно, только не на обезьяну. В наказание он проклял Равану.

— Причиной твоей гибели будет обезьяна, хотя сейчас ты со смехом говоришь про этих животных, —

сказал он.— И знай, найдется такая обезьяна, которая заставит тебя призадуматься.

Миновав гору Кайласу, Равана начал нападать на все царства, которые замечал во время полета. Он парил в воздухе над границей и посылал царю вызов, требуя, чтобы тот сдался. Если царь сопротивлялся — Равана убивал его, если уступал — отрубал ему нос или ухо и обращал в рабство. Так к толпе его рабов присоединилось еще несколько царей. Их жен постигала та же участь. Во время одного из своих странствий неподалеку от подножия Гималаев Равана встретил красивую девушку; ее звали Ведавати, она была дочерью мудреца. Равана начал заигрывать с ней. Но Ведавати в ужасе отпрянула от него и сказала:

— Я не могу выйти замуж ни за кого из смертных. Я дала обет стать женой бога, великого и единственного бога Вишну. Я его невеста.

Равана расхохотался:

— Глупая ты, глупая! Неужели ты не знаешь, что мне не страшен твой бог Вишну?

Он схватил ее за волосы и силой привлек к себе.

Ведавати обрезала волосы, вырвалась от него и бросилась в священный костер, который разложил ее отец.

— Только огонь очистит меня от твоего прикосновения! — воскликнула она и, перед тем как умереть, прокляла Равану: — Ты погибнешь, и я буду причиной твоей гибели после моего следующего рождения.

Три страшных проклятья заслужил Равана за свою жизнь и в конце концов испустил дух. Нанди дал ему понять, что орудием его гибели будет Хануман, бог с лицом обезьяны. Ведавати, родившись во второй раз, явилась на землю, чтобы погубить Равану, и приняла образ Ситы, жены Рамы, земного воплощения Вишну; а появление самого Рамы предсказал некий Араньяка, царь Айодхьи, которого Равана долго терзал, победив во время одного из своих походов, за что он проклял Равану и сказал, что тот погибнет от руки царя одного с ним рода Икшваку.

Раване было мало побед на земле, он жаждал других подвигов. Вот почему, когда мудрец Нарада во время путешествия из одного мира в другой, явился к

нему и спросил: «Отчего бы тебе не напасть на Яму в его собственном мире?», Равана ухватился за эту мысль, а у Нарады появилась надежда, что один из всесильных демонов, быть может, найдет свой конец.

Равана отправился в мир Ямы, бога смерти, но тот отразил его натиск и уже собрался ударить Равану своим посохом, яма дандой, на который, как известно, достаточно посмотреть, чтобы тут же умереть, но в этот момент Брахма напомнил Яме, что он, Брахма, даровал Раване непобедимость, и Яма в знак уважения к Брахме исчез, так что Равана мог считать себя победителем самого бога смерти.

Потом Равана отправился в Кишкиндху, чтобы разделаться с ее правителем Вали, вождем обезьян, обладавшим огромной силой. Сподвижники Раваны советовали ему отказаться от этого похода. Он не послушался их, однако, достигнув Кишкиндхи, Равана узнал, что Вали там нет. Жена и брат сказали, что Вали пошел читать вечерние молитвы на берега четырех океанов, и предложили Раване подождать, пока тот вернется. Равана не захотел ждать и пошел за Вали.

Он нашел его на южном берегу. Вали молился, обратив лицо к морю. Равана набросился на него сзади. Вали схватил его, сунул под мышку и продолжал молиться, как будто ничего не случилось. Кончив молитву на южном берегу, он, не отпуская Равану, пошел молиться на трех других берегах. Только после этого он вернулся в свой дворец в Кишкиндхе, отпустил Равану и спросил:

— Ну, что тебе надо?

К тем, кто был сильнее его, Равана всегда относился с почтением. Он принялся расхваливать Вали и назвал его самым великим из всех живых существ, с которыми ему приходилось встречаться. Он сказал Вали, что сочтет за честь заключить с ним вечный союз, и пообещал отдавать ему часть своей добычи землями, скотом, рабами, прочим добром и женщинами. Они скрепили этот договор перед огнем.

Равана снова зажил, как прежде: управлял страной, терзал подданных и наслаждался всеми радостями жизни. Он обладал огромным запасом сил и многими достоинствами и достигал успеха во всех своих начи-

наниях. Жизнь мирно текла своим чередом, пока до Раваны не начали доходить слухи о молодом правителе Айодхьи — Раме, сыне Дашаратхи. Приближенные то и дело рассказывали ему о необыкновенных качествах юноши: о его честности, хорошем характере, о том, как он искусно стреляет из лука, о его силе и образованности, скромности, благочестивости и бесстрашии. Слава Рамы стала особенно громкой после того, как он взял в жены дочь царя Джанаки, потому что сумел поднять старинный лук, натянуть тетиву и выстрелить из него, в то время как другие юноши, добивавшиеся ее руки, не смогли даже сдвинуть лук с места.

Все на свете, казалось, только и делали, что возносили ему хвалу. Ведь он только человек, жалкий человек, из-за чего же столько разговоров, недоумевал Равана. Он затыкал уши, как только слышал имя «Рама». «Неужели это презренное существо собирается, как и я, править миром?» — спрашивал он самого себя. Этого Равана не мог перенести. Он ломал голову, придумывая, как ему стереть своего соперника с лица земли. Его оруженосец, неустрашимый Акампана, с которым он решил посоветоваться, сказал ему:

— Рама, его жена и брат живут сейчас, как отшельники, в лесу Дандака. Тебе надо похитить жену Рамы и привести к себе во дворец, Рама не переживет этого горя. У тебя нет другого способа одолеть его, он непобедим. Да и Сита стоит того, чтобы находиться среди твоих женщин.

Раване понравился этот план, и он попросил своего дядю Маричу помочь ему привести его в исполнение.

— Не приближайся к Раме и к его жене,— сказал ему Марича.— Ты заплатишь за это жизнью. Будь благоразумен.

Марича долго отговаривал его, и Равана вернулся к себе во дворец, чтобы снова хорошенько все обдумать.

Но его размышления прервала сестра Шурпанакха, которая вбежала в его покои с окровавленным лицом и закричала:

— И это называется быть мужчиной?! Разве может брат сидеть здесь, развалясь на подушках, в то

время как его сестре наносят такие страшные раны? Вставай, бери меч!

Равана очень любил свою сестру, он вскочил на ноги.

— Почему ты в крови?! — закричал он.— Кто посмел тебя обидеть?

— Рама! — с плачем ответила она.— Я была в лесу Дандака, Рама и его брат напали на меня. Рама сказал брату: «Изруби ее, отрежь ей нос», и его брат отрубил мне нос и уши и изрезал мое лицо.

Она громко жаловалась, плакала и под конец сказала:

— Пока ты не отомстишь за меня, ты мне не брат, ты не воин и все твои подвиги ничего не стоят!

Акампана снова посоветовал Раване похитить Ситу. Равана пошел к Мариче и на этот раз заявил ему:

— Ты должен помочь мне в этом деле. Я не желаю слышать никакие возражения!

Марича опять стал говорить Раване о могуществе Рамы и кончил так:

— Я знаю, что Рама убьет меня, если я пойду с тобой.

— Если ты не пойдешь со мной, я сам убью тебя,— рассердился Равана,— так что решай!

Конечно, это был довольно странный приказ, тем более что Марича приходился Раване дядей.

— Раз мне все равно суждено расстаться с жизнью, я предпочитаю умереть от руки Рамы, по крайней мере он мой враг,— сказал Марича.— Пусть лучше меня убьет Рама, чем мой племянник. Однажды мы попробовали помешать жертвоприношениям мудрецов Дандаки, и я видел, как сражается Рама.

Равана не удержался от проклятья, услышав похвалу Раме, но он все равно был счастлив, потому что ему наконец-то представилась возможность похитить Ситу. Они договорились, как это сделать.

Марича не сомневался, что его ждет смерть, поэтому он принял облик золотого оленя и стал величественно прогуливаться взад и вперед перед хижиной, в которой жили Рама, его брат Лакшмана и жена Сита. Олень очень понравился Сите, и она попросила мужа:

— Поймай мне этого оленя, он такой красивый!

— Зачем он тебе? — спросил Рама.— Разве тебе не достаточно им любоваться?

— Я хочу, чтобы он был моим,— настаивала Сита.

— На него приятно смотреть, но еще неизвестно, олень это или нет; ты слишком доверяешь своим глазам.

Беда приближалась, Сита, обычно такая послушная и безответная, вдруг стала требовательной и настойчивой. Казалось, золотой олень пробудил в ней какое-то необычайное упрямство, о котором раньше никто не подозревал. Рама уговаривал ее и так и этак, но она стояла на своем.

— А что, если это злой дух? — спросил Рама.—Я знал таких.

Но Сита отвергла его подозрения.

— Как ты смеешь говорить такие слова об этом прекрасном создании! — воскликнула она.

Рама заколебался. Ведь его упрашивала беззащитная женщина, которая охотно последовала за ним в изгнание, безропотно прикрывала тело корой деревьев, питалась корнями и листьями, жила под открытым небом и спала ночью на голой земле, хотя с детства привыкла к изысканной роскоши отцовского дворца.

— Хорошо,— сказал Рама,— жди меня здесь. Если это в самом деле олень, я приведу его живым, если это злой дух в образе оленя, я убью его и принесу тебе его шкуру. Не позволяй никому приближаться к себе.

Он велел брату охранять ворота и направился к оленю.

При его приближении олень отступил на несколько ярдов. Рама пошел за ним. В пылу охоты он не заметил, что уходит все дальше и дальше. Но внезапно Рама понял, кого он преследует. Он выстрелил из лука и нанес оленю смертельную рану. А олень, перед тем как умереть, закричал голосом Рамы:

— О Сита, о Лакшмана, я умираю, помогите!

Сита расслышала эти слова сквозь птичий гомон и лесной шум. Она горько зарыдала и стала упрашивать Лакшману:

— Беги скорее на помощь брату, ему грозит страшная опасность!

— Ничего ему не грозит,— отвечал Лакшмана.— Никакие опасности ему не страшны.

— Как ты можешь стоять здесь и разговаривать? Разве ты не слышал его крика?

— Он приказал мне не оставлять тебя. Я не могу его ослушаться.

В эту минуту снова раздался крик о помощи. Сита в отчаянии закричала:

— Ты пойдешь или нет?

Лакшмана снова отказался оставить ее одну, и тогда Сита стала бранить его. Она сказала, что он желает смерти своему брату, чтобы завладеть ею. Слова Ситы жестоко оскорбили Лакшману.

— Теперь один бог защитит тебя,— сказал он и ушел.

Равана только этого и ждал. Его план удавался как нельзя лучше. Он выскочил из засады, подошел к воротам и закричал:

— Подайте милостыню!

Сита открыла ворота. Перед ней стоял нищий, настоящий нищий, со священными знаками на лбу, с венком на шее, в оранжевой одежде и с деревянной чашей в руке.

— Подожди здесь, пожалуйста,— попросила его Сита.

— Очень вежливо заставлять ждать у ворот! Лучше прямо скажи, чтобы я ушел, и я уйду.

— Не обижайся,— сказала Сита,— мой господин скоро вернется.

Нищий презрительно рассмеялся:

— На пустой желудок не будешь дожидаться возвращения мужчин.

Сита не могла нарушить законы гостеприимства. Она расстелила циновку, поставила перед гостем фрукты и ушла за перегородку в дальний конец хижины. Нищий снова позвал ее и, когда она вышла, схватил за руку и предстал перед ней в своем истинном обличье.

— Пойдем со мной. Ни в одном из семи миров нет никого, кто мог бы меня одолеть,— уговаривал он Ситу.— Брахма обещал мне бессмертие. Ты будешь жить во дворце и купаться в роскоши. Неужели ты хочешь, чтобы твоя красота отцветала в этой хижи-

не! Пойдем со мной. Я сделаю тебя царицей. Твое приказание будет законом для всех обитателей Ланки...

— Рама убьет тебя, убирайся прочь, пока он не вернулся!

— Я сильнее Рамы.

Сита кричала, звала на помощь и старалась вырваться, но Равана поступил так, как делал всегда, когда хотел завладеть женщиной. Он схватил ее за волосы, приподнял на воздух, как ребенка, и умчался на летающей колеснице в Ланку.

Рама вернулся в ашраму и, увидев, что она пуста, застонал и заплакал, но не упал замертво, как надеялись Равана и его советники. Он решил во что бы то ни стало разыскать и вернуть жену. С этой мыслью он тронулся в путь. Лесные птицы и звери помогли ему напасть на ее след.

Ланка, столица царства Раваны, была городом дворцов, храмов и садов; ее дома, улицы и крепостные стены были богато украшены разнообразными предметами роскоши, попавшими в руки Раваны во время его несчетных походов. Нарядная одежда и поведение жителей свидетельствовали о благосостоянии властителя страны. В городе постоянно слышалась музыка, повсюду раздавались гимны и песни, прославлявшие Равану. И посреди всего этого великолепия сверкал, как брильянт, дворец Раваны, тщательно охраняемый вооруженными ракшасами. В залах дворца едва хватало места для дорогих безделок и реликвий, напоминавших о победах Раваны, а его собственные покои утопали в золоте и драгоценных камнях.

В зале, где он спал, томно лежали несколько сотен женщин. Исполин Равана обладал таким любовным пылом и такой гибкостью, что мог, меняя свой облик, доставлять удовольствие им всем, включая свою главную жену Мандодари, которая в отличие от остальных красавиц занимала отдельную золотую кровать. Женщины, собранные со всех концов света, непрерывно пели и играли на музыкальных инструментах. Кроме того, у Раваны были отдельные покои, где он пил, ел, слушал музыку и развлекался.

В то утро Равана проснулся на заре. Первое, что он услышал, были звуки гимнов и напевное чтение священных книг. Он старательно привел себя в порядок и надел нарядное платье. Потом в сопровождении большой свиты мужчин и женщин он отправился навестить Ситу, которую держал как пленницу в уединенном лесу Ашока-Вана, где было много водопадов, тенистых аллей, фруктовых деревьев и гротов, но откуда нельзя было уйти, потому что лес был окружен высокими стенами. Сита в тоске сидела под деревом шиншапа. Равана надеялся, что плен и одиночество или, что еще хуже, устрашающее общество жестокосердых женщин-ракшас, карликов и уродцев, сломят ее дух и она в конце концов уступит его домогательствам. Сита была в трауре. Она сняла с себя все драгоценности и развесила их на ветвях дерева; на ней было желтое сари, волосы ее были не прибраны, лицо испачкано грязью.

Равана приблизился к ней, но, несмотря на все его старания казаться привлекательным, он не мог добиться, чтобы она взглянула на него или обратила внимание на его пышную свиту. Сита, казалось, не замечала ничего вокруг себя. Равана остановился прямо перед ней в надежде заставить ее поднять глаза, но, потерпев неудачу, перешел к угрозам.

— Женщина, твое упорство не доведет тебя до добра,— начал он.— Я хочу, чтобы ты стала моей подругой. Я ракшаса, я имею право отнять жену у кого захочу и заставить ее уступить моим желаниям. Мне ничего не стоит добиться твоей любви силой.

Сита подняла руки и прикрыла уши; она не могла слышать, как кто-то, кроме Рамы, произносит слово «любовь». Увидав, что она отвернулась, Равана вышел из себя:

— Я получу гораздо больше удовольствия, когда ты сама захочешь прийти ко мне, и я дождусь этого! Посмотри на меня. Во всех мирах нет никого, кто был бы так же могуч и велик, как я. Боги трепещут при звуке моего имени. Никто не сравнится со мной богатством и силой. Мои молитвы, мои размышления и ученые занятия приносят такие плоды, о которых другие не смеют и мечтать. Я обладаю особой властью и могу вызывать великих богов Брахму и Шиву когда

пожелаю. Брось эти глупости! Не растрачивай попусту свою красоту, предаваясь тоске в этом уединенном месте. Я сделаю тебя царицей. Ты будешь так же богата и так же могущественна, как я. Ты сможешь делать подарки кому пожелаешь. Будь моей царицей. Мы обойдем весь мир, радуясь друг другу. Не думай больше ни о чем, решай! Я вижу, ты хотела обезобразить себя, но твои старания оказались тщетны. Я жажду твоих ласк. Твоя красота сводит меня с ума. Я не могу думать ни о ком, кроме тебя.

Сита подняла с земли травинку и подбросила ее перед собой; она не хотела обращаться к Раване, и, чтобы показать ему, как мало он для нее значит, она заговорила с этой былинкой:

— Ты идешь навстречу собственной гибели. Неужели во всей этой толпе нет никого, кто мог бы дать тебе добрый совет? Ты погибнешь, и твой город тоже погибнет. Гнев Рамы подобен пожару. Ты не устоишь перед ним, сколько бы ты ни хвастался и ни превозносил самого себя. Напрасно ты испытываешь терпение Рамы. Опомнись, Равана, ты ищешь свою смерть. Неужели тебе не стыдно, что ты украл меня, когда моего мужа не было дома! Ведь ты не решился бы даже приблизиться ко мне, будь он со мной.

— Довольно! — закричал Равана, гневно вращая глазами. Он не мог вынести, что Сита так разговаривает с ним в присутствии его приближенных.— Не смей больше вспоминать о Раме, об этом жалком человеке, который, вместо того чтобы править своим царством, отправился бродить по лесам, как какой-нибудь бродяга, и предпочел березовую кору роскошным нарядам! Как ты смеешь говорить о нем? Ты просто глупа и ничего не понимаешь! Перестань думать о Раме, он тебе больше не муж. Забудь его...

— Неужели ты не помнишь, как он одной рукой расправился с твоими родственниками, которые попробовали нарушить покой мудрецов в нашем лесу? Тебя постигнет та же участь. Но ты еще можешь поправить дело. Он простит тебя. Разреши мне вернуться к нему.

Равана скрипел зубами и в ярости прыгал на одном месте, пока одна из жен не обняла его и не сказала:

— О, любимый, стоит ли расстраиваться из-за этой дурочки, когда мы все обожаем тебя, нашего господина? Не обращай на нее внимания, обходись с ней, как с комом грязи, и она сама прибежит к тебе. Давай поскорее уйдем отсюда и будем веселиться, о наш великолепный!

Она продолжала его обнимать и старалась увести из леса. Равана немного успокоился и даже попробовал засмеяться. Но прежде чем уйти, он грозно предупредил Ситу:

— Прошло уже десять месяцев, я даю тебе еще два, чтобы принять решение. Если через два месяца ты не одумаешься, я велю поварам приготовить обед из твоего мяса и отдельно подать твою кровь.

И еще он приказал страже держать Ситу в постоянном страхе.

Когда Равана ушел, несколько женщин принялись на все лады расхваливать Равану и бранить Ситу за то, что она испытывает его терпение, а другие, похожие на безобразных злых ведьм, подошли к ней поближе и затеяли между собой такой разговор.

— С каким удовольствием я бы отведала ее печень, она, наверное, такая нежная! — сказала одна.— Я бы вырвала ее зубами прямо у нее из живота и съела сырой. Я жду ребенка, и мне так хочется человечьего мяса!

— Давайте убьем ее и съедим,— сказала другая.— Пошлем за крепким вином и острым соусом, чтобы приправить это лакомое блюдо, и устроим настоящий пир.

— Если мы убьем ее и съедим, не откладывая дела в долгий ящик, наш господин снова станет счастливым и довольным: стоит ему перестать ее видеть, как он тут же о ней забудет.

Эти безумные разговоры в конце концов довели Ситу до отчаяния, и она зарыдала:

— Рама, Рама, зачем ты меня покинул!

Сита не знала, что делать, и решила расстаться с жизнью. Она встала и обмотала вокруг шеи свои длинные косы, чтобы задушиться.

Все это видел подосланный Рамой Хануман, который сидел на верхушке шиншапы. Хануман, сын бога ветра, обладал огромной силой и способностью при-

нимать любой облик, какой пожелает. Он был предан Раме душой и телом (говорят, что даже сейчас он незримо присутствует всюду, где произносят имя Рамы). Рама велел ему разыскать Ситу; едва различные следы и приметы подсказали ему, что Сита в Ланке, как он превратился в такого великана, что сумел перешагнуть через океан, отделявший Индию от этого острова.

Ступив на землю Ланки, Хануман съежился и стал маленькой обезьянкой, что позволило ему незамеченным бродить по улицам города, разыскивая Ситу. В конце концов он добрался до Ашокаваны и спрятался в ветвях шиншапы, под которой в тоске сидела Сита. Хануман видел, как Равана пришел и ушел, видел, как женщины терзали Ситу, и, когда она впала в отчаяние, предстал перед ней. С этой минуты все пошло по-иному.

Равана по-прежнему упивался мыслью, что он сильнее всех на свете и что так будет вечно. Но однажды утром жестокие стражи Ситы нанесли первый удар его благодушию. Они в тревоге прибежали к нему и объявили:

— На стенах Ашокаваны появилась огромная обезьяна, она грозит убить нас. Она вырвала с корнем все деревья, наш лес погиб! Ашокаваны больше нет, даже холмы растоптаны и сровнены с землей, в прудах и водоемах не осталось ни капли воды, во всем лесу — ни одного дерева, ни одного ползучего растения, ни одного цветка. Господин, у нас не хватает слов, чтобы описать тебе все несчастья!

— Как же это случилось?

— Обезьяна орудовала одной рукой. Можно было подумать, что на Ашокавану обрушился циклон. Только дерево шиншапа осталось целым и невредимым, с него не слетел ни один листок. Мы видели, как наша узница разговаривала с этой дикой обезьяной, но она не говорит нам, о чем, и не хочет сказать, что это за обезьяна и откуда она взялась.

Равана отправил отряд воинов, чтобы расправиться с животным, но никто из них не вернулся назад. Воинственные кличи обезьяны заглушили все звуки в городе, а она, грозно рыча, забрасывала своих преследователей щебнем, камнями и железными болтами,

которые вырывала из стен домов. Обезьяна стащила с холма одну из обрушившихся колонн храма и ударила ею о землю; в ту же минуту взметнулся столб искр, и у всех, кто оказался поблизости, загорелась одежда. Тогда обезьяна уселась на портал городского храма и закричала:

— Настал ваш конец!

Этот зловещий клич прокатился по всему городу.

Когда Равана увидел, что обезьяна перебила его солдат, он забеспокоился. Ему ничего не оставалось, как послать в бой своего сына Индраджита, величайшего воина всех времен. Но стрелы, которыми Индраджит осыпа́л обезьяну, отскакивали от нее, не причиняя ей ни малейшего вреда, в то время как она сама раздулась до огромных размеров и, как туча, нависла над городом. В отчаянии Индраджит решил прибегнуть к помощи самого смертоносного оружия — к брахма астре. И едва он к нему прикоснулся, как Хануман обессилел.

Брахма астра разила насмерть, но Хануман пользовался особым покровительством бога-творца, который обещал ему, что действие этого оружия, если оно когда-нибудь будет обращено против него, продлится не более одной мухуртхи, или четырех пятых часа. Хануман обрадовался этой передышке; он хотел узнать, на что способны ракшасы, и увидеть их вождя Равану.

Как ни радовались ракшасы, когда поняли, что Хануман беззащитен, им все-таки было страшно — а вдруг он внезапно набросится на них,— поэтому они принесли пеньковые канаты и веревки, связали его и доставили своему царю Раване.

Хануман не мог не отдать должного величию и своеобразию Раваны. А Равана при виде обезьяны вспомнил, как Нанди сказал ему у горы Кайласы: «Причиной твоей гибели будет обезьяна», у него даже мелькнула мысль, что теперь настал час, когда это пророчество должно исполниться. Но то была лишь минутная слабость, через мгновение он устыдился своего страха и тут же забыл о Нанди. Равана не снизошел до того, чтобы разговаривать с пленником, и задавал ему вопросы через одного из своих приближенных.

— Кто ты? — спросил он.— Кто из моих врагов подослал тебя ко мне в образе обезьяны? Кубера? Индра? Говори правду!

А его помощник добавил:

— Ничего не скрывай, тогда наш милостивый царь простит тебя. Говори всю правду.

— Чем дольше я смотрю на тебя, Равана, тем больше тебя жалею,— сказал Хануман.— Ни Индра, ни Кубера не посылали меня сюда. Кроме них у тебя есть и другие враги. А самый злейший твой враг — ты сам. Это ты привел меня сюда.

Равана закипел от ярости, услышав эти непочтительные слова. Но он не хотел убивать обезьяну, не узнав от нее то, что ему было нужно. Он снова начал задавать вопросы.

— Я сказал, что мне тебя жаль,— отвечал Хануман.— Я жалею тебя за то, что ты навлек на себя гнев Рамы. Но даже сейчас ты еще можешь раскаяться и попросить у него прощения. Сделай это, и ты будешь спасен. У тебя еще есть возможность начать новую жизнь. Я боюсь, как бы с тобой не стряслась беда. Ты так бесстрашен, так величествен, так богат — и так неблагоразумен!

Равана не мог позволить Хануману продолжать его речь. Советы всегда приводили его в ярость. Он приказал немедленно убить обезьяну. Но тут вмешался его брат Вибхишана:

— Гонцов не убивают.

Равана терпеть не мог, когда ему напоминали, как он должен обращаться с гонцами, но он уважал своего брата.

— А что же еще сделать с этим лживым, зловредным чудовищем?! — закричал он.

— Эта обезьяна — только орудие в чужих руках, мы не имеем права ее убивать. К тому же, если ты ее помилуешь, она вернется домой и приведет сюда твоих настоящих врагов, и тогда ты все узнаешь.

Раване понравились слова Вибхишаны.

— Так мы и поступим,— сказал он с улыбкой.— Но эту мерзкую тварь все-таки надо наказать за то, что она сделала. Она разорила мой самый любимый сад, разбитый для женщин, и разрушила до основания наш храм.

— Что бы ни сделала обезьяна, согласно законам о царях и их посланных мы не имеем права ее убивать. Гонца можно изуродовать, искалечить, подвергнуть пыткам, но убивать нельзя.

Равана обрадовался лазейке и сказал:

— Сейчас она узнает, что с нами лучше не шутить. Самое большое сокровище обезьяны — это ее хвост. Подожгите ей хвост и протащите ее по улицам города на радость всем нашим жителям.

Слуги тут же взялись за дело. Они принесли кучу старых тряпок и стали наматывать их на хвост Ханумана. Покончив с этой работой, они облили тряпки маслом и подожгли. Потом они схватили Ханумана и с триумфом потащили по всем улицам, улочкам и проулкам города, что очень обрадовало Ханумана, потому что помогло ему изучить план города.

Огонь разгорался все сильнее и сильнее, а мужчины, женщины и дети стояли стеной по обеим сторонам улиц и глумились над обезьяной, которую волокли мимо них. Когда Сита узнала, что происходит, она стала молить бога огня, чтобы он не причинял вреда Хануману. Бог услышал ее, и, хотя тряпки на хвосте Ханумана горели ярким пламенем, обезьяна не чувствовала боли. Но внезапно Хануман съежился и стал таким маленьким, что веревки соскользнули с его тела. Он освободился от пут, вскочил на крышу высокого дома, превратился снова в огромную обезьяну и поджег хвостом дом, на котором стоял, а потом начал перепрыгивать с крыши на крышу, оставляя за собой огненный след, и вскоре весь город был объят пламенем.

Отец Ханумана, бог ветра, раздувал огонь и помогал ему пожирать всё новые и новые дома. Когда Хануман убедился, что сделал все, что нужно, он взобрался на вершину холма и окинул взглядом горящий город, потом он спустился на берег океана и опустил хвост в воду, чтобы погасить огонь. И вода в океане зашипела и взметнулась к небу.

Теперь уже Равана не мог не встревожиться. Он созвал военный совет. Когда в зале собраний сошлись его министры, военачальники и преданные ему братья, он начал так:

— Странные события происходят в этом городе

Ланки. Какая-то обезьяна опустошила нашу любимую столицу. Это наверняка не обезьяна, а злой дух. Наши враги не дремлют. До сего времени никому не удалось проникнуть в этот город на острове без нашего разрешения. Как попала в город обезьяна, что в это время делали духи, охранявшие город, мы еще постараемся узнать.

Равана произнес длинную речь в надежде добиться поддержки своих советников, не выдавая им своего беспокойства. После велеречивого вступления, прерываемого похвалами и одобрительными возгласами присутствующих, он перешел к сути дела:

— Теперь мы уже знаем, что наш город нуждается в охране, и нам надо подумать, как его лучше защитить. Мы не должны забывать, что человек по имени Рама жесток и силен. Он наверняка постарается пересечь море и прийти сюда...

— Пусть только попробует, мы с ним разделаемся раз и навсегда, будет знать, как нападать на нас! — заявил главнокомандующий армии Раваны.— О господин, предоставь это дело нам.

— Я перелечу через море и одной рукой сотру с лица земли Раму и его армию! — воскликнул один из сидевших в зале.

— Позволь мне и нескольким ракшасам принять человеческий облик,— сказал другой.— Мы перелетим через море, проберемся в его лагерь и...

Он предложил сложный, хитроумный план.

Один из воинов взмахнул своей железной дубинкой и сказал:

— Я никогда не чищу это оружие, кровь и плоть моих недругов остаются на нем навсегда. Отпусти меня, и на моей дубинке тут же появятся новые пятна: кровь Рамы, Лакшманы и этой подлой обезьяны. Я уничтожу всех обезьян на свете. К концу моего похода на земле не останется даже следов этих животных.

Но один ракшаса особенно отличился.

— Пусть никто не вздумает пойти со мной, когда я отправлюсь на охоту за этими тварями. Я хочу в одиночестве напиться их крови и наесться их мяса,— сказал он и облизнул губы.

После всех этих доказательств непримиримости и

преданности члены военного совета встали, подняли руки и громко зарычали, накликая проклятье на своего врага. Равана почувствовал себя гораздо увереннее.

Но тут встал Вибхишана, который решил умерить всеобщий восторг. Он сделал знак рукой, чтобы все сели и выслушали его.

— Мой дорогой брат и царь, в начале своей речи ты попросил нас, твоих советников, высказать свое мнение откровенно, ничего не приукрашивая. Так я и поступлю. О брат, конечно, хорошо говорить о сражении, однако об этом можно думать, только когда испробованы все другие средства. Прежде чем отправляться в поход, мы должны представить себе, каковы силы наших врагов. Хануман показал нам, что́ он может сделать одной рукой. Если к армии таких обезьян присоединится армия Рамы, от нашего государства в мгновение ока не останется и следа. Но не будем пока об этом думать, давай разберемся, из-за чего начались все наши беды. Почему все это случилось? Потому что ты совершил необдуманный поступок. Разве ты имел право похищать жену Рамы и подвергать ее таким мучениям? Прежде всего ты должен вернуть Ситу и исправить свою ошибку.

Вибхишана уговаривал брата, почтительно сложив руки, и кончил глубоким поклоном.

Когда он предложил вернуть Ситу, раздались негодующие возгласы.

— Нет, нет! — кричали воины, чтобы угодить Раване.— Наш вождь достаточно силен, он может делать все, что ему вздумается! Мы хотим воевать, мы хотим воевать!

Равана подумал немного и сказал:

— Мы встретимся завтра и обсудим план действий.

Вибхишана решил сделать все возможное для спасения брата. На следующий день он пришел к нему рано утром, чтобы никто не помешал их разговору.

— Я не хочу льстить тебе,— сказал он.— Спасайся, пока у тебя еще есть время. Тебе незачем воевать: если ты вернешь Ситу, со всей этой историей будет покончено. Рама не из тех, кто стремится к мести, он простит тебя. Неужели ты не обратил внимания на

дурные знаки, которые появились, как только Сита ступила на нашу землю? Бог огня не принимает наших жертв: сколько мы ни льем масла, пламя все равно не разгорается, как прежде; повсюду ползают змеи и паразиты, и больше всего их в храмах. Боги совсем забыли нас. На слонов, лошадей и верблюдов нападают странные болезни. На улицах города кричат лисицы, вороны и стервятники с пронзительным криком непрерывно кружат над нашими головами. Не пренебрегай этими предзнаменованиями, извлеки из них пользу. Отошли Ситу.

— Об этом не может быть и речи. Рано или поздно она уступит. Я привел ее сюда, потому что я хочу, чтобы она была моей, только и всего. Ты всегда преувеличиваешь. Ты потерял голову от страха. Наши враги вовсе не так сильны, как тебе кажется. Я уничтожу их. Оставь меня.

Вибхишана ушел и тут же отправился в лагерь Рамы.

А Равана, чтобы подкрепить поколебленную уверенность в собственном могуществе, выбрал самое красивое платье, надушился, надел украшения, взял оружие и под звуки труб и барабанов проехал в золотой колеснице по улицам города; за ним шли воины в походном снаряжении, люди, стоявшие по обеим сторонам улиц встречали его криками «ура», и Равана снова поверил, что он велик и непобедим. Многочисленная армия демонов охраняла зал собраний, специально украшенный по случаю военного совета. Священники читали нараспев священные стихи. От запаха благовоний и цветов было трудно дышать. «Никто не сравнится со мной ни в этом, ни в других мирах»,— думал Равана. Стояла торжественная тишина.

— Среди нас не должно быть места трусам,— обратился Равана к собравшимся.— Мы никого не боимся ни в этом, ни в других мирах. Все вы, присутствующие здесь,— прекрасные воины, вы всегда давали мне разумные советы, и наши дела шли как нельзя лучше. Огромная обезьяна явилась сюда и досадила всем нам, это верно. Неожиданные вторжения часто случаются в этом мире. Мы не должны придавать чрезмерное значение подобным вещам. Обезь-

яна появилась здесь из-за Ситы. Но разве я не имею права увести и держать у себя любую женщину, какую пожелаю? Кто осмелится отнять у меня это право? Неужели кто-нибудь из вас считает, что из-за какой-то Ситы перевернется мир? Тот, кто так думает,— мой злейший враг. Рано или поздно она захочет быть моей. Сита своевольна, и я не хочу ее принуждать. Она сказала, что ей нужно время, чтобы подумать, я дал ей определенный срок. Может быть, она так глупа, что надеется на помощь своего мужа,— при этих словах Равана засмеялся, и все, кто были в зале, вежливо присоединились к нему.— О том, чтобы вернуть ее и просить прощения, не может быть и речи. Это — нелепое предложение, и о нем не стоит даже говорить. До сих пор мы не знали, что такое поражение, и сейчас я прошу у вас совета.

Равана остановился и с удовлетворением услышал, как по залу пронесся одобрительный шепот.

В этот день проснулся даже беспробудно спавший Кумбхакарна.

— Великий царь,— сказал он,— ты напрасно схватил эту женщину в ту минуту, когда около нее не оказалось никого из мужчин. Если бы ты вступил в бой с Рамой и Лакшманой и победил их, твой подвиг привел бы ее в восхищение и она бы добровольно последовала за тобой. Женщины обожают доблестных мужчин. Но ты сделал ошибку. Тебе надо было поговорить со мной, я дал бы тебе дельный совет. Ты навлек на себя гнев Рамы, потому что вовремя не посоветовался ни с кем из нас, а теперь, когда уже ничего нельзя сделать, просишь у нас совета. Но я не хочу тратить время на то, чтобы раздумывать о прошлом. Хотя я не одобряю твоего поведения в этом деле, я все равно остаюсь с тобой. Можешь рассчитывать на мою помощь, мой великий брат. Мы уничтожим Раму и всех его сподвижников. Не отпускай Ситу. Она твоя. Пусть она у тебя остается. А теперь не заботься больше ни о чем и положись на нас.

Несмотря на все эти пылкие уверения, настал час, когда до Раваны дошло известие о том, что армия Рамы ступила на землю Ланки. Сохранилось много рассказов о том, как Рама пересек море, считавшееся до тех пор неодолимой преградой. Рама остановился

на берегу океана в самой южной точке Индии и после трехдневного поста и молитв приказал океану затвердеть и пропустить его армию. Бог моря не ответил на его молитвы. Тогда Рама предупредил его о нападении и вонзил в океан свои копья; вода вспенилась и поднялась горой, все живое в ней погибло, и океан превратился в пустыню.

Бог моря появился перед Рамой и стал почтительно объяснять ему:

— Я подчиняюсь законам природы, так же как другие четыре стихии, и тебе известно, мой господин, что я не в силах нарушить эти законы; единственное, что я могу сделать, это помочь твоей армии обезьян построить дамбу. Я помогу им всем, чем могу, пусть они только натаскают побольше булыжников, камней и бревен. Я сам приму все, что они принесут, и использую наилучшим образом.

Так была построена дамба, и армия Рамы оказалась на земле Ланки.

Равана расположил отборные части своего войска на подступах к столице; охрану наиболее важных участков он поручил своим родственникам и преданным командирам. Но круг верных ему людей становился все у́же и у́же. Ни один из тех, кого он посылал в бой, не возвращался.

Отчаявшись, Равана пустился на хитрости. Его шпионы под видом обезьян пробирались в лагерь Рамы и пытались подкупить и склонить к измене самых преданных его друзей, например Сугриву *, который руководил всеми военными действиями в этом сражении. Он пробовал сломить упрямство Ситы с помощью колдунов в надежде, что Рама, узнав об измене жены, сложит оружие. Один из колдунов сделал голову, похожую на голову Рамы, и показал ее Сите, чтобы убедить ее в гибели Рамы. В первую минуту Сита испугалась, но быстро опомнилась и больше не обращала на голову никакого внимания.

Через некоторое время к Раване явился гонец Рамы и сказал:

* После смерти Вали Рама сделал Сугриву царем обезьян.

— Рама велел мне предупредить тебя — твой конец близок. Но ты еще можешь отпустить Ситу и попросить у Рамы прощения. Ты слишком долго не давал никому жить спокойно. Ты больше не имеешь права быть царем. В нашем лагере находится твой брат Вибхишана; его уже короновали, теперь он будет царем Ланки, и все уверены, что его подданные будут жить счастливо.

Равана приказал немедленно убить гонца. Но это легче было сказать, чем сделать, потому что гонцом был Ангада, сын всемогущего Вали. Едва двое ракшасов приблизились к нему, как он схватил одного в правую руку, другого — в левую, поднялся высоко в небо и швырнул их на землю. Потом он одним ударом повалил башню, украшавшую дворец Раваны, и вернулся к Раме. Испуганный Равана не мог оторвать глаз от рухнувшей башни.

Рама дождался возвращения Ангады, выслушал его доклад и понял, что ему не удастся образумить Равану. Он приказал немедленно начать штурм столицы Ланки.

Завязалась жестокая битва, и скоро обе стороны перестали отличать день от ночи. Воздух наполнился криками, угрозами, радостными возгласами и проклятиями. Деревья и дома валились на землю, и, как донес Раване один из его шпионов, обезьяны, подобно бурному потоку, затопили всю Ланку. Их войскам не было видно ни конца ни края.

Но Индраджит, улучив момент, обстрелял Раму и Лакшману змеиными жалами, которые служили ему стрелами, и они оба бездыханными упали на землю. Индраджит явился к отцу и объявил, что Рама и Лакшмана убиты и теперь с обезьянами нетрудно будет справиться, потому что они лишились вождя.

Услышав эту весть, Равана воспрянул духом и закричал:

— Ну, что я говорил! А вы, глупцы, советовали мне сдаться! Идите и скажите Сите, что Рамы и Лакшманы больше нет в живых, — добавил он. — Пусть она поднимется на летающей колеснице и сама увидит их тела на поле битвы.

Слуги немедленно исполнили его приказание. Сита обрадовалась возможности взглянуть на мужа,

по которому она так соскучилась, и согласилась сесть в колесницу. Поднявшись в воздух, она увидела на земле его труп. Этого она не могла вынести.

— Лучше бы они забыли обо мне! Зачем только мои глаза увидели его мертвым! Бедная я... Помогите мне расстаться с жизнью.

Но Триджата, одна из жен Раваны, шепнула Сите:

— Не отчаивайся, он не умер.— И она рассказала ей, почему Рама и Лакшмана лежат без чувств.

А через некоторое время змеиный яд перестал действовать, потому что над полем боя появился Гаруда, могучий орел, извечный враг всех змей. Жала, обвивавшие тела Рамы и Лакшманы, повисли клочьями, и братья ожили.

Равана, укрывшийся у себя во дворце, вновь услышал радостные крики врагов, осаждавших городские стены. К его великому изумлению, битва возобновилась. Около Раваны оставались еще его главнокомандующий, его сын и пять-шесть приближенных, на которых можно было положиться. По его приказу они один за другим покидали дворец. Известие о гибели главнокомандующего было для Раваны тяжелым ударом.

— Больше нельзя медлить. Я пойду сам и сокрушу Раму вместе со всей этой ордой обезьян,— объявил он, сел в колесницу и отправился на поле боя.

Увидев Равану, Лакшмана без чувств упал на землю, а Хануман поднял Раму к себе на плечи и пошел навстречу Раване. Непримиримые противники первый раз встретились лицом к лицу. К концу их поединка Равана был тяжело ранен, его корона разбилась, а колесница сломалась. Он стоял перед Рамой безоружный, беспомощный, и Рама сказал ему:

— Я разрешаю тебе уйти и вернуться завтра с новым оружием.

Впервые за тысячи лет своего существования Равана пережил такое унижение — позволил, чтобы кто-то оказал ему милость. Обескураженный, он вернулся к себе во дворец.

Он приказал разбудить Кумбхакарну. Теперь Равана возлагал все надежды на него одного. Но чтобы заставить Кумбхакарну очнуться, нужно было положить немало трудов. Для этого потребовался целый

полк солдат. Они трубили в трубы и били в барабаны у него над ухом, а рядом наготове стояло множество разных блюд и напитков, потому что, когда Кумбхакарна просыпался, он испытывал страшный голод и пожирал всех, кто оказывался рядом с его ложем. Солдаты били Кумбхакарну, толкали его, тащили, трясли; им помогали слоны. Наконец он открыл глаза, взмахнул руками и убил нескольких солдат из тех, кто пытался его разбудить. Когда он наелся и напился, к нему приблизился главный министр Раваны и сказал:

— Господин, счастье изменило нам в этом сражении.

— В каком сражении? — спросил Кумбхакарна, который все еще не совсем проснулся.

Министру пришлось освежить его память:

— Твой брат Равана сражался с Рамой и потерпел поражение; враги наступают, стены наших укреплений рушатся...

Кумбхакарна вышел из себя:

— Почему никто не сказал мне об этом раньше? Ну ладно, еще ничего не потеряно, я сам буду биться с Рамой. Пусть готовится к смерти.

Произнеся эту речь, он в два прыжка оказался в покоях Раваны.

— Тебе не о чем больше тревожиться,— сказал он брату.— Я сам обо всем позабочусь.

Равана поблагодарил Кумбхакарну, но в его голосе слышались тоска и усталость. Кумбхакарна никогда не видел брата таким подавленным.

— Всю свою жизнь ты не слушал ничьих советов и довел себя до беды. Тебе нужно было сразиться с Рамой и завоевать Ситу. Но ты думал только о том, чтобы удовлетворить свое сластолюбие, больше тебе ни до чего не было дела... Да что теперь об этом говорить! Я не оставлю тебя, как другие. Я добуду голову Рамы и принесу ее тебе на блюде.

Вступив в бой, Кумбхакарна едва не решил исход сражения. Он убил и проглотил сотни тысяч обезьян и чуть не погубил великого Сугриву. Раме пришлось самому принять участие в битве, чтобы разделаться с этим демоном. Он посылал в Кумбхакарну свои самые острые стрелы и отсекал у него одну часть тела

за другой, но Кумбхакарна с яростью продолжал борьбу даже тогда, когда от него уже почти ничего не осталось. В конце концов стрела Рамы отсекла его голову. И тогда Кумбхакарне пришел конец.

Узнав о его гибели, Равана совсем пал духом.

— Мне отрубили правую руку,— сказал он.

Но тут один из сыновей напомнил ему:

— Ты не должен отчаиваться. Ведь Брахма даровал тебе непобедимость. О чем же ты горюешь?

— Чего тебе бояться, пока я жив? — утешал его Индраджит.

Индраджит обладал способностью оставаться невидимым во время сражения, и, пользуясь этим, он сумел нанести большой урон армии Рамы. Мало того, он сделал человеческую фигуру, похожую на Ситу, привез ее в своей колеснице на поле боя и растерзал на глазах у обезьян.

Ряды обезьян дрогнули, они бросали оружие и кричали:

— Мы не хотим больше воевать, наша богиня погибла!

Началось беспорядочное бегство, но тут на поле боя появился Вибхишана и заставил их опомниться.

Когда сражение уже подходило к концу, Лакшмана убил Индраджита. Получив известие о гибели сына, Равана горько заплакал и в отчаянии закричал:

— Пришло время убить эту женщину, из-за которой произошло столько несчастий!

Приближенные горячо поддержали Равану, но один советник осмелился возразить ему.

— Вспомни о своем предназначении,— сказал он.— Убив женщину, ты изменишь самому себе. Лучше обрати свой гнев на Раму и его брата. Собери свое войско, покончи с Рамой и Лакшманой — ты знаешь, что в силах это сделать,— а потом бери Ситу. Надень свои священные доспехи и иди.

В конце концов Равана почти в полном одиночестве вышел навстречу Раме. Рама осыпал его стрелами, но они не причинили Раване никакого вреда. Тогда бог Индра послал Раме свою колесницу, чтобы помочь ему в этой битве. Когда Рама поднялся на колесницу, возничий прошептал ему:

— Не теряй ни минуты, бери брахма астру.

Рама произнес заклинание и поднял брахма астру. Больше ему не на что было надеяться. Он перепробовал самое разное оружие, но каждый раз, когда ему удавалось снести одну из голов Раваны, та снова вырастала. Стрела, выпущенная из брахма астры, просвистела в воздухе, оставляя огненный след, и вонзилась в сердце Раваны, а его сердце было смертным.

Когда-то Равана попросил у бога-творца защиты только от богов и небожителей; Рама был богом в облике человека, поэтому он смог убить его. Тогда же Равана попросил сохранить навеки его десять голов, но он не позаботился о своем сердце.

Так погиб этот демон, жестокий мучитель людей и богов,— погиб, как ему было предсказано, из-за того, что в начале жизни навлек на себя три проклятия, а орудиями его гибели были обезьяна, женщина и царь из рода Икшваку.

Валмики

Сейчас настало время рассказать вам о самом замечательном рассказчике всех времен — о Валмики, или Адикави. Вы, наверное, знаете, что «Адикави» — значит «великий поэт, первоисточник поэзии». Валмики — автор двадцати четырех тысяч строф «Рамаяны», большинство которых в том или ином виде известно в Индии всем: и мужчинам, и женщинам, и детям. Валмики создал Раму, главного героя поэмы «Рамаяна», хотя тому, кто знает историю возникновения этого эпоса, слово «создал» может показаться не очень удачным. Дело в том, что Рама не похож на обычных персонажей литературных произведений, обязанных своим появлением на свет воображению рассказчиков. Прежде всего потому, что Валмики не писал «Рамаяну», а был лишь «сосудом», в котором она «возникла» и из которого потом «вылилась». И Рама вовсе не плод его фантазии, а живое существо, которое само явилось Валмики во время одного из его видений.

Привыкнув к обычному, линеарному развертыванию сюжета, мы испытываем чувство недоумения перед временными смещениями этого эпоса. Валмики говорит в «Рамаяне» о событиях прошлого, а мир узнаёт об этом творении из уст сыновей Рамы — Кушы и Лавы, которым эту поэму рассказывает сам автор. Поэтому, слушая «Рамаяну», нужно отказаться от привычных представлений о чередовании событий и не смущаться, когда повествование возвращается вспять, забегает вперед или уклоняется в сторону. Если царь может править страной шестьдесят тысяч лет и все это время пребывать в добром здравии, автор литературного произведения может, как очевидец, рассказывать предысторию и историю жизни героя, явившегося на свет гораздо раньше его самого, и в то же время беседовать с ним, как со своим современником.

Именно это и произошло с Валмики. Однажды, когда в другом мире собрались все бессмертные, Рама, в который раз нарушая наши привычные представления о времени, спросил Валмики:

— Откуда ты узнал все, что со мной случится, еще до того, как я родился?

События, которые мы считаем отошедшими в прошлое, часто представляются Валмики уделом будущего или частью современной ему жизни. Однако индийских слушателей это не смущает, им не приходит в голову спросить «когда?», или «как?», или «раньше или позже?». Им кажется совершенно естественным, что в повествовании «раньше» смешивается с «позже» и с тем, что происходит сейчас.

Рама был живым воплощением Вишну, но, став человеком, он забыл о своем божественном происхождении; его разум оказался в плену обычных противоречий и заблуждений, свойственных людям, поэтому он не мог понять, каким образом Валмики сумел рассказать обо всем, что с ним случилось, до того, как он прожил свою человеческую жизнь, и еще попытался помочь ему выйти из затруднительного положения, в котором он оказался под конец своего земного существования.

Чтобы рассеять недоумение Рамы, Валмики рассказал ему историю своей собственной жизни.

Жил некогда ученый человек по имени Шанкха; однажды, закончив занятия в одном отдаленном селении, он возвращался домой и шел в глубокой задумчивости по берегу Годавари, как вдруг его мысли прервал громкий крик, раздавшийся над самым его ухом, и перед ним появился разбойник, яростно размахивающий страшными орудиями своего ремесла.

— Кто ты? — пролепетал Шанкха.

— Сын своего отца,— ответил грабитель и бросил на него злобный взгляд.

— Что тебе нужно?

— Все, что у тебя есть, кроме твоей жизни, если ты ею дорожишь.

— Я бедный ученый, а не какой-нибудь толстосум,— сказал брахман.— Будь я человеком богатым, разве я шел бы пешком? Я возвращался бы в свой родной город в колеснице.

— Как будто мне не под силу остановить колесницу! — возмутился разбойник.— Дай-ка я посмотрю, каких сокровищ можно тебя лишить, кроме твоих волос и ногтей. Ха-ха-ха!

Сокровищ у ученого оказалось немного: на мизинце кольцо из поддельного золота, которое он купил на ярмарке, и на шее медный талисман, привязанный к священному шнуру.

— Ладно, брахман, оставь себе священный шнур, а талисман отдай мне.

Шанкхе очень не хотелось расставаться с талисманом.

— Ой-ой,— застонал он.— Мне дал его один замечательный садху два года тому назад, этот талисман защищает меня от болезней и от всякой чертовщины.

— Я не черт и не чума, против меня твой талисман бессилен. Давай его сюда. Довольно болтать,— властно прикрикнул вор.

Брахман отдал ему талисман.

— А как у тебя с деньгами? Такие, как ты, умеют ловко припрятать свое добро,— сказал разбойник, обшаривая складки дхоти на поясе брахмана.

Он нашел несколько монет и с усмешкой переложил их к себе. Потом он сорвал одежду, прикрывавшую тело брахмана, и оставил его в одном дхоти.

— Снимай сандалии! — приказал он, взглянув на его ноги.— Человек, у которого есть всего две медные монеты, не имеет права на такую роскошь!

Брахман сбросил кожаные сандалии; они были чинены-перечинены, но все-таки защищали его ноги от горячего песка.

— Теперь можешь идти,— сказал разбойник, убедившись, что обобрал брахмана до нитки.

Шанкха был счастлив, что остался жив, и заковылял по песку, торопясь уйти как можно дальше от разбойника.

Песок на берегу Годавари был такой горячий, что брахману казалось, будто его бросили на раскаленную сковороду. Он шел вприпрыжку, стараясь лишний раз не прикасаться к нему ногами. И почти не подвигался вперед, а его мучителю эта пляска вначале доставляла удовольствие. Но в конце концов брахман забыл всякий стыд, сорвал с себя набедренную повязку, бросил ее перед собой и вскочил на лоскут материи; ступни его ног покрылись волдырями, он больше не мог заставить себя наступать на раскаленный песок босыми ногами.

Тут уже даже разбойник, который продолжал издали следить за брахманом, решил, что дело зашло слишком далеко. Усмешка постепенно исчезла с его лица, и он крикнул:

— Эй, иди сюда!

Брахман заторопился прочь.

— Я тебе что-то дам!

— Не надо,— бросил в ответ брахман.

— Стой! — снова закричал разбойник и побежал вслед за брахманом, который решил, что настал его последний час.

Поравнявшись с брахманом, разбойник швырнул на землю сандалии, которые он только что у него отнял, и сказал:

— Возьми их назад, они мне не нужны. Тебе оказывают услугу, а ты не понимаешь.

Брахман с благодарностью взял свои сандалии.

— Теперь я к вечеру дойду до деревни. У тебя доброе сердце, хотя тебе нравится хрюкать и вести себя подобно дикому кабану. Твоя доброта — это то, что осталось у тебя от прежнего воплощения.

— Откуда ты знаешь? — спросил разбойник, заинтересованный его словами.

— Я знаю, кем ты был в прежней жизни,— сказал брахман.— Если хочешь, я расскажу тебе. Но сначала найди где-нибудь немного тени, чтоб я мог передохнуть.

Разбойник привел брахмана в небольшую яблоневую рощу, где было так приятно сидеть и смотреть на извивы реки. Он вскарабкался на дерево и долго тряс его, пока несколько твердых плодов не упали на землю. Разбойник побил их о камень и предложил брахману размякшую шкурку.

Брахман вошел в воду и обмыл тело, потом отдохнул в тени, съел несколько яблок и почувствовал себя бодрее. Разбойник с тревогой наблюдал за ним:

— Ну как, теперь тебе лучше? — спросил он.

Брахман пробормотал что-то вроде согласия и сказал:

— В прежней жизни ты был вовсе не головорезом, как сейчас, а человеком образованным. Ты прекрасно знал веды, мог читать их наизусть и пересказывать своими словами. Ты был знатоком грамматики, просодии и священных книг. Люди обращались к тебе за советом и помощью и в благодарность приносили к твоему порогу зерно и подарки. Твоя жена была доброй и сметливой женщиной. У тебя был дом и любящая жена, сограждане уважали тебя и давали тебе средства к существованию, что еще нужно человеку? Кажется, ничего.

Но тебе всего этого было мало, тебе понадобилась любовь публичной женщины, которую ты однажды встретил в толпе на ступеньках храма; твоя судьба решилась в ту минуту, когда ты подобрал маленький венок, который она уронила на каменные ступени. Другие прошли мимо, потому что знали, что это обычный способ привлечь внимание. Но ты поднял венок, и это было началом и концом твоей жизни достойного человека. С тех пор ты проводил все свое время в ее доме. Ты пренебрегал женой, но добрая женщина безропотно покорилась своей участи. Ты был жесток с ней. Иногда ты даже заставлял ее готовить для вас пищу и подавать вам, и прислуживать этой женщине, как будто твоя жена была ее слу-

жанкой. Так продолжалось до тех пор, пока ты не заболел и не разорился. Ты променял свое благосостояние на ту болезнь, которой обычно награждают мужчин подобные женщины, а когда это свершилось, она потеряла к тебе интерес и захлопнула у тебя под носом дверь своего дома.

Ты вернулся к жене больным и без гроша. Само собой разумеется, что до тебя больше никому не было дела. Но твоей жене это было безразлично. Она ухаживала за тобой, раздобывала деньги на твое пропитание и лечение, постилась и неустанно молилась о твоем благополучии. Однажды она разыскала знаменитого врача, у которого были редчайшие травы, собранные со всех гор на свете. Когда к твоим нарывам прикладывали примочки из этих трав, ты стонал и корчился от боли, и однажды, когда жена поднесла лекарство к твоему рту, ты в ярости откусил ей мизинец. Ты умер из-за того, что ее палец встал у тебя поперек горла, и, умирая, думал не о жене, а о проститутке.

Но, несмотря на все это, твоя жена бросилась в погребальный костер и сгорела вместе с тобой, а в своем следующем воплощении ты стал тем, кем ты должен был стать в наказание за свои грехи и эгоизм, но от первого периода твоей жизни, когда ты был просвещенным человеком, в твоей душе сохранились крупицы доброты; вот почему ты пожалел меня, увидав, что я обжег ноги на горячем песке.

— Что же со мной будет потом? — робко спросил разбойник.

— В своем следующем рождении ты станешь охотником, заслужишь милость Семи мудрецов и создашь поэму, которая прославится на весь мир,— предсказал ему брахман и пошел своей дорогой.

— В следующий раз,— продолжал он рассказывать свою историю,— Валмики явился на свет из чрева змеи Канники, красавицы из нижнего мира змей, которая соблазнила мудреца, жившего в лесу, а после рождения ребенка вернулась в свой мир, оставив мальчика на попечение охотника. Мальчик вырос и тоже стал охотником, он так увлекся своим ремеслом, что никогда не расставался с луком и стрелами и был постоянно занят поисками подходящей мишени. Ког-

да подошло время, он женился, потом у него родились дети. И скоро оказалось, что он должен содержать большую семью. А это означало, что с каждым днем ему приходилось убивать все больше и больше животных, потому что иначе он не мог прокормить жену и детей. Звери и птицы научились узнавать шаги этого жестокого убийцы и, заслышав их, спасались бегством.

Ему становилось все труднее добывать пропитание одной лишь охотой, и он начал прибегать к иным способам: останавливал путников на лесных дорогах и, вспомнив о своей прежней жизни, отнимал у них все, что мог,— пищу, деньги, одежду и украшения. Он прятался в чаще леса и безжалостно набрасывался на очередную жертву. Его знала вся округа, и люди говорили друг другу:

«Тут скрывается этот разбойник, надо быть поосторожнее».

Он убивал всех, кого только мог, преследовал и нападал на каждого, кто появлялся в долине, в лесу или на горах. Это был дикий, бесстрашный и жестокий человек, готовый на все. И вот однажды ему удалось подстеречь в лесу семерых мужчин. Он спрыгнул с дерева и преградил путь Семи мудрецам, семи небожителям, спустившимся на землю. Размахивая ножом, держа наготове лук и стрелы, разбойник закричал:

— Жизнь или...

Семеро мужчин невозмутимо смотрели на него, а один из них спросил:

— Ты размахиваешь ножом и луком и разыгрываешь это представление ради того, чтобы получить... что же тебе нужно?

— Все, что у вас есть. Вас семеро, это верно, но я справлюсь и с семерыми, так что не вздумайте проявлять безрассудную храбрость. Я свяжу вас одной веревкой, как цыплят.

— К чему этот глупый разговор? — спросили семеро.

— Вы что, пытаетесь сопротивляться?! — возмутился разбойник.

— Нет! — закричали они.— Мы с радостью отдадим тебе все, что у нас есть, и даже больше.

Такого разбойнику еще не приходилось слышать.

— А почему? — спросил он.

— На этот вопрос не так легко ответить, просто нам хочется помочь тебе.

Эти непривычные слова заставили охотника насторожиться.

— Почему? — опять спросил он.

— Ты снова спрашиваешь «почему»,— сказали мудрецы,— потому, что ты заслужил, чтобы мы тебе помогли, вот и все.

— Какую же помощь вы мне предлагаете? — спросил охотник, все более и более заинтересовываясь.

Они улыбнулись, услышав его вопрос, и в нем снова пробудилась подозрительность.

— Если вы надеетесь провести меня с помощью какой-нибудь хитрости, так вы ошибаетесь,— заявил он.— Прежде всего, поторапливайтесь.

— Ты видишь, что мы босы, все наше имущество — это платье, которое на нас надето. Что же, потвоему, мы можем тебе дать?

— Я вас обыщу,— сказал он, наступая на мудрецов. Тех, кто ходит с пустыми руками, я наказываю. В мире не должно быть места для таких беспомощных людей,— и он бросил на них злобный взгляд, стараясь получше разглядеть их лица.— Вас семеро, вы, наверное, что-нибудь передаете друг другу. Ну-ка, сейчас же выкладывайте, что у вас есть!

— Хорошо,— согласились мудрецы, к его великому изумлению.

Охотник совсем растерялся от такого неожиданного оборота дела и, чтобы скрыть смущение, держался особенно вызывающе. Он бесцеремонно набросился на мудрецов и, хотя ничего этим не достиг, продолжал всячески досаждать им, пока они не сказали:

— Если ты хочешь, чтобы мы отдали тебе наши богатства, ты должен во что бы то ни стало сделать то, что мы тебе скажем.

— Что это за богатства и где вы их прячете?

— Мы можем дать тебе нечто весьма ценное, но прежде ты должен ответить на наш вопрос. Зачем ты берешь на себя тяжкий грех, грабя людей и причиняя страдания всем божьим тварям? Ради чего ты это делаешь?

— У меня восемь детей, мы ждем девятого. Я должен добывать для них пищу или доставать деньги, чтобы ее купить; с нами всегда едят один или двое гостей.

— Бедный человек, неужели ты ни разу не подумал о том, какой ценой ты поддерживаешь жизнь своих близких?

— Что вы хотите этим сказать?

— Та жизнь, которая сейчас доставляет тебе столько радостей или страданий, дана тебе в награду за твои прошлые жизни, а ты, вместо того чтобы позаботиться о своем освобождении хотя бы в будущей жизни, каждый час берешь на свою душу всё новые и новые грехи. Ступай домой и спроси свою жену и детей, согласен ли кто-нибудь из них разделить с тобой эту ношу? Они с готовностью делят с тобой добычу, вот и спроси их, возьмут ли они на себя часть твоих грехов. Иди и принеси нам их ответ, тогда мы отдадим тебе все, что у нас есть.

— Вы, наверное, просто хотите обвести меня вокруг пальца,— не поверил им разбойник.

— Мы торжественно обещаем, что будем ждать на этом самом месте твоего возвращения и ответа твоих родных,— сказали мудрецы и в подтверждение своих слов сели на камни под деревом.

— Никуда не уходите,— приказал им охотник.— Сидите здесь. Я сейчас приду.

Через некоторое время он, запыхавшись, прибежал назад; семь пленников сидели на тех же местах. Охотник приблизился к ним и опустил голову.

— Что они тебе сказали? — спросили мудрецы.

— Никто из них не хочет разделить со мной бремя грехов. Я никогда об этом не думал. Они мне не помощники. Дети засмеялись в ответ на мои слова, они решили, что я шучу, а жена сказала, что я сошел с ума.

— Мы обещали сделать тебе дорогой подарок. Ты хочешь его получить?

— Да.

— Хорошо. Сядь на землю, вот здесь, в тени этого дерева, закрой глаза и повторяй не останавливаясь: «Мара, мара». Пусть это слово станет для тебя таким же привычным и необходимым, как дыхание.

Выбрось из головы все мысли и вслушивайся в звучание этого слова — «Мара».

— А что оно значит?

— Ты поймешь это, когда станешь его повторять.

Разбойник бросил оружие, сел под дерево и стал твердить: «Мара, мара». При повторении звуки смешались и из них получилось «Рама» — герой «Рамаяны», тот самый Рама, имя которого достаточно несколько раз произнести вслух, чтобы самому стать лучше и сильнее.

Прошли годы. Мы не в состоянии обычным образом измерить этот отрезок времени, длившийся, если верить преданиям, тысячи лет — срок, достаточный для того, чтобы изменился ландшафт целой страны и на месте лесов появились города, а на месте городов — пустыни, чтобы горы изменили свои очертания, а реки потекли по новым руслам. И все это время из глубины высокого холма доносилось, как бормотание морских волн, слово «Рама». Путники слышали это непрекращающееся гудение и в недоумении шли дальше.

В положенный срок Семь мудрецов снова пришли на то же место, но они-то знали, откуда доносится этот гул. Мудрецы разломили земную кору и разрушили муравейник, который образовался вокруг охотника, пока тот, забыв обо всем на свете, повторял имя Рамы. Его тело высохло, длинные волосы скрыли его голову и лицо, но он сидел, не шелохнувшись, пока мудрецы не вернули его к жизни. С тех пор, как его извлекли из муравейника, он стал известен под именем Валмики.

Он стал риши, одним из тех, на кого снизошла благодать. Он не испытывал ни голода, ни жажды, его тело не знало никаких желаний. Валмики поселился в ашраме на берегу Ганга.

О том, что с ним случилось потом, Валмики рассказал самому Раме.

— Твое имя обладало таким могуществом, что сделало меня мудрецом, способным обозреть прошедшее, настоящее и будущее, как единое целое. Тогда я еще ничего не знал о тебе. Однажды ко мне пришел мудрец Нарада. Я спросил его: «Бывают ли люди, совершенные во всех отношениях: стойкие, испол-

ненные чувства долга, до конца правдивые, свято соблюдающие обеты, добрые, образованные, красивые, наделенные самообладанием, могучие духом и телом, не знающие гнева и зависти, но внушающие ужас врагам?» — «Люди, в которых сочетаются все эти качества, встречаются нечасто,— сказал Нарада,— но один из них — это как раз Рама, человек, имя которого ты произносишь с таким мастерством. Он принадлежит к династии Икшваку, это сын царя Дашаратхи». И Нарада рассказал историю Рамы.

Когда Рама начал земную жизнь, ему и в голову не приходило, что он бог, да еще не кто иной, как Вишну, который принял облик человека, чтобы избавить мир от десятиголового демона Раваны. Став человеком, Рама забыл о своем божественном происхождении и, так же как все люди, узнал, что такое боль, удовольствия и радости жизни. Он появился на свет старшим из четырех сыновей Дашаратхи, у которого было три жены. С раннего детства Рама проявил те качества характера, которые сделали его безупречным человеком, безупречным сыном и безупречным мужем. Его бесстрашие не знало границ, и не было на земле лучника искуснее его.

Однажды во дворец Дашаратхи явился мудрец Вишвамитра.

— Окажи мне милость,— обратился он к царю.

— С радостью,— тут же ответил тот.

— Мы совершаем жертвоприношения в Сидхашраме; я хочу чтобы двое твоих сыновей, Рама и Лакшмана, пошли со мной и защитили нас от ракшасов, которые мешают риши, задувают жертвенные костры, забрасывают священные места нечистотами и пугают участников священной церемонии. Я не знаю, у кого, кроме Рамы, хватит храбрости и умения справиться с ними.

Дашаратха огорчился: его любимый сын, привыкший к ласке и к дворцовой роскоши, вдруг должен отправиться в опасное путешествие.

— Они еще так молоды...— начал он.— Раме нет даже шестнадцати, а Лакшмане... Что могут сделать эти дети?

Вишвамитра не принадлежал к тем, кто терпеливо выслушивает возражения.

— Кто же из вас испугался,— спросил он мрачно,— ты или мальчики?

Но тут вмешался наставник мальчиков Васиштха, постоянный соперник Вишвамитры в борьбе за духовное превосходство; он сказал всего несколько слов:

— Отпусти Раму, Рама и Лакшмана справятся.

— Рама тотчас попрощался с матерью и вместе с Лакшманой пошел за Вишвамитрой.

Вокруг того места, где должно было происходить жертвоприношение, как всегда собралось много демонов. Рама и Лакшмана стояли на страже и так искусно стреляли из лука в небо, что их стрелы переплелись между собой и образовали над священной землей огромный защитный зонт, после этого им уже нетрудно было расправиться с теми ракшасами, которые осмелились к ним приблизиться. Жертвоприношение благополучно совершилось, и Вишвамитра был так доволен, что передал Раме все духовные богатства, которые он успел приобрести. Он научил его нескольким особенно изощренным приемам стрельбы из лука и взял обоих братьев в Митхилу на сваямвару * дочери Джанаки — Ситы. Во время сваямвары Рама завоевал право стать мужем Ситы: он один сумел поднять гигантский лук и натянуть его тетиву.

Вскоре после женитьбы Рамы Дашаратха решил сделать его своим помощником и наследником, чтобы постепенно переложить на него все бремя власти, но ему не удалось привести в исполнение этот план, потому что Кайкея, третья жена Дашаратхи, потребовала корону для своего сына Бхараты и настояла на том, чтобы Рама на четырнадцать лет был изгнан в лес. Однажды во время сражения Кайкея спасла Дашаратхе жизнь, в благодарность царь обещал по первому слову исполнить два ее желания.

Старая няня посоветовала Кайкее не упускать благоприятной минуты, и Кайкея напомнила Дашаратхе о его обещании.

Дашаратха был глубоко опечален таким поворотом событий, но Рама отнесся к своему изгнанию спокойно и нисколько не обиделся на отца. Чувство

---

* Сваямвара — обряд, по которому невеста сама выбирает жениха.

долга было для него превыше всего, и он гордился тем, что может помочь Дашаратхе сдержать слово. Рама удалился в лес в сопровождении Лакшманы и Ситы.

Бхарата в это время отсутствовал; вернувшись домой, он пошел в лес вслед за Рамой, чтобы вернуть его, но Рама остался глух к его мольбам. Единственное, что удалось Бхарате,— это завладеть сандалиями Рамы; он благоговейно поставил их на трон и объявил себя правителем на то время, пока Рама находится в изгнании.

Рассказ Нарады так взволновал Валмики, что он забыл обо всем на свете и проводил целые дни, размышляя о Раме. Однажды, направляясь к реке Тамасе, чтобы совершить омовение, Валмики остановился полюбоваться парой крунчей, которые затеяли любовную игру, сидя на ветке дерева. Вдруг самец с пронзительным криком упал на землю, сраженный стрелой охотника, и овдовевшая самочка залилась жалобной песней. Валмики был потрясен до глубины души. Его сердце переполнилось яростью и сожалением, и он начал декламировать шлоку, поэму-проклятие бессердечному охотнику. «Человек-разрушитель,— говорилось в ней,— ты не можешь оставить в покое даже невинных влюбленных птичек. Погибни же сам!»

Это была первая поэтическая композиция Валмики, которая действительно вылилась из глубины его души; совершенством формы она походила на жемчужину, хотя была полна горя и обиды. Валмики вернулся в ашраму, повторяя строфы поэмы, но вдруг забеспокоился — он понял, что своими гневными строками нарушил первую заповедь поэтического творчества, гласившую, что поэзия должна возвышать душу и способствовать созиданию, а не разрушению. Валмики впал в глубокую тоску; мысль о том, что он совершил преступление, сочинив поэму-проклятие, мучила его с такой же силой, как воспоминание о гибели птички.

Из этого тяжелого состояния его вывел сам творец Брахма. Он пришел к Валмики и вернул ему бодрость, придав поэме совершенно иной смысл *.

* Санскрит достиг такой высокой ступени развития, что одно и то же слово этого языка могло иметь несколько разных

Валмики сидел, скрестив ноги, на циновке из дикой травы; его глаза были закрыты, и, когда Брахма удалился, его внутреннему взору предстала вся жизнь Рамы. Ученики сели вокруг него, и Валмики прочел им двадцать четыре тысячи строф поэмы, в которой описывалась жизнь Рамы, начиная с зачатия и кончая его возвращением на небо после того, как он совершил на земле все, что ему было положено совершить. Валмики не сразу нашел достойного хранителя поэмы и в конце концов остановил свой выбор на двух юношах — Куше и Лаве (сыновьях Рамы, еще незнакомых со своим отцом). Как это все произошло, почему Куша и Лава оказались в ашраме Валмики, станет понятно, если мы на некоторое время обратимся к самой «Рамаяне».

Рама явился в Ланку (чтобы вернуть свою похищенную жену Ситу) и убил Равану, освободив мир от демона-тирана. Когда Равана погиб, Рама послал Ханумана за Ситой. Сердце Ситы переполнилось радостью. И хотя из-за долгого траура ее волосы и платье были в беспорядке, она хотела тут же идти к Раме, нисколько не заботясь о своей внешности, но Хануман сказал Сите, что Рама просил ее предстать перед ним в парадной одежде.

Вокруг Рамы теснилась огромная толпа людей. После стольких месяцев одиночества и страданий Сита не могла дождаться минуты, когда она увидит мужа. Рама встретил ее на глазах у всех собравшихся. Взгляды посторонних смущали Ситу, но она покорилась воле мужа. Одного только она не могла понять: почему ее господин так озабочен, холоден и хмур. Она пала ниц у его ног, а потом встала поодаль, чувствуя, что ее отделяет от мужа какая-то невидимая преграда.

Рама помолчал немного и вдруг сказал:

значений в зависимости от ударения и разделения на слоги. Поэтому для настоящего понимания санскрита нужно было в совершенстве знать его грамматику.

Брахма объяснил Валмики, что его поэма вторит жалобам Мандодари, жены Раваны, оплакивающей гибель своего мужа-демона. Со смертью Раваны у людей вновь появилась надежда, а бог, принявший образ Рамы, мог считать, что он исполнил свой долг; так и должен был кончиться эпос, созревавший в душе поэта.

— Я исполнил свой долг. А теперь я даю тебе свободу. То, что должно было свершиться, свершилось. Все эти усилия были затрачены не ради твоего или моего счастья. Нам нужно было отстоять честь династии Икшваку, честь и достоинство наших предков. И еще я должен напомнить тебе, что наши обычаи не разрешают мужчине возобновлять супружеские отношения с женщиной, которая долгое время находилась одна в чужом доме. Мы не можем вновь стать мужем и женой. Ты имеешь право идти куда хочешь и жить где хочешь. Я не стану чинить тебе никаких препятствий.

Услышав эту речь, Сита потеряла власть над собой.

— Неужели мои страдания еще не кончились! — воскликнула она. — Я думала, что твоя победа означает конец наших мучений. Ну, хорошо же!

Она подозвала Лакшману и приказала ему:

— Сейчас же разложи костер, на этом самом месте.

Лакшмана не знал, что делать; он смотрел на брата и ждал, чтобы тот отменил этот приказ. Но Рама молчал, как будто его это не касалось. Тогда Лакшмана, привыкший беспрекословно исполнять любое приказание, собрал хворост и в мгновение ока развел жаркий костер. Все вокруг в ужасе следили за тем, что происходит.

Пламя достигло уже высоты дерева, а Рама попрежнему безмолвствовал. Он ждал, что будет дальше. Сита приблизилась к костру и упала на колени.

— О Агни, великий бог огня, беру тебя в свидетели! — воскликнула она и бросилась в костер.

В этот миг явились все боги. Над столбом пламени вознесся бог Агни вместе сСитой; он подвел ее к Раме и благословил. Рама, счастливый, что ему удалось перед всем миром восстановить честное имя своей жены, обнял Ситу и сказал, что хочет тут же вернуться в свою родную Айодхью. Добрый Вибхишана, сменивший на троне Равану, предложил ему свою летающую колесницу Пушпаку, в которой Равана перелетал через гору Кайласу, а потом через океан, чтобы похитить Ситу; теперь на эту колесницу взошли Рама и Сита.

Айодхья торжественно отпраздновала воцарение

Рамы, и для людей настало время мира и счастья. Рама и Сита вновь обрели друг друга и долгие годы наслаждались тихими семейными радостями.

Прошло несколько лет, Сита ждала ребенка. Раме захотелось порадовать жену, и он привел ее погулять в городской сад на берег реки Сараю. Они любовались окрестностями, как вдруг Сита сказала:

— Я так стосковалась по лесам и ашрамам, в которых мы счастливо провели столько лет! Как я хочу побыть там еще немного, забыть о нашем роскошном дворце и пожить несколько дней в лесу вместе со святыми людьми.

Рама улыбнулся; он понимал, что это каприз беременной женщины и что никакие уговоры и объяснения тут не помогут, поэтому он сказал:

— Завтра я распоряжусь, чтобы тебя отвели в лес.

Его слова оказались пророческими.

Вечером Сита удалилась к себе, а Рама, как обычно, закончил дневные труды и послал за начальником соглядатаев, который ежедневно докладывал ему, что говорят и думают в городе. Начальник соглядатаев рассказал о нескольких мелких происшествиях и в нерешительности замялся.

— Что тебя смущает? — спросил Рама.

— Прости меня, господин,— сказал начальник,— мой долг — докладывать тебе обо всем, что я слышу. На рыночной площади стояли и болтали несколько мужчин. Я подошел, чтобы послушать, о чем они говорят. Прости меня за то, что я вынужден повторить их слова.

— Это твоя обязанность. Говори, не бойся.

— Они сказали: «Наш царь Рама взял назад жену, которая несколько месяцев жила неизвестно где, значит, и мы можем поступать также. Теперь каждая женщина, если захочет, убежит из дому, а потом, ничего не боясь, вернется назад. Стоит ли тогда с ними ругаться?»

Когда он ушел, Рама позвал Лакшману и приказал ему:

— Завтра до зари усади Ситу в колесницу, отвези на берег Ганга и оставь там.

— А потом?

— Потом ничего,— сказал Рама.

— А когда привезти ее назад?

— Никогда,— ответил Рама и добавил: — Я должен подавать пример своим подданным. Я не имею права считаться со своими чувствами.

— Но она в таком положении...— возразил Лакшмана.

— С ней не случится ничего дурного,— сказал Рама.— Отведи ее в ашраму мудреца Валмики и возвращайся. Валмики о ней позаботится.

На следующее утро Лакшмана вывел Ситу из дворца. Она все еще думала, что Рама устроил эту прогулку ради того, чтобы она могла переменить обстановку.

— Разве я не увижу своего господина и не попрощаюсь с ним? — спросила Сита.

— Лучше выйти, пока город еще спит,— смущенно ответил Лакшмана.— Нам предстоит далекий путь.

Сита заметила, что Лакшмана всю дорогу хмурился и молчал. Когда они пришли в ашраму, Сита спросила его:

— Почему ты за всю дорогу не сказал ни слова, о чем ты все время думаешь?

В ответ Лакшмана залился слезами, и Сита встревожилась не на шутку:

— Что с Рамой? Неужели на нас опять обрушилась беда, а я ничего не знаю?

Но у Лакшманы не хватило духу рассказать ей, в чем дело, и Сита продолжала:

— Отчего ты так грустен как раз тогда, когда я радуюсь, что вновь оказалась в этих чудесных местах? Если ты тоскуешь о нашем городе, давай сократим это путешествие. Отведи меня только в несколько соседних ашрам, я приготовила подарки мудрецам, которые оказывали нам гостеприимство в те далекие годы. Мы будем останавливаться на ночь в одной ашраме, а на заре уходить в другую. Мне тоже не хочется надолго разлучаться с Рамой.

Тогда Лакшмана собрался с силами и сказал ей правду:

— Люди часто злословят, и Рама знает, что они попусту болтают языками. И все-таки...

Оправившись от первого потрясения, Сита взяла себя в руки и сказала:

— Как же мне быть, что же мне теперь с собой делать. Может быть, броситься в эту реку... а как же ребенок, о нем тоже надо подумать. Я должна жить, чтобы род Рамы продолжался. Но жить мне или умереть, ты возвращайся и скажи Раме, что я не сержусь на него за то, что он мной пожертвовал; я рада оказать ему услугу. Пусть он только не обижает хоть тех, кто принадлежит к одному с ним роду,— своих братьев. Пусть он всегда заботится о них и никого из них не приносит в жертву своему делу.

Лакшмана оставил Ситу недалеко от ашрамы Валмики и ушел. А Сита села на берег реки и заплакала.

Кто-то из людей, живших в ашраме, сказал мудрецу:

— На берегу реки сидит женщина, очень красивая. У нее, видно, большое горе.

Валмики подошел к Сите, назвал себя и сказал:

— Ты можешь ничего мне не объяснять. Я знаю, кто ты и что с тобой случилось. Ты должна пойти со мной, потому что таково было желание Рамы.

И он привел Ситу к себе в ашраму.

Едва Сита ступила на землю ашрамы, как тут же почувствовала себя лучше. Валмики сказал своим ученикам, кто она, и добавил:

— Эта женщина имеет право не только на ваше уважение, но и на вашу любовь.

В ашраме Сита родила близнецов Кушу и Лаву, здесь они и выросли. Валмики стал их наставником, он следил за их занятиями и назначил мальчиков хранителями своего великого творения — «Рамаяны», когда им еще не исполнилось и десяти лет.

Однажды Рама устроил торжественное жертвоприношение и пригласил Валмики, который послал вместо себя Кушу и Лаву.

— Ступайте в Айодхью, но не приближайтесь к священному месту, где будет происходить жертвоприношение,— напутствовал он мальчиков.— Остановитесь в лесу и спойте рассказ о Раме так громко, чтобы вас услышали во дворце. Не принимайте ни денег, ни подарков, если вам их предложат, они вам не по-

надобятся. У вас есть голос и слух, и вы одни будете пересказывать «Рамаяну».

Лава и Куша отправились в путь. Через некоторое время они пришли к священному месту, где в ожидании жертвоприношения уже собрались тысячи гостей и священников. И тогда, покрывая звуки гимнов и заглушая напевы молящихся, вознеслись голоса близнецов, рассказывающих «Рамаяну», и толпа замерла. Люди забыли обо всем на свете, никто не смел шевельнуться — все слушали. Рама оставил свои дела и вышел посмотреть, откуда доносится эта могучая песня. Но близнецы, едва Рама взглянул на них, приобрели над ним какую-то непонятную власть, и Рама пригласил их во дворец. А потом он собрал у себя ученых, поэтов и знатоков литературы, и молодые люди читали им каждый день несколько строф из поэмы Валмики. Рама с величайшим наслаждением разбирал и изучал каждую строчку, так что он был не только героем этой поэмы, но и ее первым читателем.

Когда Рама узнал, что Лава и Куша его дети, он послал за Валмики и Ситой. А когда Сита пришла, он искренне обрадовался ее возвращению. Но теперь настала очередь Ситы. Она сказала всего несколько слов:

— О мать земля, возьми меня назад в свое лоно; если я чиста сердцем, исполни мою просьбу!

Земля под ее ногами разверзлась, и Сита исчезла.

Раму обуял гнев (как это уже случилось однажды, когда он хотел попасть в Ланку, а море преградило ему путь).

— О земля,— закричал он,— верни мою жену, а не то я уничтожу тебя вместе с твоими горами, реками, морями, лесами и всем, что у тебя есть! Берегись!

Никто еще не видел Раму в такой ярости. Все, кто оказался поблизости, дрожали от страха.

В эту минуту появился Брахма и сказал:

— О Рама, ты не принадлежишь к смертным. Ты не человек, а воплощение Вишну, не позволяй иллюзии завести тебя слишком далеко и не забывай о том, кто ты на самом деле. Ты великий бог Вишну, ты существовал, когда «Рамаяны» еще не было и в помине,

и будешь жить после того, как кончится жизнь Рамы. Ты стал Рамой для того, чтобы спасти людей от истребления. Сита не погибла. Ведь это твоя вечная супруга Лакшми, она исполнила свой долг и теперь ждет тебя в твоем собственном мире. И тебе тоже больше нечего делать на земле.

Автор поэмы, Валмики, в растерянности следил за заключительными шагами воспетых им героев. Он-то надеялся, что ему удастся добиться встречи героя и героини, восстановить их семью и таким образом привести рассказ к благополучному концу. Но Рама и Сита распорядились своей судьбой иначе. В ту минуту, когда Рама готов был принять Ситу, Сита не захотела к нему вернуться. А сам Рама отказался от всего, чем он владел. Герои «Рамаяны», как герои всех совершенных произведений искусства, вышли из повиновения автора. Валмики разрешил им идти своей дорогой и следил за их последними приключениями как сторонний наблюдатель, а потом вернулся к прежней созерцательной жизни.

Драупади

Рассказчик был расположен поговорить. Он, как обычно, усадил меня на свой коврик, потом поставил рядом полную тарелку конфет и сказал:

— Я был сегодня на нескольких свадьбах, поэтому у меня столько конфет — целая гора, честное слово. Уже много недель подряд я только и делаю, что венчаю, и каждый раз мне дарят пакетик конфет; если я съем все эти конфеты, в моем возрасте... Вот я и сохранил их для вас. Я все время раздумываю об этих свадьбах и вообще о браке. Во время богослужения я читаю священный текст, слушаю, как жених и невеста произносят клятвы перед священным огнем, а сам исподтишка наблюдаю за молодыми, которые пускаются на всевозможные хитрости, чтобы получше разглядеть друг друга; ведь в нашем обществе муж и жена по-настоящему знакомятся уже после свадьбы,

потому что у нас дело обстоит не так, как в Европе, где, как я слышал, юношам и девушкам предоставляют полную свободу и позволяют самим устраивать свою судьбу. Наши девушки дают согласие вступить в брак, подчиняясь совету старших родственников, но при первом удобном случае они стараются угадать, что́ их ожидает. Произнося мантры, я с любопытством слежу за невестой, которая, сидя перед священным огнем, с тоской и надеждой вглядывается в своего жениха, и я всегда вспоминаю о Драупади, о том, что она чувствовала, когда узнала, что у нее будет пятеро мужей!

Я слышал, что на Западе, особенно в мире кино, у женщины часто бывает пятеро мужей, но это означает, что она пять раз подряд выходит замуж, только и всего; ведь у вас тоже не принято вступать в брак сразу с пятью мужчинами. Драупади же пришлось стать женой пяти братьев. Подобный брак казался совершенно немыслимым и ужасным даже в те времена. А виной всему было недоразумение.

Когда пятеро братьев Пандавов пришли домой и привели с собой красавицу Драупади, которая досталась третьему из них, Арджуне, потому что этот замечательный лучник стал победителем в необыкновенном состязании, их мать Кунти не вышла встречать сыновей. Но прежде чем продолжать, я хочу вернуться к началу этой странной истории.

В тот день братья, как всегда, отправились утром добывать пропитание и собирать милостыню. Но они вернулись не с подаянием, а с невестой. Второй брат, силач Бхима, чтобы скрыть свое дурное настроение, весело крикнул с порога:

— Мама, иди скорее, посмотри, какое мы принесли подаяние!

— Я очень рада,— откликнулась Кунти, не выходя из кухни,— разделите его между собой!

— Ой! — закричал Бхима.

— Ой-ой! — закричали братья и громче всех Арджуна, завоевавший право жениться на Драупади.

Мать вышла посмотреть, почему поднялся такой крик.

— Ах, кто это?! — воскликнула она.— Неужели это твоя награда, Арджуна?

Кунти, сияя от счастья, схватила девушку за руку.

— Ах, Арджуна, тебе досталась невеста, вот эта принцесса, вот это чудесное создание! Значит, ты все-таки участвовал в состязаниях. Я не думала, что ты на это решишься. Ведь наши недруги могли тебя выследить. Как я счастлива, что у меня будет такая невестка. Скажи-ка... А что... Входите же, входите!

Радость Кунти не знала границ: ее сын победил в труднейших состязаниях и с торжеством вернулся домой целым и невредимым!

— Входите же, входите!

Братья столпились позади матери. Кунти расстелила циновку и предложила Драупади отдохнуть, но она, как подобает воспитанной девушке, отказалась сесть в присутствии своего будущего мужа и свекрови, которые продолжали стоять. К тому же она была в таком смятении. Как, впрочем, и все остальные, включая Кунти, которая, однако, тут же взяла себя в руки.

Пятеро братьев стояли в неловком молчании, а Драупади опустила глаза и старалась не смотреть на мужчин, которым предстояло поделить ее между собой, если только они не решатся ослушаться приказания матери. Довольно мучительное положение для девушки, которая собиралась выйти замуж за одного человека и вдруг стала невестой еще четверых.

Самого старшего из Пандавов звали Юдхиштхира; это был высокий, представительный мужчина, непоколебимо честный, спокойный, справедливый и добрый. За ним шел великан Бхима, при рождении которого дрожали от страха все цари земли. Однажды, когда Бхима был еще младенцем, он упал прямо на огромный камень. Все думали, что мальчик разбился, но, когда люди подбежали, чтобы поднять ребенка, оказалось, что под его тяжестью камень раскололся на мелкие кусочки. Бхима мог одним ударом сбить с ног сто человек и, ухватившись за макушку дерева, с корнем вырвать его из земли. Рядом с Бхимой стоял Арджуна, величайший из воителей, рожденных на земле, прекрасный и блистательный, как сам Индра, а за ним — близнецы Накула и Сахадева, кра-

сивые юноши, всей душой преданные наукам. Каждый из братьев унаследовал черты того бога, которому Кунти молилась при зачатии. Отцом Юдхиштхиры был Яма, бог справедливости и смерти; отцом Бхимы — Ваю, бог ветра; Арджуна был обязан своим появлением на свет мысленному союзу Кунти с царем богов, могущественным Индрой; а отцами близнецов были небожители ашвины.

Сейчас я хочу на минуту прервать свой рассказ и объяснить, почему у Пандавов было так много отцов. Панду, муж Кунти, не мог совокупляться с женщинами. Прежде всего потому, что он был больным человеком и ему приходилось жить в лесу, а кроме того, над ним тяготело проклятье: он знал, что умрет в тот день, когда ляжет в постель с женой. Однажды во время охоты он убил олениху, игравшую со своим возлюбленным, и, умирая, она прокляла его и сказала, что его тоже настигнет смерть в ту минуту, когда он затеет любовную игру со своей женой. Почувствовав приближение старости, Панду начал тревожиться, что у него нет детей. Тогда он призвал к себе Кунти и разрешил ей с помощью положенных жертв и молитв призвать к себе богов и стать матерью. Так родились один за другим трое сыновей Кунти, а потом точно так же родила близнецов вторая жена Панду.

И вот теперь Драупади исподтишка рассматривала пятерых братьев и недоумевала, почему коварная судьба уготовила ей такой сюрприз. Кунти притворно улыбалась и пыталась обратить свои слова в шутку.

— Разве я могла догадаться, что́ у тебя на уме, когда ты крикнул про подаяние. Я думала, что речь идет об обычной милостыне,— сказала она, и голос ее пресекся.

Прямодушный Бхима, неспособный на увертки, пытался объяснить, что произошло.

— Я... я хотел пошутить, я...

Выручил всех Арджуна.

— Мама, твое слово всегда было для нас законом,— сказал он решительно,— мы всегда беспрекословно подчинялись тебе. И разве может быть иначе? Мы поделим Драупади, как ты нам приказала.

— Нет, нет, нет...— возражала мать.

Можете себе представить, каково было Драупади. Она беззвучно молилась богам, прося их найти выход из этого положения, и старалась незаметно придвинуться поближе к единственной женщине в доме, потому что чувствовала все-таки некоторое облегчение при мысли, что, сколько бы у нее ни оказалось мужей, свекровь наверняка будет одна. (Произнося эти слова, рассказчик позволил себе улыбнуться.)

— Что это за нелепая шутка?! — сказал старший брат Юдхиштхира.— Девушку, которая выходит замуж за одного мужчину, называют женой, ту, которая выходит замуж за двух, трех, четырех или за пятерых, называют девкой. Это грех. Слышал ли кто-нибудь о таком бесчестье?!

— Не принимай всерьез мой необдуманный совет,— ответила ему Кунти.— Ах, сын мой, твои слова так меня огорчают, я очень виновата. Не будем даже думать об этом.

— Прошу тебя, не делай меня грешником,— молил ее Арджуна.— Неужели ты хочешь, чтобы я взял на душу такой грех — грех неповиновения матери?! А ты, мой старший брат, ведь ты человек рассудительный, ты знаешь, что хорошо и что дурно. Мы, четверо твоих братьев и эта девушка, просим у тебя совета. Скажи, что нам делать, чтобы все было честно и по совести. Как ты скажешь, так мы и сделаем, только помни, мы не можем ослушаться приказа матери, иначе...

Арджуна говорил, а братья разглядывали девушку, и сердца их трепетали, потому что Манматха, бог любви, уже принялся за дело, он уже разгорячил их кровь и раздразнил их воображение.

Юдхиштхира думал не больше минуты, он тут же вспомнил подходящие к случаю слова мудрецов и решил, что нельзя допускать раздора между братьями.

— Это удивительное создание будет женой всем нам,— сказал он.

Отец Драупади, царь панчалов, пригласил Пандавов к себе, чтобы договориться о свадьбе. Пятеро братьев, их мать и Драупади пришли во дворец, царь принял их с почетом и устроил пир. Он водил гостей по дворцу и по паркам, и они любовались плодами, памятными подарками, редкими произведениями ис-

кусства, статуями, картинами, резьбой по дереву, кожей с золотым тиснением, невиданной утварью, земледельческими орудиями, колесницами и лошадьми. Проходя по залу, где были разложены мечи, всевозможное оружие, щиты и другое военное снаряжение, братья с восхищением брали в руки то одну, то другую вещь и обсуждали между собой ее достоинства; в этом зале они провели гораздо больше времени, чем в других. Царь это заметил и подумал, что Пандавы, наверное, воины, хоть и одеты, как брахманы. Когда они вернулись к столу и удобно уселись каждый на своем месте, царь без обиняков спросил Юдхиштхиру:

— Я знаю, что ты никогда не лжешь. Скажи мне, кто вы?

И Юдхиштхира назвал ему свое имя и имена своих братьев и рассказал о бедах и несчастьях, которые выпали им на долю с тех пор, как они покинули свое царство, спасаясь от козней Кауравов.

Тогда царь сказал ему:

— Пусть этот день станет праздником в честь брака твоего брата Арджуны, юноши с могучими руками, и моей дочери Драупади, давайте же, как положено, отпразднуем союз наших двух семей. Пусть сегодня все будут счастливы.

— Я старший в семье, и у меня еще нет жены,— возразил Юдхиштхира.— По нашим законам сначала должен жениться я. Благослови прежде меня.

— Да будет так,— согласился царь, не подозревая, что кроется за словами Юдхиштхиры.— Ты старший, а моя дочь отныне принадлежит вашей семье. Если ты сам хочешь на ней жениться, женись, если нет, отдай любому из твоих братьев. Больше мне нечего прибавить.

— Тогда Драупади будет женой всем нам,— просто и спокойно сказал Юдхиштхира.

Он рассказал царю, что произошло, и кончил так:

— Мы всегда делились всем, что у нас есть, и будем поступать так же и впредь.

Услышав эти слова, царь онемел от изумления. А когда пришел в себя, закричал:

— У мужчины может быть несколько жен, но женщину, у которой больше одного мужа, осуждают и

люди и священные книги. Она ни от кого не услышит доброго слова. Какие злые духи внушили тебе эту мысль, тебе, человеку такой чистоты, такого ума и такой учености?!

— Правильная дорога бывает извилистой, по ней не всегда легко идти,— ответил ему Юдхиштхира.— Я знаю, что не сбился с пути. О царь, победитель миров, не думай обо мне дурно, дай нам свое благословение.

— Договоритесь между собой... ты, твоя почитаемая мать и моя дочь... договоритесь и скажите мне, что я должен делать,— в отчаянии прошептал царь и оставил их.

В это время во дворец прибыл мудрец Вьяса *. Его встретили с почетом и усадили за стол. Когда все приветствия были произнесены, царь попросил его:

— Разреши наши сомнения, скажи, может женщина выйти замуж за пятерых мужчин?

— Не всегда. Но женщина, о которой ты сейчас говоришь, может. Послушай, что я тебе скажу.

Вьяса встал и направился в личные покои царя, остальные, держась на некотором расстоянии, последовали за ними и остались стоять снаружи.

— Твоя дочь была Налаяни в своем последнем воплощении,— сказал Вьяса.— А Налаяни принадлежала к числу пяти совершенных женщин нашей земли. Ее мужем был мудрец по имени Мудгалья, прокаженный урод, придирчивый и сварливый старик. Но Налаяни не замечала его недостатков и была ему преданной и любящей женой. Она приноравливалась к его переменчивому настроению, выполняла все его сумасбродные желания, подчинялась всем его требованиям и питалась объедками с его стола. Она не знала сомнений, никогда не роптала и жила, полностью отрешившись от самой себя. Так они провели вместе много лет, и однажды Мудгалья сказал ей:

— О самая прекрасная, самая совершенная из жен, ты выдержала суровый искус и осталась такой же, какой была. Знай же, что твой муж вовсе не сварливый немощный старик. Я носил маску скверного, испорченного человека, чтобы испытать тебя. Теперь

* Вьяса — создатель «Махабхараты».

я убедился, что ни у одного мужчины нет такой преданной подруги. Скажи, чего ты хочешь, я выполню любое твое желание.

— Я хочу,— сказала Налаяни,— чтоб ты любил меня, как пятеро мужчин, чтоб ты поочередно принимал пять разных обличий и вновь становился одним человеком, превращаясь в самого себя.

Мудгалья согласился исполнить ее желание. В то же мгновение немощный старик стал красивым, полным сил мужчиной, который мог принимать четыре разных облика. Вся остальная жизнь Мудгальи и Налаяни была сплошным праздником. Они совершали далекие путешествия, посещали самые красивые и живописные места на земле и вели согласную супружескую жизнь не только в нашем мире, но и во многих других. Они жили бесконечно долго и любили друг друга всеми возможными способами, при всех возможных состояниях духа и при самых разных обстоятельствах.

Ей такая жизнь нисколько не приедалась, другое дело ему. И вот однажды Мудгалья сказал Налаяни, что его рассеянному существованию настал конец и что отныне он будет жить в одиночестве, углубившись в самого себя.

Тогда Налаяни закричала:

— Я еще не насытилась. Я прожила с тобой чудесную жизнь. Я хочу, чтобы она длилась вечно.

Мудгалья остался глух к ее мольбам, она стала для него обузой на пути к духовному совершенствованию, и он ушел от нее. Тогда Налаяни рассталась с волшебным миром, в котором так долго пребывала, спустилась на землю и начала размышлять о всемогущем Ишваре. Она думала о нем неотступно, и, когда Ишвара появился перед ней, она прошептала:

— Я хочу мужа, мужа, мужа...

— Ты скоро завершишь этот круг существования,— сказал бог,— и родишься вновь в образе некой красавицы, и у тебя будет пятеро мужей.

— Пятеро мужей! Боже! Почему пятеро? Мне нужен только один.

— Ничего не поделаешь. Я слышал, как ты произнесла слово «муж» пять раз подряд,— сказал Ишвара.

Это означало, что спорить бесполезно, ибо слово бога нерушимо.

Бог, конечно, шутил, но у него был свой умысел. В провиденьях богов каждая деталь связана с общим замыслом и служит его осуществлению, тут уж не до шуток. Богу нужно было восстановить справедливость и укрепить доброе начало в нашем мире. Кауравы, двоюродные братья Пандавов, были воплощением зла, могущественного, изощренного, беспощадного. Для блага людей их надо было уничтожить, и Драупади предстояло этому содействовать. В конце концов Кауравы действительно погибли из-за того, что навлекли на себя гнев Драупади».

Вьяса рассказал, как Налаяни родилась вновь в образе дочери царя панчалов, как она появилась на свет — не из чрева женщины, а из священного пламени костра, зажженного царем, чтобы принести обильную жертву богам. Ее назвали Драупади, потому что царь тут же удочерил ее, а его самого звали Драупада. Кожа у Драупади была смуглая, глаза сверкали, как пруды с лотосами, а волосы кольцами падали до самых пят.

Она выросла во дворце, и, когда пришло время подумать о ее замужестве, царь объявил на весь мир о сваямваре Драупади. Тот, кто хотел стать ее мужем, должен был доказать, что он обладает необычайной силой и ловкостью в стрельбе из лука. Жениху предстояло попасть в мишень в виде рыбы, укрепленную на колонне позади нескольких вращающихся дисков с отверстиями в центре. Для этого нужно было натянуть тетиву огромного лука и поразить мишень одной из пяти стрел, глядя не на рыбу, а на ее отражение в луже масла, налитого перед колонной. Драупади согласилась выйти замуж за того, кто сумеет это сделать.

Молва о состязании разнеслась по всему свету. И когда настал день, особенно благоприятный для стрельбы из лука, на земле панчалов собрались принцы, съехавшиеся из самых дальних провинций. В павильоне, построенном для этого случая, разместились сотни лучников, гостей и зрителей; рядом, всюду, где только можно, стояли на привязи разукрашенные, покрытые попонами слоны и лошади женихов и их

свиты. Узнав о состязании, Пандавы переоделись брахманами и тоже явились на праздник; они старались не привлекать внимания и заняли места в заднем ряду. Остальные соискатели надменно прихорашивались и разглядывали друг друга, не скрывая своего высокомерия, подозрительности и зависти.

В назначенный час в центре павильона появилась Драупади с венком в руке, и состязание началось. Глашатай объявил собравшимся принцам, что они должны приблизиться к огромному луку, стоявшему в середине павильона, поднять его и выстрелить. Сначала состязались царевичи из касты воинов, но большинство из них отступилось, едва взглянув на лук. Один или два принца уронили лук себе на ноги. А некоторые не сумели натянуть тетиву, сделанную из стальной нити.

Драупади с облегчением видела, что число женихов тает. Принцы в боевых доспехах с пышными украшениями величественно приближались к луку, поспешно ретировались, вскакивали на коней и отправлялись восвояси. Все шумно высказывали свое мнение, шутки и смех звенели в воздухе.

Кауравы сидели все вместе в углу павильона и с презрением смотрели, как приходят и уходят принцы. Там был Карна, замечательный воин и лучник, и царь Дурйодхана из Хастинапуры, главный враг Пандавов, искусный воитель, умный, сильный и беспощадный человек, переполненный ненавистью. Его братья и их оруженосцы сидели на почетных местах и осыпали насмешками неудачников. Когда настала очередь Кауравов, все затихли, а Драупади вздрогнула, сама не зная почему, и стала молиться богам, чтобы они избавили ее от этих людей.

Она со страхом смотрела на Карну, который подошел к луку и поднял его, как игрушку, а потом упер одним концом в землю и натянул тетиву; концы лука почти сошлись, но, когда между ними еще оставалось расстояние достаточное, чтобы просунуть орех, тетива внезапно распрямилась, и Карна с трудом устоял на ногах. Ему пришлось уйти. Следом за Карной вышел Дурйодхана; он твердой рукой взял лук и натянул тетиву, но, когда между концами лука остался зазор величиной с горошину, он не выдержал; его

пальцы разжались, он опустил лук и рыча вернулся назад. Люди кричали от возбуждения.

Но вот кто-то встал из группы брахманов, все заволновались. Раздались протестующие возгласы:

— Как смеют брахманы состязаться с воинами?! Пусть сидят над своими рукописями!

Однако по правилам в состязаниях могли участвовать все желающие, так как в разосланных царем приглашениях ни слова не говорилось о кастах.

К луку приблизился Арджуна; сын Индры был привлекательным, сильным и красивым юношей. Взглянув на него, Драупади испугалась, что его тоже постигнет неудача. Но Арджуна натянул тетиву и попал в цель пять раз подряд. Драупади подошла к нему и надела ему на шею венок. С этой минуты они считались помолвленными. Арджуна взял ее за руку и вывел из павильона. Тогда поднялся ропот:

— Нас обманули! Кто разрешил брахману брать невесту из сословия кшатриев? Мы этого не допустим. Убьем Драупаду и уведем девушку!

Началась драка, и телохранителям царя пришлось пустить в ход оружие. Бхима, самый сильный из Пандавов, охранял Драупади, вооружившись двумя огромными деревьями, вырванными из земли тут же в парке. Пятеро братьев вместе с Драупади вернулись к себе; в доме горшечника, где они тогда жили, их ждала Кунти. Тогда-то Бхима и закричал с порога:

— Мама, посмотри, какое мы принесли подаяние!

А она откликнулась, не выходя из дому:

— Разделите его между собой!

Братья Пандавы женились на Драупади, строго оговорив условия брака. Первым сжал ее руку и призвал в свидетели бога огня старший брат Юдхиштхира; за ним силач Бхима; потом Арджуна, тот, кому она досталась во время сваямвары; и наконец близнецы один вслед за другим. В течение двенадцати месяцев Драупади была женой одного из братьев, затем наступала очередь следующего. Четверо других братьев, которые в это время не были ее мужьями, не смели даже думать о ней, как о своей жене. Соблюдение этих правил требовало от Пандавов необычай-

ной нравственной дисциплины и силы духа. Тот, кто нарушал их хотя бы мысленно, сам приговаривал себя к изгнанию и должен был искупить свою вину, совершив многотрудное паломничество к святым рекам. Известие, что Пандавы живы, привело в смятение жителей Хастинапуры, столицы их соперников Кауравов, где жил царь Дурйодхана. На какие только хитрости ни пускались Кауравы, чтобы погубить Пандавов, все их усилия оказывались тщетны. В последний раз они заманили двоюродных братьев в западню, поселив их в доме, построенном из сухих досок, пропитанных смолой; Кауравы решили сжечь дом вместе с его обитателями. Пожар-то им удалось устроить, но в огне сгорел лишь наемный строитель этого домаловушки, а вовсе не Пандавы, как было задумано. Пятеро братьев благополучно спаслись и отправились странствовать, переодевшись брахманами: они надели на себя священные покрывала, завернулись в оленьи шкуры и отпустили бороды.

Кауравы были уверены, что их враги погибли. Когда они узнали, что Пандавы живы да еще завоевали Драупади, их охватил страх и гнев. Они стали поспешно строить новые планы, чтобы избежать нависшей над ними опасности.

— Кобра, которую ты ранил, но не убил, будет преследовать тебя, пока не сведет в могилу,— говорили они, обдумывая, как им извести своих соперников: подослать к ним наемных убийц или перессорить их, воспользовавшись тем, что у них одна жена.

Больше всего им, конечно, хотелось, чтобы братья начали ревновать друг к другу.

— Одна жена на пятерых! Слыханное ли это дело? Они станут посмешищем, на них будут показывать пальцем!

Но после долгих размышлений Кауравы поняли, что им не остается ничего другого, как оставить своих соперников в покое и ждать подходящего случая.

Пандавы удалились в пустынную часть страны, построили там свою столицу и назвали ее Индрапрастха — город великолепия. Они воздвигли огромный дворец. Там, где раньше был пепел и прах, появились райские кущи. Чтобы отпраздновать восстановление своего царства, Пандавы устроили раджа-

сую * и, как того требовал обычай, пригласили своих родственников-врагов Кауравов. Дурйодхана в сопровождении братьев, оруженосцев и пышной свиты явился в Индрапрастху главным образом ради того, чтобы выведать, правда ли Пандавы живут так богато, как об этом говорят люди.

Парки, сады, большие дома столицы Пандавов и, конечно, дворец, где было столько покоев с колоннами, вызывали всеобщее восхищение. Дурйодхана видел это и терзался от зависти. «Им все удается, они все умеют, и боги благосклонны к ним»,— с горечью думал он.

Дурйодхану, как главу Кауравов, пригласили посетить дворец. И случилось так, что во время торжественного обхода он сделал несколько грубых промахов. Выйдя во внутренний дворик, замощенный блестящим мрамором, он подобрал края одежды, так как решил, что перед ним большая лужа. Пандавы заметили это и рассмеялись. Проходя по залу с расписными стенами, он снова попал впросак, потому что попытался сорвать один из нарисованных на карнизе плодов. Хозяева, шедшие за ним следом, опять громко засмеялись. Третья неприятность случилась с ним, когда он попробовал пройти сквозь зеркальную стену. Пандавы покатились со смеху, и громче всех смеялась Драупади. Дурйодхана не выдержал и покинул дворец.

— Я буду не я, если не отомщу Пандавам, и особенно этой женщине! — поклялся он.— Они нарочно все это подстроили, чтобы оскорбить меня.

Через некоторое время Дурйодхана пригласил Юдхиштхиру к себе во дворец поиграть в кости. В игральном зале хастинапурского дворца по одну сторону доски уселись Дурйодхана и его сподвижники, а по другую — Юдхиштхира и его братья. Сначала ставки были невелики: немного денег, два-три драгоценных камня. Но к вечеру игроки вошли в азарт. Юдхиштхира неизменно проигрывал. Кауравы ликовали. Они насмехались и потешались над Юдхиштхирой, и тот уж не верил, что сможет отыграться.

* Раджасуя — особый вид жертвоприношения, совершаемого при восшествии царя на престол, в ознаменование победы над врагами и в других торжественных случаях.

— Что у тебя еще осталось? Дворец? Ставлю вот этот дворец, где мы сейчас играем. Ставишь свой? — спросил Дурйодхана.

— Ставлю, — сказал Юдхиштхира.

Он уже не владел собой и скоро проиграл свой дворец, потом лошадей, слонов, оружие и наконец свою столицу и свою половину царства. Его братья сидели тут же и ничего не могли поделать. Он был старшим, и они не имели права приказать ему остановиться, хоть и пытались его удержать. И вот у Юдхиштхиры не осталось ничего, кроме него самого, он поставил на себя — и снова проиграл.

— Хочешь продолжать? Есть у тебя что-нибудь еще? — спросил Дурйодхана и сам ответил на свой вопрос: — У тебя больше ничего нет. Ты мой раб. Но я разрешаю тебе сделать последнюю попытку. Как знать? Счастье переменчиво, вдруг ты отыграешь все, что потерял. Отчего не попробовать? Я хочу, чтобы ты попытался в последний раз. Как знать?

Это было заманчивое предложение, и оно упало на благодатную почву. Юдхиштхира, как одержимый, только об этом и думал, и в последнем порыве отчаяния у него нашелся лишь один ответ:

— Мне больше нечего поставить.

— Ты забыл о жене, — сказал Дурйодхана.

Пандавы единодушно возмутились. Но Дурйодхана не удостоил их вниманием и продолжал уговаривать Юдхиштхиру:

— Разве жена не должна помогать мужу, когда он попадает в беду? Разве жена нужна мужу только для развлечения? Если бы ты относился к игре серьезно, как знать?..

Юдхиштхира решил, что Дурйодхана прав и Драупади будет его последней ставкой; он бросил кости и опять проиграл. Бесчестные Кауравы испустили победный клич. Шакуни, дядя Дурйодханы, был очень хитрым и умным человеком. Это у него явилась коварная мысль затеять игру в кости и погубить Пандавов, и он же направлял руку Дурйодханы, следя за каждым его движением.

— Ступай и скажи этой гордячке, чтобы она явилась сюда, — приказал слуге Дурйодхана.

А Пандавам, которые стали его рабами, он прика-

зал отойти подальше, потому что рабы не должны стоять так близко к царю.

Слуга вернулся, но без Драупади, и доложил:

— Ей, государь, понадобилось узнать, была она последней ставкой или предпоследней, а когда я сказал, что Юдхиштхира проиграл сначала себя, а потом ее, она осмелилась заявить, что последний проигрыш ее не касается, потому что Юдхиштхира потерял право распоряжаться своей женой, так как сам перестал быть свободным человеком. Я предупреждал ее, что ты прогневаешься, государь, но она стояла на своем. Такая уж упрямая женщина!

— Упрямая? Скоро она станет сговорчивей! Скажи ей, что она должна делать то, что ей велят, а не рассуждать. Скажи ей, что теперь она наша рабыня.

Дурйодхана с торжеством оглядел присутствующих. Пятеро братьев стояли в дальнем конце зала.

— Я раздавлю их всех,— прошептал Бхима, скрипя зубами.

— Замолчи,— приказал ему старший брат.

— Одну стрелу из моего лука...— простонал Арджуна.

— Молчи. Не смей ничего делать,— чуть слышно проговорил Юдхиштхира.

Вскоре слуга снова вернулся, но опять без Драупади.

— О государь, она просит передать, что три дня не сможет показываться мужчинам,— сказал он на этот раз.

— Почему?

Наступило неловкое молчание, потом слуга пролепетал:

— У нее месячные.

— Ну и что? Как будто у других женщин не бывает месячных!

— Она говорит, что плохо себя чувствует и не одета подобающим образом.

— Сколько отговорок! Пойди и скажи ей, что она должна прийти сюда, а как она одета, нам безразлично... Живо! — крикнул он.

Драупади пришла и остановилась в глубине зала, полускрывшись за аркой; ее смущало такое большое сборище мужчин. Тогда Дурйодхана призвал своего

неистового брата Духшасану и велел ему вывести Драупади на середину зала, но Духшасана сказал:

— Она не хочет.

— Не хочет? Так приволоки ее,— распорядился Дурйодхана, надменно покручивая усы.

Неистовый Духшасана исполнил приказание брата и приволок Драупади за волосы. Ее мужья все видели и ничего не могли поделать. Дурйодхана и его люди — его слепой отец, его родственники и сообщники — веселились от души. Как они смеялись над Драупади! Дурйодхана чувствовал, что он отомщен за смех, который ему пришлось услышать в залах дворца в Индрапрастхе, когда он ступил на мрамор и испугался, что попал в лужу. Драупади громко спросила, как могут благовоспитанные люди допускать подобную жестокость. Но ее вопрос вызвал лишь новый приступ веселья у приспешников Дурйодханы.

— Теперь ты наша рабыня,— объявил ей Дурйодхана.— Ты будешь жить с другими рабынями здесь во дворце и научишься делать то же, что они: стирать белье и убирать мусор. Можешь забыть, что ты была принцессой. Хорошенькую штучку отколол твой отец с этим чудовищным луком! Эй, ты, жена пятерых мужей!

Драупади отвела от него взгляд, опустила голову и пыталась руками прикрыть свое тело, выставленное на всеобщее обозрение.

— Убери руки,— приказал ей Дурйодхана,— рабыня не смеет закрывать свое тело, если господин желает на нее смотреть. Ты считаешь, что недостаточно одета для этого случая. По-моему, на тебе слишком много одежды, сейчас же сними все без остатка!

Бхима не мог сдержаться и застонал, остальные братья тоже, но Юдхиштхира снова велел им молчать, и, когда Дурйодхана приказал Духшасане раздеть Драупади, раздался ее отчаянный вопль. Духшасана ухватился рукой за сари Драупади.

— Только позволь мне, я уничтожу всех этих людей! — воскликнул Бхима.

Но Юдхиштхира снова повторил:

— Мы рабы. Мы не должны ни во что вмешиваться.

— Мои мужья, вы же тут, защитите меня! Вы, уму-

дренные жизнью старики, вы тоже сидите в этом зале, ведь я жена ваших племянников, как вы можете спокойно смотреть на все это, откуда в вас такое жестокосердие? Неужели никто не вступится за мою честь?! — воскликнула Драупади и оглядела всех присутствующих. Никто не шевельнулся.

— О Кришна, бог во плоти, помоги же мне ты! — взмолилась Драупади.

И тогда произошло чудо. Как ни дергал Духшасана за конец ее сари, оно лишь становилось все длиннее и длиннее. Оказалось, что раздеть Драупади невозможно. Она закрыла глаза и продолжала молиться.

Так она стояла, пока старики, которым сначала все это казалось забавным, не почувствовали угрызений совести; увидав, что бог заступился за Драупади, они приблизились к ней и спросили:

— Что мы можем сделать для тебя?

Драупади произнесла в ответ несколько слов:

— Верните мне мужей. Верните мужьям то, что они проиграли в этой безумной игре.

И они обещали исполнить ее просьбу.

Но Дурйодхане их уступчивость пришлась не по душе. Он обиделся и снова стал выспрашивать злоумного Шакуни, как ему досадить Пандавам и унизить их. Шакуни посоветовал ему снова затеять игру в кости и обещал Дурйодхане, что будет помогать ему еще больше, чем в первый раз.

Дурйодхана опять пригласил Юдхиштхиру поиграть с ним в кости, и Юдхиштхира, заядлый игрок, опять принял приглашение и снова все проиграл.

На этот раз Дурйодхана решил непременно вкусить плоды своей победы и поступил осмотрительнее. Он приказал Пандавам покинуть Индрапрастху и двенадцать лет вести в лесу жизнь изгнанников, на тринадцатый год они имели право вернуться к людям, но должны были скрываться под чужими именами, а если кто-нибудь догадается, кто они, в наказание опять провести двенадцать лет в лесу и тринадцатый год под чужими именами, и так без конца. Если, однако, в течение первых тринадцати лет все условия будут соблюдены, они получат право вернуться в свое царство; если же нет, им придется ждать этой возможности еще тринадцать лет.

Пандавы построили в лесу хижину, поселились там все вшестером и жили, как лесные бродяги. Драупади, которая со дня своего бесчестия ходила с распущенными волосами, безгласно и покорно переносила все лишения. Но когда к ним в хижину пришел Кришна, который в человеческом облике был богом Вишну в его восьмом воплощении («Я рождаюсь из века в век для защиты добра, для уничтожения зла...» — так он потом говорил Арджуне), Драупади не выдержала:

— Посмотри, до чего меня довели! Мои мужья — самые прославленные воины в мире! И они позволили, чтобы меня так опозорили! Меня оскорбляли на глазах у великого Юдхиштхиры. Но он был так покорен, так незлобив, так благостен, что даже пальцем не шевельнул, чтобы спасти честь своей жены. Мало того, он заразил мягкосердечием всех своих братьев! Где был Бхима? Ведь он может сдвинуть гору, куда же девалась его сила? Разве не говорили люди, что цари намочили простыни, когда услышали о его рождении? Где же был Арджуна, обладатель гандивы *? Что за неодолимая слабость охватила вдруг самых достойных мужчин нашего мира? Такая уж, видно, у меня судьба! Такая у меня доля!

Кришна старался утешить Драупади, он взывал к ее благочестию со всем красноречием, на которое был способен, но она сказала:

— Мои мужья должны кровью восстановить свою и мою честь, они должны силой вернуть все, что потеряли. И если им придется погибнуть в этой борьбе, я не стану плакать. Они должны отвоевать царство, которое потеряли из-за недостойной забавы, из-за мошенничества Шакуни и коварства Кауравов. Пришло время начать войну.

Ее пылкая речь заставила Юдхиштхиру нарушить молчание.

— Почему мы должны воевать? Им досталось только то, что мы ставили на кон.

Тогда Драупади охватил гнев.

— Раз ни мои старшие родственники, ни мои мужья не хотят мне помочь, — воскликнула она, — значит, судьбе угодно, чтобы я страдала! Значит, такова

* Гандива — знаменитый лук Арджуны.

наша участь и нам суждено было потерять царство из-за бесчестия и плутовства.

— Будь я свободен, я бы пришел в Хастинапуру, не дожидаясь, пока меня позовут, и не позволил бы им играть,— сказал Кришна.— Но я услышал твой крик, только когда они попытались опозорить тебя. Я помогу тебе. Мы будем воевать и победим. Можешь не сомневаться.

— Когда Духшасана схватил меня за волосы,— сказала Драупади,— они рассыпались у меня по спине и с тех пор так и остались неприбранными. Я не буду их расчесывать, пока не окуну в кровь этого чудовища. Я даю обет и прошу моих доблестных мужей помочь мне его исполнить.

Прошло тринадцать лет, прежде чем Драупади дождалась своего часа, тринадцать лет мучительного изгнания и тяжких трудов. Но все это время она не уставала повторять:

— Пойдем войной, убьем Дурйодхану, убьем его людей или погибнем.

В последний год своего изгнания Пандавы скрывались в царстве Вираты. Шпионы Кауравов искали их, где только могли, но Пандавы жили под чужими именами во дворце Вираты, где их никто не знал. Юдхиштхира стал придворным и помогал Вирате советами во всех играх; Арджуна под видом евнуха охранял покои живших при дворе женщин; Бхима на кухне командовал поварами, а двое близнецов смотрели за скотом и за лошадьми в царских конюшнях. Драупади прислуживала царице.

Это был беспокойный год для Пандавов, потому что каждую минуту их могли узнать. Под самый конец Кауравы выследили Арджуну, который, переодевшись в чужое платье, помогал во время одной незначительной битвы сыну Вираты. В конце концов Пандавы пошли на Кауравов войной, потому что, когда прошло тринадцать лет и они потребовали назад свое царство, Дурйодхана отказался его вернуть. Так началась последняя схватка, и Пандавы, понуждаемые Кришной, выстроились в боевом порядке на поле Курукшетре. Арджуна приехал на колеснице и поднял свой прославленный лук, но в последнюю минуту заколебался. Увидав всех своих двоюродных братьев,

дядей и кровных родственников, он содрогнулся и закричал, что не может убивать родных и друзей. Тогда Кришна, находившийся на поле боя в качестве его возничего, посвятил Арджуну в тайны учения об отрешенности и действии, рассказал ему, что́ такое время и бессмертие, добро и зло и что́ такое долг (эти поучения Кришны составляют содержание знаменитой рукописи «Бхагавадгита»), а потом сбросил маску и явил всю силу своей божественной сущности, всеобъемлющей и заполняющей собой весь мир. Арджуна был поражен великой мудростью Кришны, он воспрянул духом и с легким сердцем бросился в битву; Арджуна сокрушил злодеев и дал возможность Драупади после стольких лет ожидания выполнить свой обет.

Через несколько тысяч лет, когда Пандавы совершили на земле все, что им было положено, пятеро братьев и Драупади отправились на небеса, надеясь, что они попадут туда в своем человеческом облике, как это обещано в шастрах всем совершенным людям. Но, не дойдя до цели, все они один за другим упали назад из-за мелких недостатков, о которых раньше даже не подозревали.

Драупади первая замедлила шаг и сошла с дороги, ведущей на небо. Бхима спросил у Юдхиштхиры, как это может быть, чтобы женщина таких высоких достоинств не могла достичь неба, и Юдхиштхира сказал ему, что, хотя Драупади была хорошей женой всем пяти братьям, она безотчетно испытывала большее влечение к воину Арджуне, который добился ее руки и сердца во время сваямвары, и что этого скрытого изъяна ее натуры оказалось достаточно, чтобы она не могла попасть на небеса иначе, как пройдя через чистилище.

Единственным, кто беспрепятственно достиг неба, был Юдхиштхира, перед которым бежала невзрачная собачонка, прибившаяся к нему во время скитаний по лесам. Когда смотритель, стоявший у врат небесных, не захотел впустить собаку, Юдхиштхира тоже отказался войти. И в конце концов смотрителю пришлось открыть ворота и перед человеком и перед его любимой собакой.

Часть четвертая

Нала
Савитри
Непарный браслет
Шакунтала

В центре этих рассказов стоят традиционные индийские героини — женщины, которые преодолевают огромные трудности ради того, чтобы вернуть своих мужей. Изнеженная Дамаянти из рассказа «Нала» переносит тяжкие лишения, странствуя по свету в поисках мужа. Савитри неотступно следует за жестокосердным Ямой, богом смерти, и в конце концов уговаривает его вернуть жизнь ее супругу. Героиня «Непарного браслета» Каннахи, в начале рассказа кроткая, как лань, узнав о несправедливой казни мужа, приходит в такое неистовство, что огонь ее ненависти буквально испепеляет целый город. Шакунтала пускается в многотрудное путешествие, чтобы оживить память человека, который женился на ней, а потом забыл о ее существовании, и с неистощимым терпением ждет возможности вновь соединить с ним свою жизнь.

Нала

Нала был правителем богатой и прекрасной Нишады, населенной миролюбивыми и счастливыми жителями, чье процветание наглядно свидетельствовало о достоинствах их молодого храброго и доброго царя. Он был холост. Почему столь совершенное существо оставалось одиноким, не могла понять ни одна душа на свете, но у богов были свои планы, как мы увидим. Нала не помышлял о женитьбе до того самого дня, когда во дворце появился бродячий поэт и стал читать стихи:

Дерево без коры,
Дом без стены,
Блюдо без еды,—
О чем говорят они?

Царь, сидевший в приемном зале с избранными придворными и учеными, ответил:

— Они говорят о дереве без коры, о чем же еще?

Услышав его слова, поэт задумался и сказал:

— Разве они не напоминают нам холостого мужчину? Разве они не говорят об одиночестве, о жизни, полной страданий? Снаружи блеск и сверкание, а внутри пустота, неуверенность и недовольство. Так живет мужчина, у которого нет жены; так живет женщина, у которой нет мужа. На этой неделе я встретился с двумя такими людьми — с твоей милостью и с Дамаянти, дочерью Бхимы *, царя Видарбхи, у которого я гостил восемь дней назад. Вы созданы друг для друга, но до сих пор позволяете безжалостному пространству разделять вас...

И поэт принялся рассказывать о Дамаянти:

— Творец создал ее в минуту радости. Я запинаюсь и теряю дар речи, когда пытаюсь описать ее глаза, губы, цвет лица и фигуру, потому что все известные эпитеты кажутся мне бледными, и я их отбрасываю.

Для Манматхи, бога с луком из сахарного тростника, настал, наконец, благоприятный момент.

* Это не тот Бхима, с которым мы познакомились в «Драупади».

— Поэт, вернись в Видарбху и скажи Дамаянти...— начал царь.

— О царь, я не могу выполнить твою просьбу,— прервал его поэт.— Я всегда иду вперед и никогда не возвращаюсь. Прости меня. Пошли к ней гонца.

Так Нала полюбил Дамаянти, еще не видя ее. Его больше не интересовали ни развлечения, ни управление государством, ни интриги придворных. Стоило ему закрыть глаза, как он видел перед собой ее лицо. Целыми днями Нала бродил по саду, бесцельно разглядывая пруды с лотосами и фонтаны. Его охватила безжалостная всепожирающая любовная тоска, она лишила вкуса его пищу и отняла у него не только сон и друзей, но и одиночество.

Однажды вечером Нала заметил стаю лебедей, плескавшуюся в пруду с лотосом, и позавидовал их радостному спокойствию. Молниеносным движением руки он схватил одного лебедя и поднял его в воздух. Птица захлопала крыльями, пытаясь освободиться, и взмолилась:

— Царь, отпусти меня, ведь я ни в чем перед тобой не виновата. Ты болен душой. Я здорова, но разве это моя вина?

Остальные лебеди замерли, глядя на свою подругу.

Нала извинился перед лебедем:

— Я сам не знаю, что делаю. Конечно, я отпущу тебя. Я просто завидую вам, птицам.

— Царь завидует нам, жалким созданиям, которые хлопают крыльями и мокнут в воде! — воскликнул лебедь.

— Вы умеете летать, а я нет,— сказал царь.— Я прикован к земле...

— Но у тебя есть быстрые колесницы, и во всех мирах знают, какой ты превосходный наездник. Тебе достаточно прикоснуться к коню — и он полетит, как ветер.

— И все-таки я не могу отправиться туда, куда мне больше всего хочется. О лебедь, лети в Видарбху. Перелети через высокие стены, за которыми живет принцесса, спустись у нее в саду и скажи ей, что я умираю от тоски.

Лебеди тут же сбились в стаю.

— О царь,— закричали они в один голос,— мы все

полетим туда и постараемся помочь тебе! Мы будем твоими ходатаями.

— Вы можете перелететь через рвы с водой и через зубчатые стены,— продолжал царь,— дайте мне на один день ваши крылья!

Нала погладил лебедя по спине и отпустил его.

— Я никогда не забуду твоей доброты, царь,— сказал лебедь.— Мы отдадим за тебя жизнь.

Лебедь вернулся в воду и занялся приготовлениями к путешествию — обычными приготовлениями перед большим перелетом: быть может, клюнул в спинку своих птенцов, чтобы сказать им до свиданья, или попросил кого-нибудь из пожилых родственников присмотреть за малышами,— и вот стая поднялась в воздух.

Неожиданно для всех царь повеселел, но теперь он все время старался быть поближе к пруду. Его министрам приходилось прогуливаться вместе с ним; один из них обратил внимание на пруд и как-то раз, просто чтобы поддержать разговор, спросил:

— А где же лебеди, которые всегда здесь плавали?

Но Нала не ответил ему, как будто хотел показать, что занят более важными делами, чем лебеди. Как всем безнадежно влюбленным мужчинам и женщинам, ему казалось, что его намерения священны и должны храниться в глубокой тайне, чтобы посторонние не испортили все дело.

Однажды в сумерках, когда истекло положенное время, стая лебедей вернулась назад.

— Мы выполнили твое поручение,— сказал царю глава стаи и рассказал, как они нашли Дамаянти, как передали ей его слова и услышали в ответ, что она тоже тоскует о нем с той самой минуты, когда узнала его имя, и что Нала должен держать наготове свою колесницу, чтобы помчаться в Видарбху, как только будет объявлена сваямвара.

Дамаянти взялась за дело. Ни одна девушка не может просто прийти к отцу и попросить его объявить сваямвару — подобные вещи не делаются так примитивно и грубо. Желание выйти замуж должно быть выражено иносказательно, как того требует обычай. Прислужницы Дамаянти стали жаловаться царице, что их госпожа худеет, что браслеты соскальзывают с

ее рук, что под глазами у нее черные круги и что ее гнетет какая-то забота...

Бхима был слишком занят другими делами, чтобы обратить внимание на эти перемены, но, когда ему рассказали, что происходит, он понял намек и разослал во все концы глашатаев, чтобы объявить о предстоящей сваямваре Дамаянти и пригласить всех подходящих (и неподходящих!) холостых мужчин прибыть в Видарбху и попытать счастья. Вскоре движение на дорогах, ведущих в Видарбху, заметно усилилось, потому что со всех сторон в столицу съезжались женихи верхом на лошадях, на слонах и в колесницах.

Нала отправился в путь одним из первых, хотя мог не торопиться, потому что был превосходным наездником и не сомневался в победе. По дороге к нему присоединились четверо незнакомых мужчин. Это были боги в образе людей: Индра, царь младших богов; Варуна, бог дождя, воздуха и океана; Агни, бог огня, и Яма, повелитель смерти.

Мудрец Нарада, этот утонченный ценитель духовной пищи, который с легкостью находил дорогу во все миры, постоянно передавал новости из одного мира в другой и наслаждался, наблюдая за причудливыми взаимоотношениями богов и людей, не поленился проникнуть в мир Индры и рассказать ему и другим богам о сваямваре Дамаянти. Он придал своему рассказу особую остроту, добавив, что у богов нет надежды на успех, потому что Дамаянти уже решила, что ее избранником будет Нала, и сваямвара — всего лишь дань обычаю. Тогда боги решили отправиться на землю. Они спустились с небес в том самом месте, где Нала остановился, чтобы дать передохнуть лошадям, сказали ему, кто они такие, и спросили:

— Не можешь ли ты нам помочь?

— Смотря что вам нужно.

— Как ты смеешь так отвечать! Что это за помощь, если ты заранее оговариваешь условия? Согласен ты нам помочь или нет?

— Хорошо, я согласен вам помочь,— сказал мягкосердечный царь, смущенный их настойчивостью.

— Значит, обещаешь?

— Обещаю,— ответил Нала.

— В таком случае ступай и уговори Дамаянти взять в мужья одного из нас,— немедленно потребовал Индра.

— Как же я смогу это сделать? — взмолился Нала.— Ведь я иду в Видарбху, потому что сам хочу стать ее мужем.

— Разве ты не обещал нам свою помощь? Значит, ты берешь свое слово назад?

— О боги, простите меня, сжальтесь надо мной! Я не в силах сам себе нанести такую рану! Я ждал этой сваямвары всю свою жизнь.

— Зачем же ты говорил, что готов помочь нам? Что же, возьми свое слово назад, если у тебя хватит духа,— сказали боги, и по их суровому виду царь мог догадаться, что этот поступок повлечет за собой непоправимые последствия.

Тогда Нала решил пуститься на хитрость.

— Все дороги во дворец будут закрыты, останется только одна, ведущая прямо к залу, где должна происходить сваямвара. Я знаю, что Бхима сделает все возможное, чтобы помешать нежеланным гостям.

Боги улыбнулись, как будто хотели сказать: «В Видарбхе все гости, кроме тебя, будут нежеланными», и, воспользовавшись этой лазейкой, обещали:

— Мы поможем тебе преодолеть все преграды, все завалы и зубчатые стены. Мы поможем тебе подойти к Дамаянти так близко, что ты сможешь говорить с ней шепотом, но только, если ты согласишься быть нашим послом.

Нала задрожал от счастья при мысли, что он сможет приблизиться к своей возлюбленной, и радостно воскликнул:

— Я согласен, я иду!

Благодаря могуществу богов он оказался рядом с Дамаянти в ее собственном саду. Они встретились, как давно разлученные возлюбленные, которые месяцами думают друг о друге, мечтают друг о друге и мысленно не спускают друг с друга глаз. Нала рассказал Дамаянти о поручении богов.

— Это невозможно,— без колебаний объявила Дамаянти.— Пусть делают, что хотят. Я даже не взгляну на них. Ты мой повелитель.

Нала поспешил той же дорогой вернуться к богам и, не скрывая радости, заявил:

— Дамаянти не отдаст венка никому, кроме меня.

— Ты сдержал слово, но не выполнил поручения,— сказали боги.— Ты должен был ее уговорить, а ты позаботился лишь о форме, но не о сути.

— Я сделал все, что мог,— ответил Нала.

Но вот принцы собрались; все они были в пышных, богато украшенных одеждах, и каждый исподтишка бросал презрительные взгляды на всех остальных. Ученые астрологи заранее указали час, благоприятный для выбора мужа; в назначенное время принцесса явилась и взяла венок, который лежал на особой подставке, установленной в середине павильона. Все мужчины, находившиеся в этом просторном помещении, смотрели на нее горящими глазами.

Дамаянти оглянулась, ища Налу. Он нарочно сел в заднем ряду, чтобы завистливые боги не могли сказать, что он им помешал. Глаза Дамаянти радостно засветились, но тут, к своему величайшему изумлению, она увидела рядом еще четырех Нал. Это боги приняли облик своего соперника, и каждый из них стал вылитым Налой — и фигурой, и чертами лица, и одеждой.

Не веря собственным глазам, Дамаянти подошла поближе и увидела перед собой пятерых не отличимых друг от друга мужчин, как будто кто-то выставил напоказ пятерых близнецов. Она изо всех сил вглядывалась в их лица, но не могла угадать, кто из них настоящий Нала. Тогда она стала молиться тем самым богам, которые над ней насмехались,— что же еще ей оставалось делать! Не выпуская из руки венок, она беззвучно просила Варуну, Индру, Агни и Яму помочь ей решить эту головоломку.

Когда Дамаянти снова открыла глаза, она поняла, что ее молитва услышана: четыре бога смотрели на нее не мигая (верная примета бога), а ресницы Налы поднимались и опускались, как у всех людей. Этого было довольно. Дамаянти подошла к Нале и надела венок ему на шею. Индра, Варуна, Агни и Яма удовлетворились тем, что это маленькое приключение доставило им удовольствие, они благословили Налу и Дамаянти и удалились.

Но два других бога опоздали на сваямвару; Индра и Агни встретили их на пути к царству Бхимы и посоветовали идти назад.

— Там все кончено,— сказал Индра.— Не тратьте понапрасну времени.

Эти два бога — Кали и Двапара — как раз управляли временем, они обиделись и рассердились:

— Кто посмел превращать сваямвару в пустую забаву? Нала подшутил над нами! Мы этого так не оставим!

Нала женился и счастливо жил со своей женой, царицей Дамаянти, пока к нему в столицу не явились Кали и Двапара. Кали проник в мозг Пушкары, брата Налы, и по его наущению Пушкара предложил Нале сыграть с ним в кости. Нала согласился. Братья сошлись в одной из комнат и начали игру на глазах у столпившихся придворных, которые молча наблюдали за всем происходящим.

Кали все время подзадоривал Пушкару, помогал ему выигрывать и разжигал его аппетит. А Двапара проник в кости, которые бросали братья, и подыгрывал Пушкаре. Сначала небольшой брильянт перекочевал с пальца царя на палец его брата, за ним последовало ожерелье, потом к Пушкаре перешли колесницы, лошади, дворец и в конце концов все царство. Нала как будто ничего не видел и не слышал, он продолжал играть и, как все игроки, надеялся, что следующая ставка принесет ему удачу. А Пушкаре не терпелось осуществить свой мерзкий замысел.

— Брат, ты потерял все, чем владел в этом мире,— сказал он.— Единственное, что у тебя осталось,— это жена. Поставь на нее, ведь это твоя последняя возможность отыграться. Может быть, счастье переменится.

Нала на мгновенье задумался.

— Нет,— сказал он и встал.

Он лишился не только всех своих украшений, но и одежды. У него не осталось ничего, кроме куска материи, обернутой вокруг его чресел. Дамаянти тоже рассталась со всеми ожерельями и браслетами; у нее отняли все, кроме сари, которое было на ней надето.

И тогда брат Налы довел до конца свое злое дело и приказал Нале и Дамаянти покинуть царство. Под

звуки барабанов он объявил, что каждого, кто даст приют Нале и Дамаянти, ожидает суровое наказание. Это распоряжение за подписью и печатью нового правителя было доведено до сведения всех его подданных.

Единственным местом, где Нала мог остановиться, не рискуя навлечь на себя гнев нового царя, была большая поляна на краю леса. Дамаянти, не произнося ни слова, покорно шла за мужем. Утомленные ходьбой и событиями этого дня, они присели отдохнуть. Рядом с ними опустилась на траву большая белая птица — быть может, ее появление тоже было подстроено богами-близнецами, чтобы помучить Налу. Нала решил, что он должен поймать ее. У него не было ни лука, ни стрел, чтобы напасть на птицу. Он осторожно подкрался к ней, сорвал с себя единственный лоскут материи, который на нем еще оставался, и накинул его на птицу. Нала рассчитывал, что материя окажется достаточно тяжелой, чтобы прижать птицу к земле, и тогда ему достаточно будет протянуть руку, чтобы схватить ее. Ему казалось, что этот план нетрудно осуществить, но в ту минуту, когда его набедренная повязка коснулась крыльев птицы, та взмыла вверх, и у царя не осталось ни лоскутка, чтобы прикрыть свою наготу. Жена, как всегда, пришла ему на помощь. Она высвободила кусок сари и обвязала им бедра мужа.

Они шли по лесу, питались съедобными корнями и наконец вышли на холмистое плоскогорье. Нала указал на видневшийся вдали город и сказал жене:

— Это столица царства твоего отца, где ты так счастливо жила, когда была ребенком.

— Мне нечего там делать,— без колебаний ответила Дамаянти.— Я не вернусь к отцу. Я останусь с тобой.

В эту ночь, когда Дамаянти заснула, Нала потихоньку ушел от нее, решив расстаться со своей женой вблизи города, где жил ее отец. Он горько упрекал себя за то, что покидает Дамаянти, но его ожидало слишком много опасностей, и если уж ему было суждено ее покинуть, лучше было сделать это в таком месте, откуда было видно призывное сияние ее родного города, куда она, быть может, захочет вернуться.

Нала осторожно перерезал сари; он оставил себе кусок платья жены, и тихонько ушел прочь, стараясь ступать так, чтобы сухие листья не шуршали у него под ногами.

Утром Дамаянти вознесла богам одну-единственную молитву: чтобы они укрепили ее ноги и помогли ей найти мужа. Она шла через лес, отворачиваясь от города, который притягивал ее, как магнит. И, уходя все дальше и дальше, она спрашивала у гор, деревьев и птиц:

— Не проходил ли здесь мой муж?

Однажды Дамаянти наткнулась на уединенное жилище святых людей; они приветливо встретили ее и предложили ей ночлег. Дамаянти заснула, убаюканная их негромкими речами и мелодичным смехом. Проснувшись, она увидела, что ее гостеприимные хозяева исчезли, и догадалась, что это были неземные существа, которые, наверное, охраняли ее.

Дамаянти снова отправилась на поиски мужа; ей встретился караван торговцев, и она попросила их взять ее с собой. Торговцы спросили, куда она идет. Но она могла ответить им только одно:

— Туда же, куда вы.

Прошло немного времени, и в тот момент, когда караван пересекал долину, на него напало стадо диких слонов; люди страшно испугались, и многие из них погибли. А оставшиеся в живых ополчились на Дамаянти.

— Ты дьявол в образе женщины! — хором кричали они.

Глядя на ее изорванное платье и растрепавшиеся волосы, они распалялись все больше и больше:

— Ты ведьма! Не смей приближаться к нам, мы убьем тебя, если ты пойдешь за нами!

Они окружили ее и не давали ей сказать ни слова, пока не вмешался их вожак.

— Глупые люди, оставьте в покое эту женщину! Неужели вы не видите, что она совершенно беспомощна?

— Если это женщина как женщина, почему она бродит одна в таких глухих местах?

— Пусть она доедет с нами до ближайшего города, не трогайте ее.

Торговцы довезли Дамаянти до города Чеди * и отправились дальше. Дамаянти с грустью смотрела на удалявшийся караван: эти люди все-таки были для нее какой-то опорой, а теперь она осталась совсем одна.

— Не смей идти дальше! — крикнул ей человек, шедший последним.

— Почему ты ее здесь бросил? — спросил у него какой-то уличный зевака.

— Помоги нам бог! Мы уже хлебнули с ней горя. Она... не знаю, кто она такая, но наш вожак чересчур добр к женщинам. Как только мы ее подобрали, на нас напали слоны. Она...

Они обменялись какими-то непристойными шутками и разошлись. Во главе каравана к Дамаянти относились лучше, чем в хвосте.

И вот она осталась одна на рыночной площади. Какие-то бродяги начали насмехаться над ней. Ее изорванная одежда была в беспорядке, а измученное лицо испачкано грязью.

— Эй, отойди, не загораживай вход, — крикнул ей хозяин лавочки, — у тебя недоброе лицо, ты испортишь мне все дело, если будешь тут стоять. Вот тебе, возьми и убирайся! — И он бросил ей монетку.

Уличные мальчишки, увидав издали эту сцену, закричали:

— Смотрите, хозяин лавки бросает камнями в полоумную!

Маленькие сорванцы решили, что хозяин подает им благой пример, они стали подбирать камни и бросать их в Дамаянти. К ним присоединились другие мальчишки. Для них это было привычным делом — избивать камнями сумасшедших и обезьян. Дамаянти побежала, спасаясь от ватаги орущих детей и взрослых.

В это время по улице проезжала царская колесница. Царь возвращался из стоявшего на горе храма и обратил внимание на толпу кричащих людей; приехав во дворец, он послал своих всадников на выручку женщины. Через некоторое время один из его телохранителей вернулся и сказал:

* Это не тот город, о котором рассказывается в «Вишвамитре».

— Женщину отвели в покои, где обычно отдыхают путники, у дверей поставили стражу. Люди приняли ее за сумасшедшую, но она сказала, что ищет мужа, которого потеряла в лесах.

— Приведите ее сюда,— приказал царь.

Когда Дамаянти пришла, царь велел отвести ее на женскую половину дворца. Его мать обещала позаботиться о ней.

Между тем Нала обернул вокруг бедер кусок материи, отрезанный от сари жены, и бродил по лесам и полям. Однажды он наткнулся на горящую кучу сухих листьев и бамбука и раскидал ее. Змея, едва не погибшая в огне, выползла из своего убежища и сказала:

— Ты спас меня от пламени и от заклятья, обрекшего меня на существование в облике существа, которому ежеминутно грозит смерть от чьей-нибудь палки. Спасибо тебе за помощь, Нала,— продолжала змея.— Я хочу отблагодарить тебя, прежде чем приму свой обычный вид. Сделай десять больших шагов, только отсчитывай их вслух.

Нала послушался, а когда он сделал десятый шаг и громко сказал «даса», что на санскрите означает не только «десять», но и «кусай», змея, оставив без внимания первое значение этого слова, бросилась на Налу, вонзила в него зубы и выпустила из них весь яд без остатка.

— Так-то ты отблагодарила меня за помощь! — воскликнул Нала.

— Это мой последний змеиный укус,— ответила та.— Весь мой яд попал к тебе в кровь, теперь Кали, который вселился в тебя и с радостью следил за всеми твоими злоключениями, вынужден будет тебя покинуть. К тому же этот яд изменит твою внешность.

И Нала увидел, что становится черным как уголь, маленьким и уродливым. Он с трудом узнавал свои собственные руки и ноги.

— Что ты со мной сделала?! — в страхе закричал он.

— Эта перемена пойдет тебе на пользу. Теперь тебя никто не узнает. А сейчас слушай внимательно. Береги два куска материи, которые я тебе дам. Когда ты захочешь стать таким, как прежде, оберни их вокруг тела. Но не делай этого, прежде чем достиг-

нешь своей цели. Иди прямо на юг, через пять дней ты придешь в царство Ритупарны. Это добрый царь. Научи его искусству обращения с лошадьми. А сам научись у него искусству игры, которым он владеет в совершенстве. Потом подожди и посмотри, что будет дальше. Никому не говори, кто ты такой, пока не вернешь назад свое царство и свою жену. Да поможет тебе бог...

Змея приняла свой первоначальный небесный облик и исчезла.

У ворот дворца Ритупарны стоял карлик и звонил в колокольчик, как делали те, кто хотел поговорить с царем. Привратники смеялись над ним. Но карлик продолжал звонить, а они не смели никого прогонять от ворот. Поэтому в конце концов они сказали:

— Такое безобразное существо не должно являться взорам царя. Мы спросим у его советников, если хочешь — подожди, пока мы придем.

К воротам подошел начальник дворцовой стражи и брезгливо спросил:

— Что тебе надо?

— Мне надо поговорить с царем.

— Царь занят. Можешь поговорить со мной.

— Разве ты царь?

— Нет, нет.

— Я хочу поговорить с царем; конечно, если ваш колокольчик — не простая побрякушка.

Начальнику пришлось уйти, и на балконе появился царь. Тогда уродец сказал:

— Я умею делать множество вещей, о царь, разреши мне остаться у тебя во дворце. Я знаю, как тебе услужить и чем тебя обрадовать.

— А что ты умеешь делать?

— Не полагайся на свои глаза. Бог пожелал дать мне такую внешность, но ты будешь мной доволен, только согласись меня испытать. Я знаю толк в лошадях. Сделай меня своим конюхом, и ты увидишь, что я могу заставить самую ленивую лошадь нестись, как ветер. Мне достаточно взглянуть на коня, чтобы сказать, каким он станет через пять дней, или через пять месяцев, или через пять лет.

Царь поддался уговорам уродца. И со временем оценил его по достоинству. Не было лошади, с которой новый слуга не мог бы справиться, и теперь больше всего на свете царь любил мчаться в колеснице, когда поводья держал его карлик. Эти выезды сдружили их. К тому же Нала как-то обмолвился, что от блюд, которые он умеет готовить, не отказались бы даже боги *. Царь любил вкусную еду, и Нала скоро стал заправлять всей царской кухней. Так, переходя от конюшни к кухне, Нала завоевал сердце царя, к вящей зависти остальных придворных.

Дамаянти втайне тосковала о муже; она знала, что, как ей ни хорошо в Чеди, она должна покинуть дворец и снова начать поиски Налы. Эта мысль не давала ей покоя ни днем, ни ночью; однажды вечером она увидела брешь в ограде заднего двора и решила убежать. Но стражник, который стоял на посту, крикнул: «Эй, кто там?» — и Дамаянти со страха спряталась в густой тени вала. Стражник привел ее назад к матери царя, и та стала ее утешать и уговаривать:

— Скажи мне, что тебя мучит? Я помогу тебе.

Тем временем Бхима, отец Дамаянти, разослал во все концы множество людей, и один из его посланных, оказавшись в Чеди, напал на след Дамаянти. Он услышал на базаре, что во дворце скрывается полоумная женщина, и сумел увидеться с матерью царя.

— Призови сюда беглянку,— попросил он ее.— Дай мне взглянуть на ее лицо.

Царица согласилась.

— Может быть, ты дознаешься, кто она, и скажешь мне. Она ничего не говорит о себе. Вчера ей вздумалось убежать, но мы вернули ее. Как я могу отпустить эту женщину, если она даже не говорит, куда хочет идти?

Когда привели Дамаянти, посланный Бхимы встал, почтительно поклонился ей и сказал:

— Мои поиски окончены. Это наша царевна. Я не могу ошибиться. Ведь я знаю ее со дня рождения.

* В ранней юности Нала, как все принцы, обучался хорошим манерам, всевозможным искусствам и ремеслам. Он преуспел в кулинарии не меньше, чем в верховой езде, и выражение «Нала пака», что значит «Налина кухня», вошло в поговорку и употребляется, когда хотят похвалить особенно изысканное блюдо.

Царица распорядилась, чтобы Дамаянти тут же отослали в Видарбху, и все ее возражения и протесты оказались тщетны.

Вернувшись в дом отца, Дамаянти стала посылать гонцов, куда только могла. Она сама выбирала их и всем говорила одно и то же:

— Если вы встретите человека, похожего на моего мужа, спросите его: «Так ли мужествен тот, кто среди ночи тайком уходит от жены и уносит с собой кусок ее платья?» — и принесите мне его ответ.

Через несколько дней один из посланных вернулся и сказал Дамаянти:

— На конюшне царя Ритупарны я нашел человека, который ответил мне так: «Ночь была темная, место уединенное, и кругом рычали дикие звери, но мужчина решил, что это единственный способ заставить безрассудно храбрую женщину вернуться назад в дом отца».

— Почему ты к нему обратился?

— Потому, что мне сказали, что он хорошо разбирается в лошадях и искусно готовит пищу.

Но когда гонец рассказал ей, как выглядит этот человек, Дамаянти очень огорчилась. И все-таки ей захотелось, чтобы он приехал в Видарбху, поэтому Дамаянти велела объявить, что, прождав немало времени и отчаявшись найти Налу, она собирается выбрать нового мужа, для чего будет устроена сваямвара, и все, кто хотят получить ее руку, могут принять участие в готовящемся состязании. Дамаянти позаботилась, чтобы эта весть достигла ушей Ритупарны и его приближенных, но времени до назначенного дня оставалось так мало, что только самые умелые наездники могли успеть добраться до Видарбхи для участия в сваямваре, которую Дамаянти устраивала с помощью матери.

Узнав о сваямваре Дамаянти, Ритупарна приказал Нале:

— Выбери самых быстроногих коней, мы должны быть в Видарбхе завтра до полудня. Я хочу попытать счастья.

Нала выбрал четырех неказистых лошадей, тощих-претощих.

— Ты говоришь, что знаешь толк в лошадях, — ска-

зал царь.— А ты уверен, что у этих лошадей хватит сил доскакать до Видарбхи, не говоря уж о том, чтобы доскакать вовремя.

— Уверен,— ответил Нала.— Внешность часто бывает обманчива.

Нала рассказал царю, какие стати он ценит в лошадях, и уверил его:

— Мы будем в Видарбхе за час до срока, который ты назначил.

Когда они выехали из Чеди и лошади понеслись во весь опор, Ритупарна понял, что его возничий — настоящий знаток своего дела. Внезапно порыв ветра сорвал с Ритупарны шейный платок.

— Эй, остановись! — закричал он.— Вернемся за платком.

— Нельзя,— ответил возничий.— Ведь ты хочешь быть в Видарбхе до полудня. Ты знаешь, сколько мы уже проехали?

И, взглянув на пену у рта лошадей, Нала определил скорость, с которой они двигались, и вычислил расстояние, которое они пробежали с того мгновения, когда ветер унес платок.

Ритупарна не мог скрыть изумления и, желая показать свою осведомленность в какой-нибудь другой области, сказал:

— Если ты остановишь лошадей на пять секунд, я взгляну на листья, которые лежат на земле вокруг вон того фигового дерева, и скажу, сколько их еще осталось на ветках.

— Ради этого стоит остановиться, пусть мы даже опоздаем на пять секунд,— сказал Нала.— Но я подгоню лошадей, мы приедем вовремя.

Они остановились.

Царь выбрал дерево, за какую-то долю секунды сделал все расчеты и не ошибся ни на один листочек. Нала был поражен.

— О царь, если ты обучишь меня этому искусству, я открою тебе все секреты обращения с лошадьми.

— Это дар, которым меня наградили боги,— сказал царь,— а еще я умею играть в любые игры, и в целом мире вряд ли найдется человек, который сумеет меня обыграть.

Дамаянти стояла на балконе; услышав стук копыт, она воскликнула:

— Это он! Только у его лошадей такой шаг!

Едва Нала успел приехать, как Дамаянти послала девушку в дом для гостей и велела спросить у вновь прибывшего: «Так ли мужествен тот, кто среди ночи тайком уходит от жены и уносит с собой кусок ее платья?» Ответ был такой же, как прежде. Но девушка добавила:

— О царевна, этот человек...

— Это он готовит пищу для Ритупарны? — спросила Дамаянти.

— Да, царевна, царь ест только то, что он ему готовит.

— Принеси мне, пожалуйста, что-нибудь на пробу,— попросила Дамаянти.

— Но нам не разрешают приносить во дворец пищу!

— Принеси тайком одну ложечку, я дам тебе нитку бус.

— С тобой может что-нибудь случиться,— не соглашалась девушка.

— Если пища отравлена, тем лучше для меня,— значит, ты все равно мне поможешь, только другим способом.

Девушка ушла и через некоторое время принесла небольшую чашу, наполненную ароматными лакомствами.

— Это наверняка он! — воскликнула Дамаянти, еще не взяв в рот ни кусочка.

— Царевна, но ведь на него страшно смотреть,— уговаривала ее прислужница,— не будь опрометчива...

Дамаянти решила увидеть этого человека сама. Во дворце поднялся переполох, но она стояла на своем.

— Когда я блуждала по лесам и горам, жила в чужом городе с незнакомыми людьми и каждую минуту ждала новых напастей — кто тогда охранял меня? Дети бросали в меня камнями, меня преследовали, как дикого зверя, посторонние мужчины оскорбляли меня,— кто тогда встал на мою защиту? Я посвятила свою жизнь поискам Налы. Если я не найду его, мне лучше умереть...

— Но этот человек нисколько не похож на твоего мужа!
— Я хочу убедиться в этом сама. Ничего со мной не случится.
Увидав маленького уродца, Дамаянти заплакала. У нее даже не хватило духа заговорить с ним; но ведь его лошади бежали не так, как другие, а пища, которую он готовил, имела такой удивительный вкус. И самое главное — он угадал тайный смысл ее вопроса.
— Откуда ты знаешь о человеке, который оставил жену? — спросила она.
Нала не хотел сразу разрешать ее сомнения.
— Когда птица улетела и унесла то немногое, чем владел мужчина,— сказал он,— ему не оставалось ничего другого, как отрезать кусок материи от сари своей жены.
Дамаянти удивлялась все больше и больше, а Нала продолжал:
— Если женщина потеряла одного мужа и решила, что она вправе найти другого...
— Это последняя отчаянная попытка вернуть первого! — воскликнула Дамаянти.
Тогда Нала обернул вокруг тела два куска материи, которые ему дала змея, и стал таким, как прежде.
— Ты нашла мужа,— сказал Ритупарна Дамаянти,— а я потерял превосходного возничего.
— Я буду тебе служить, пока не верну свое царство,— сказал Нала.— Открой мне высшие законы игры, чтоб я мог в последний раз бросить кости.
— Я с радостью помогу тебе. Я останусь и сделаю тебя непобедимым игроком.
Целый месяц Нала старательно учился, а потом предложил своему брату сыграть в кости.
— Теперь игра в самом деле подходит к концу,— сказал он.— На сей раз моя ставка — Дамаянти.
Пушкара не мог устоять. Он немало поживился за счет брата, но для полного торжества ему нужно было отнять у Налы жену. И Пушкара принял вызов.
К этому времени ревнивые боги забыли о своей обиде, им больше не за что было наказывать Налу, и они не помогали Пушкаре и не меняли расположения игральных костей. Незаконный владелец скоро ли-

шился всего имущества. С помощью Ритупарны Нала отобрал у брата все, чем он завладел, так что тому в пору было бродить по улицам в одной набедренной повязке, но под конец Нала смягчился: он отдал Пушкаре его половину царства и посоветовал начать новую жизнь.

Савитри

Ашвапати правил Мадрой; это был образцовый царь, который пекся о счастье и процветании своих подданных и всех живых существ на земле. Но, как многие прекрасные люди, он был бездетным. Восемнадцать лет Ашвапати приносил в жертву редкостных животных, терпел суровые лишения и молил богов только об одном — дать ему потомство. Во время своих ежедневных молитв он сотни тысяч раз возносил хвалу богине Савитри, и когда, наконец, она явилась и даровала ему дочь (хотя он просил сына), ее назвали Савитри в честь этой богини. Девочка была само совершенство.

Она достигла брачного возраста, и отец ожидал, что подходящие молодые люди будут наперебой добиваться ее благосклонности, но, несмотря на красоту и другие достоинства невесты, женихи не появлялись. Ашвапати без труда узнал, в чем тут дело. Он послал тайных гонцов в соседние государства и велел им выведать, отчего молодые принцы не являются к нему просить руку Савитри. В положенное время его посланные вернулись и доложили:

— Принцы боятся просить ее руки. Они думают, что твоя дочь — богиня, принявшая образ женщины, поэтому она не может быть ничьей женой.

Царю было лестно и горько услышать эти слова. По странной прихоти судьбы достоинства Савитри мешали ее же счастью.

— Может быть, надо растолковать им, что она на самом деле женщина? — спрашивал он.— Ну что ж. Попробуем помочь беде.

Савитри играла на вине * у себя в комнатах, когда Ашвапати послал за ней.

— Дочь моя,— сказал он,— ты отправишься странствовать по свету и постараешься найти себе мужа, я заранее одобряю твой выбор при одном условии: муж должен нравиться тебе не меньше, чем ты мне.

— Но разве я могу судить о тебе и о других?

— Когда придет время, сможешь!

Один из его верных министров и несколько придворных должны были сопровождать Савитри.

— Вы будете идти за ней следом, куда она ни направится, но не вздумайте навязывать ей свое мнение,— предупредил он их.

Савитри побывала во всех концах земли и вернулась домой как раз в тот день, когда Ашвапати беседовал с мудрецом Нарадой, который навестил его во время одного из своих межзвездных путешествий. Когда Савитри вошла к ним, Нарада спросил у Ашвапати:

— Где она была? Почему ты до сих пор не подыскал ей мужа?

— Она сама искала мужа и только что вернулась. Давай послушаем ее и узнаем, улыбнулось ей счастье или нет.

По знаку отца Савитри подошла к ним поближе:

— Я нашла...— У нее не хватило духу сразу сказать «мужа», но через мгновение она поборола свою робость и продолжала: — Я нашла того, кто будет моим мужем, правда, я нашла его не во дворце, а в скромном жилище в глубине леса, вдали от любопытных глаз. Милостивая судьба привела меня к нему. Его зовут Сатьяван. Он живет со своим престарелым отцом, который потерял зрение.

При этих словах всеведущий Нарада прервал ее:

— Он сын царя Шальвы. С царем случилось несчастье: он ослеп в тот самый день, когда родился Сатьяван. Один из его врагов давно поджидал возможности нанести ему сокрушительный удар и выбрал этот день, чтобы свести с ним счеты, вот почему царю пришлось бежать в лес вместе с новорожденным. Я знаю эту историю. Так ли я ее рассказал, Са-

* В и́ н а — старинный инструмент, разновидность арфы.

витри? Твоя дочь выбрала достойного мужа,— заметил Нарада, к вящей радости Савитри.— Сатьяван умен, крепок, силен, добр, великодушен и красив, как родной брат Ашвинов. Но... позволь мне быть откровенным, дитя мое, ведь я вижу будущее так же ясно, как настоящее и прошлое. Земное существование Сатьявана продлится всего только год, один год, начиная с нынешнего дня... Тебе лучше снова отправиться в путь, дитя, и выбрать себе в мужья кого-нибудь другого.

На глазах у Савитри показались слезы. Ее отец вздрогнул от недоброго предчувствия. Но Савитри набралась решимости, выпрямилась и сказала:

— О великий мудрец, прости мое непослушание. Я не хочу даже думать о другом муже, мне безразлично, какая ему отпущена жизнь, долгая или короткая. Мое решение неколебимо. Полюбить кого-нибудь или выйти замуж все равно что родиться на свет или умереть. Это случается один раз в жизни, такие события не повторяются, их нельзя изменять по своему усмотрению. Моим мужем будет Сатьяван — и больше никто.

Нараде понравились слова Савитри.

— Обладая такой силой духа, можно одолеть даже смерть,— сказал он.— Царь, помоги ей соединиться с мужем. Это твой долг. Те, кто любят так, как она, способны посмеяться над смертью.

Нарада покинул их, а Ашвапати отправился в лес, где жил слепой царь, разыскал его, объяснил, кто он такой, и сказал, что хочет отдать свою дочь в жены сыну царя.

— Жизнь в лесу не пристала такому хрупкому существу, как Савитри,— услышал он в ответ,— она покажется ей странной, одинокой и трудной.

Но царь прервал речь слепца:

— Не произноси больше ни слова. Тут не о чем говорить. Она выйдет замуж только за Сатьявана.

— А Сатьяван не женится ни на ком, кроме нее, я знаю это с той самой минуты, когда она здесь появилась. Значит, так тому и быть. Да благословят небеса их союз.

Брак Савитри и Сатьявана оказался счастливым. Савитри заботливо ухаживала за мужем и за его пре-

старелыми родителями, она была всегда сдержанна в речах, весела и услужлива — одним словом, вела себя как подобает образцовой невестке. И так как она была счастливой женой и счастливой невесткой, ей не приходилось себя принуждать — все, что она делала, она делала от души.

Но как ни радостно текла жизнь в лесной хижине, Савитри неотступно преследовала мысль, что с каждым мгновением Сатьяван приближается к своему последнему часу. Когда до конца его земного существования осталось четыре дня, она наложила на себя жестокую епитимью и не принимала пищи три дня и три ночи. Свекор, пораженный ее религиозным усердием, сказал:

— Савитри, ведь ты дочь царя, почему ты наложила на себя такую суровую епитимью? Я не смею отговаривать тебя от выполнения твоего долга, но от души желаю тебе: пусть боги исполнят твою просьбу, в чем бы она ни состояла.

Савитри была измучена постом, но оставалась спокойной, неколебимой и недвижимой, как скала.

На четвертый день — роковой день! — она начала считать часы. Окончив молитвы, она приступила к самому главному — к жертвоприношениям огню, а потом простерлась на земле перед старшими родственниками и в благоговейном молчании приняла их благословение.

— Ты окончила свой тяжкий труд, теперь съешь что-нибудь,— просили они ее.

— Непременно, но только после захода солнца,— ответила Савитри и тут увидела, что Сатьяван положил на плечо топор и собирается идти в лес. В ту же секунду Савитри поднялась и крикнула:

— Я пойду с тобой!

— Зачем? — удивился Сатьяван.— Отдохни и поешь, ты слишком устала за эти четыре дня. Я иду в дальний лес, тропинки там плохие, тебе это не под силу.

— Я нисколько не устала после поста,— возразила Савитри.— Я непременно хочу пойти с тобой.

— Хорошо,— согласился Сатьяван.— Но прежде объясни моим родителям, почему ты хочешь идти со мной, а то они подумают, что я тебя заставляю.

Савитри подошла к его родителям и сказала:

— Разрешите мне пойти в лес вместе с мужем. Я хочу посмотреть, как он собирает плоды и рубит дрова. Я живу с вами уже скоро год и еще не видела леса во всей его красе.

— Савитри никогда ни о чем не просила,— сказал отец Сатьявана.— Пусть делает, как ей хочется.

Савитри шла по лесу, держа мужа за руку, а он рассказывал ей о тайнах лесной жизни. Час за часом Савитри наслаждалась видом лесных чудес и с мукой сознавала, что Сатьяван вот-вот должен умереть. Она помогла ему собрать плоды, и он ушел рубить дрова. Савитри присела отдохнуть и, не отрывая глаз, смотрела, как он орудует топором, и слушала, как гудят деревья, в которые вонзалось стальное острие.

Вдруг Сатьяван выронил топор, подошел к ней и чуть слышно прошептал:

— Мне нехорошо. Голова шумит, наверное, я перестарался.

Савитри быстро встала, обняла его, помогла ему лечь на траву и положила его голову себе на колени. Он начал засыпать.

Как только Сатьяван перестал шевелиться, у Савитри появилось странное ощущение — ей казалось, что кто-то прячется в кустах неподалеку от нее. Она снова и снова вглядывалась в лес и вдруг увидела какого-то ужасного человека с красными глазами, на нем была багряная одежда, а в руках он держал веревочную петлю. Человек стоял, наклонившись вперед, и разглядывал лежащего навзничь Сатьявана. Увидав его, Савитри осторожно положила голову мужа на землю, встала, поздоровалась с ним и сказала:

— Ты не похож на обычного человека. Наверное, ты кто-то из богов. Скажи мне, как тебя зовут и зачем ты сюда пришел.

— Ты удивительная женщина, Савитри. Страдания сделали тебя необычайно чуткой. Обычно я не вступаю в разговоры ни с кем из живущих на земле, но с тобой я поговорю. Я, добрая женщина,— смерть. Меня зовут Яма, как ты знаешь. Я пришел сюда, потому что земное существование твоего мужа окончено. С помощью вот этой петли я должен извлечь его хрупкую жизнь и унести ее прочь, оставив здесь, на

земле, его грубую плоть, чтобы ты могла предать ее огню.

— Как это случилось, о мой господин, что ты пришел за ним сам? — спросила Савитри.— Ведь обычно ты посылаешь для выполнения этой работы кого-нибудь из своих помощников.

— Сатьяван не какой-нибудь заурядный покойник, он был особенным человеком. Поэтому мне лестно самому сделать все, что полагается.

С помощью петли Яма извлек из Сатьявана его хрупкую душу и двинулся на юг, ибо царство Ямы лежит на юге.

Савитри видела, как недвижимое тело постепенно мертвеет, она положила его в безопасное место и пошла вслед за Ямой. Яма понял, что она так просто не оставит его, он остановился на мгновение и сказал:

— Ты не должна следовать за мной. Лучше исполни погребальный обряд, чтобы не повредить жизни мужа в другом мире, и расстанься, как положено, с его телом.

— Я иду за своим мужем. Все остальные пути мне заказаны,— ответила Савитри, не отставая от него ни на шаг.— Нас учили, что согласная жизнь супругов, соблюдающих умеренность и способных подчинять свои желания разуму, это высшая форма существования. Я не знаю никакой другой жизни, у меня нет склонности к аскетизму и самоотречению. Семья — самая высокая цель, которой я могу достигнуть, так меня учили родители, и я пойду туда, куда пойдет мой муж.

— Ты больше не можешь идти за мужем, но мне понравилось то, что ты сказала; в награду я готов исполнить одно твое желание. Проси что хочешь, только не жизнь этого человека.

— Возврати зрение моему свекру,— тут же сказала Савитри.

— Согласен. Завтра он проснется и увидит свет. А теперь поверни в другую сторону и возвращайся, пока ты еще не очень устала.

— Я не чувствую усталости, когда мой муж около меня. Пребывая в обществе хороших людей, человек достигает спасения, поэтому каждый должен стараться быть там, где есть достойные люди.

Этот ответ тоже понравился Яме.

— Ты снова заслужила награду, проси что хочешь, только не жизнь Сатьявана.

— Верни моему свекру царство, которое он потерял много лет назад.

— Согласен, согласен. А теперь возвращайся, пока ты не слишком утомилась.

— Я часто думала, что такое праведная жизнь. По-моему, жить праведно — это значит изгонять зло из своих мыслей, слов и поступков, а кроме того, постоянно творить добро и давать, ничего не требуя взамен. Поправь меня, о Яма, если я ошибаюсь. Я хочу с твоей помощью познать истину. Хорошие люди одинаково милосердны и добры с друзьями и с врагами.

Яме снова понравилось то, что она сказала.

— Твои слова и помыслы опять тронули меня. Проси еще что-нибудь в награду, только не жизнь твоего мужа.

— Мой отец уже давно тайно горюет, что у него нет сына,— сказала Савитри.— Подари ему сто сыновей.

— У него родится сто сыновей,— сказал Яма.— А теперь возвращайся, ты прошла уже немалый путь.

Савитри не обратила внимания на его совет, она шла за ним и продолжала говорить:

— Пока я иду за своим мужем, для меня не существуют ни расстояние, ни усталость. Если ты будешь настаивать, мне, конечно, придется остановиться, но я напрягу голос и мои слова все равно долетят до тебя. Ты сын бога солнца, и твой мудрый отец правильно назвал тебя Вайвасватой. Твои подданные живут в царстве справедливости — полной справедливости, не вызывающей и тени сомнения, из-за чего тебя называют царем дхармы *. В обществе хороших лю-

* В широком смысле слова дхарма — это высший кодекс морали, которому человек подчиняет свои мысли, слова и поступки. Этим словом обозначаются, кроме того, такие понятия, как долг и честь со всеми оттенками их значений. Зло происходит от того, что человек уклоняется от пути, указанного дхармой. Непреходящее значение дхармы подчеркивается во всех рассказах и притчах. У разных людей дхармы тоже разные, они меняются в зависимости от социального положения и умственных способностей индивидуума, но та или иная дхарма есть у каждого, будь он царем или членом низшей касты, и каждый должен строить свою жизнь сообразно своей дхарме.

дей каждый чувствует себя уверенно и спокойно, увереннее и спокойнее, чем наедине с самим собой. Поэтому все стремятся быть поближе к хорошим людям.

Яма был явно растроган:

— Меня все боятся, я еще ни от кого не слышал таких речей. Мне приятно то, что ты сказала. Можешь четвертый раз попросить что-нибудь в награду, только не жизнь этого человека.

— Тогда сделай так, чтобы я родила сто сыновей.

— Милая женщина, ты родишь сто храбрых и здоровых сыновей. А теперь тебе нужно вернуться, ты прошла слишком долгий путь.

— Хорошее общество всегда полезно,— начала Савитри и привела множество доводов, подтверждающих эту мысль, а потом искусно перешла к рассуждениям о том, что движение солнца и существование жизни на земле тоже возможны только благодаря добру, которое творят хорошие люди.

Яма был поражен ее мудростью:

— Когда ты говоришь, я невольно замедляю шаг, чтобы услышать твои слова и понять их смысл. Я уважаю тебя, женщина, за то, что ты умна и справедлива. Проси у меня единственную бесценную награду, о чистейшая!

— Моя чистота нерушима. Если ты собираешься сдержать слово и подарить мне сто сыновей, тебе придется вернуть моего мужа. Ты не можешь отнять его и наградить меня ста сыновьями.

— Да, правда, не могу,— согласился Яма. Он развязал петлю и освободил жизнь Сатьявана.

Яма благословил Савитри и ее мужа долголетием и один пошел дальше — с тех пор как он стал богом смерти, это был первый случай, когда он вернул отнятую у человека жизнь.

Савитри поспешила возвратиться к тому месту, где было спрятано тело Сатьявана. Она осторожно положила его к себе на колени и вдохнула в него жизнь. Сатьяван открыл глаза и пробормотал:

— Я что-то разоспался. Ты так терпелива! Почему ты меня не разбудила? Мне казалось, что тут есть кто-то еще, или мне это приснилось? Я куда-то шел... Я действительно все время был здесь?

— Уже поздно,— сказала Савитри.— Стало темно, твои родители будут беспокоиться. Пойдем домой, если только ты можешь идти.

— Я чувствую себя совсем бодрым. Пойдем.

Около их дома собралось много народу, потому что столь долгое отсутствие сына и невестки встревожило старого царя.

Увидав Савитри и Сатьявана, люди обступили их и стали расспрашивать:

— Где вы так долго пропадали?

— Мы были очень-очень далеко и счастливы, что вернулись,— сказала Савитри.

Непарный браслет

Боги, подвиги которых описываются в хрониках, живут и действуют многие тысячелетия, и ареной им служит вся Вселенная, а в рассказе, который вы сейчас услышите, события почти не выходят за рамки обыденной жизни и отделены от нас всего восемнадцатью столетиями. Действие этого рассказа начинается в Пукаре, столице одного южноиндийского царства, упоминаемого Птолемеем во II веке н. э.

Цветущий город Пукар находился на побережье Индийского океана, в устье реки Кавери. История наша начинается с того, как глашатай верхом на слоне объехал все улицы города и пригласил жителей к праздничному столу по случаю бракосочетания героев этого повествования Ковалана и Каннахи. После свадьбы Ковалан и Каннахи счастливо жили в своем уютном доме до того самого дня, когда в царском дворце состоялось первое выступление юной танцовщицы Мадави.

Пораженный талантом танцовщицы, царь наградил ее венком из зеленых листьев и тысячью восемью золотыми монетами. По обычаю, это давало ей право выбрать себе любовника. Мадави передала

венок горбунье, которая стояла на городской площади, где прогуливались или собирались кучками зажиточные горожане, и объявила:

— Этот венок стоит тысячу восемь золотых монет. Тот, кто его купит, станет мужем прекраснейшей танцовщицы, награжденной самим царем.

Ковалан поспешил купить венок; он получил доступ в супружеские покои Мадави и забыл обо всех своих делах и обязанностях. Если он не предавался любви, то проводил время, прислушиваясь к звуку ее шагов.

Наступил праздник Индры. Жители Пукара в нарядных платьях прогуливались взад и вперед по улицам, пели, танцевали и развлекались, в храмах читали торжественные молитвы, воздух звенел от разговоров и смеха. Ковалан и Мадави вместе гуляли по городу и радовались праздничному оживлению. Под вечер Мадави вернулась домой, освежила тело в прохладном ароматном источнике, переменила одежду и украшения и вновь прошлась вместе с Коваланом по ярко освещенным улицам, а потом они вышли на берег моря, где там и сям мелькали привязанные к шестам фонарики, вблизи которых теснились кучки весельчаков, и радостно сияли огнями стоявшие на якоре корабли. У Мадави был на берегу свой уголок, где под защитой навеса и ширм можно было скрыться от посторонних взоров, от шума волн и криков гуляк. Они расположились как дома, Мадави вынула из шелкового чехла лютню и стала играть. Ковалан отобрал у нее инструмент, пробежал пальцами по струнам и запел хвалебную песнь реке и морю, а потом перешел на песню о красавице с тонкой талией и тяжелыми грудями, которая терзает своего возлюбленного; «она похожа на лебедя, когда гуляет в тени дерева паннаги, где лижут берег морские волны».

«О глупый лебедь, не приближайся к ней, рядом с ней ты похож на неуклюжую утку,— говорилось в другой песне.— Твой отец, красавица, убивает морскую живность, закидывая в море широкие сети. А ты убиваешь людей, заманивая их в сети любви своими огромными глазами».

«Она богиня,— запел он еще одну песню.— Она живет среди благоухающих цветов. Если бы я знал,

что встречу ее здесь, я никогда не пришел бы сюда».

Мадави сделала вид, что ей понравились песни Ковалана, она осторожно взяла лютню у него из рук и запела песню покинутой девушки, оплакивающей исчезновение своего возлюбленного. «Минуя болота и леса... кто-то пришел, остановился перед нами и сказал: „Обрадуйте меня", и мы не могли отвести от него глаз».

«Вчера кто-то похожий на бога целый день смотрел на лебедя, игравшего со своей подругой. Наши сердца не могут отринуть его, как наши тела не могут отринуть покрывающий их золотистый пушок... О журавль, не прилетай в наш лес, ты все равно не разыщешь моего возлюбленного и не расскажешь ему о моей тоске... О журавль, не прилетай в наш лес».

— Я наугад соединил несколько песен, а у нее на уме кто-то другой, она мечтает о другом,— пробормотал Ковалан.

Он отстранился от Мадави и сказал:

— День подходит к концу, пора идти.

Мадави не тронулась с места. Ковалан поспешил домой один.

Когда он ушел, Мадави села в колесницу и тоже поехала домой. Она снова переоделась, переменила украшения и отправилась на верхнюю террасу; там она пела и танцевала и наконец изнемогла от усталости. Тогда она сплела венок из цветов, взяла бледный лепесток цветка пандана и вырезала на его гладкой поверхности любовное послание: «Луна, тоскуя о любви, взошла на небо... она пронзает своими острыми стрелами всех, кто одинок... Внемли мне, прошу тебя». Она позвала одну из своих служанок и велела ей пойти к Ковалану. Служанка должна была сказать ему эти строки наизусть, а потом передать венок, чтобы он прочел их сам. Служанка вернулась и доложила, что Ковалан выбросил записку и венок. Мадави огорчилась и сказала со вздохом:

— Если он не придет сегодня, значит, наверняка придет завтра.

Но ночью она не сомкнула глаз.

А Ковалан в это время говорил своей жене Каннахи:

— Мы должны уехать из этого города.

Каннахи знала, что средства Ковалана быстро тают, потому что он непрерывно покупает подарки и роскошные наряды для Мадави. Она продавала одно свое украшение за другим, чтобы достать для него деньги. Каннахи была безответной и покорной женой.

— У меня есть еще пара браслетов...— начала она, но не договорила вслух конец фразы: «...которые ты можешь заложить и купить подарки Мадави».

Ковалан взял браслеты и сказал:

— Сегодня ночью мы потихоньку уйдем отсюда и отправимся в Мадуру, мы продадим браслеты и начнем новую жизнь с теми небольшими деньгами, которые за них выручим. Я не хочу видеть своих родителей до тех пор, пока не восстановлю свое доброе имя. Связь с низкой и корыстной женщиной марает человека с головы до пят, и к тому времени, когда он начинает прозревать, часто оказывается, что дело зашло слишком далеко. Мы ни с кем не будем прощаться. Уйдем потихоньку.

Среди ночи Ковалан и Каннахи связали одежду в небольшой узел, Ковалан перекинул его через плечо, они закрыли дверь своего дома и тронулись в путь. И вот уже праздничная толпа исчезла у них из виду и веселый шум перестал доноситься до их ушей. Сначала они шли по южному пустынному берегу реки, но, выйдя на дорогу, оказались среди бродячих певцов, нищих, странствующих ученых и святых людей, идущих в том же направлении, что они, и, прислушиваясь к их рассказам, Ковалан и Каннахи забыли о своих невзгодах.

— Пока сидишь дома, ничего не узнаешь,— сказал Ковалан.

Они дошли до парома, переехали на северный берег реки и наконец подошли к городу, который назывался Урайюр. Ковалан оставил жену в доме, где обычно останавливались путешественники, а сам пошел искать водоем, чтобы совершить омовение. Когда он стоял по пояс в воде, соскребая грязь с тела, к нему подошел какой-то незнакомый мужчина и сказал:

— Мне надо с тобой поговорить.

— Кто ты? — спросил Ковалан.

— Друг, неужели ты не узнаешь меня? Я из Пу-

кара. Я стер все подошвы, выслеживая тебя. Где я только не спрашивал: «Не видели ли вы такого-то человека?»!

— Зачем ты выслеживал меня? — сердито спросил Ковалан.

— Меня послала Мадави, разлука с тобой сводит ее в могилу. Она тысячу раз просит прощения, если невольно обидела тебя. Она умоляет тебя вернуться домой, она умоляет забыть о ее проступках.

Ковалан подумал немного и сказал:

— Возвращайся назад.

— Я навещал твоих родителей, они тоже очень горюют.

— Скажи им, что я хочу попытать счастья на новом месте и что когда-нибудь я вернусь к ним как достойный сын. Я слишком долго жил несбыточными мечтами, сейчас я знаю, что делаю. Скажи Мадави, что я не сержусь на нее, но что с прошлым покончено навсегда.

Ковалан вернулся к жене, и они снова тронулись в путь. Чтобы не тревожить Каннахи, он не рассказал ей о встрече с пукарцем. Ковалан и Каннахи медленно шли вперед и наконец вышли к реке Вайхей, протекавшей у самой границы города Мадуры, столицы царства Пандья. Они стояли на берегу, любовались парящей башней храма, большими домами Мадуры и радовались, что их долгое путешествие подошло к концу. Потом Ковалан приблизился к воде и умилостивил речного бога; они перешли через реку и вступили в город.

В Мадуре Ковалан и его жена нашли приют в квартале, где жили пастухи. Они поселились в небольшом доме, окруженном живой изгородью, с прохладным внутренним двориком, стены которого были испещрены пятнами красной грязи, и с кухней, наполненной разнообразными припасами: рисом, овощами, пахтаньем, огурцами, гранатами и манго. После нескольких недель бродячей жизни Каннахи с радостью вновь занялась хозяйством. Она вымыла полы. Когда еда была готова, она расстелила для мужа циновку и положила зеленый лист банана, чтобы ему было на чем поесть. После обеда она дала ему пожевать орешки и листья бетеля.

Губы Ковалана окрасились красным соком, он сел удобнее и заговорил:

— Ты была так терпелива, что бы сказали твои родители, если бы узнали о твоих мучениях.— Ковалан с сожалением вспомнил о жизни в Пукаре: — Я проводил время в обществе женщины легкого поведения, дружил со сплетниками, говорил громким голосом и хохотал во все горло над непристойными шутками.

— Зачем снова и снова вспоминать о прошлом? — сказала Каннахи.— Конечно, я была тогда очень несчастна, но никто не знал, чтó у меня на душе. Твои родители жалели меня и старались мне помочь.

Тогда Ковалан сказал:

— Я возьму один из твоих браслетов, пойду продам его и вернусь с деньгами, это даст нам возможность начать новую жизнь. Кто знает? Быть может, мы скоро вернемся домой богатыми и снова станем уважаемыми людьми.

Перед тем как уйти, Ковалан поцеловал жену, пряча глаза, чтобы она не увидела его слез; ему было тяжело оставлять ее одну среди чужих людей. Поглощенный своими мыслями, он стремительно перешагнул порог и не обратил внимания на дурное предзнаменование — перед домом стоял горбатый бык.

Ковалан обошел весь город. На базаре он заметил, что сзади него идет внушительного вида мужчина в парчовом одеянии и размахивает щипцами, оповещая всех, что он золотых дел мастер; за ним следовали несколько подмастерьев. При виде этого человека Ковалан подумал: «Наверное, это знаменитый придворный мастер. Какое счастье, что я его встретил!»

Ковалан подошел к мужчине и сказал:

— Если я не ошибаюсь, вы лучший из здешних мастеров. Ваша слава докатилась даже до Пукара.

Золотых дел мастер покровительственно улыбнулся.

— Не могу ли я попросить вас об одолжении? — спросил его Ковалан.— Мне надо оценить одну ювелирную вещицу, браслет, который не стыдно надеть даже на ногу царицы.

— Обычно я занимаюсь изготовлением корон и скипетров для наших царей,— величественно progово-

рил мастер,— но я знаю толк и в женских украшениях.

Ковалан тем временем достал браслет. Золотых дел мастер внимательно осмотрел его и, не скрывая радости, поспешно заявил:

— Простая женщина не смеет даже мечтать о таком браслете, его должна носить наша царица. Если хотите, я поговорю с ней и вернусь сюда. Подождите меня в этой хижине. Никуда не уходите. Я скоро приду.

Незадолго перед тем у царя и царицы произошла любовная ссора, царица сказала, что у нее болит голова и удалилась к себе. Царь занимался делами со своими советниками и в первую же удобную минуту оставил их и направился к царице, чтобы успокоить ее. Но у входа в царские апартаменты перед ним оказался золотых дел мастер, который после обычных приветствий сказал:

— Простите, что я помешал вам, ваше величество, но дело не терпит отлагательства. У царицы пропал один из ее ножных браслетов. Я поймал вора и запер его в моей жалкой хижине. Это очень ловкий вор, он не пользуется ни ломами, ни кинжалами, его орудие — черная магия.

Этот миг решил судьбу Ковалана; царь торопился к жене, поэтому он позвал городского стражника и приказал ему:

— Если ты найдешь браслет среди вещей вора, казни его и принеси браслет во дворец.

Царь торопился, и колесики судьбы завертелись, приближая трагическую развязку, вот почему он так легкомысленно отдал это приказание, хотя в другую минуту непременно сказал бы: «Приведите вора ко мне». Царь вынес смертный приговор, не вникая в суть дела, и поспешил к царице.

Мастер вернулся в сопровождении нескольких человек и сказал Ковалану:

— Наш повелитель приказал этим людям посмотреть, что у тебя за браслет.

Ковалан обрадовался, что дело подходит к концу, и стал рыться у себя в сумке, а мастер принялся во всех подробностях описывать браслет, который предстояло увидеть убийцам Ковалана.

— Этот браслет сделан необычайно искусно, с нарезкой у шейки, с небольшим углублением, украшенным серебряными веночками и двумя листиками. Он отполирован особым образом, его грани напоминают грани кристалла и сверкают, как бриллиантовые.

Ювелир говорил, а Ковалан от души радовался его словам: он решил, что ювелир советует этим людям купить браслет.

— Как зорки ваши глаза! — воскликнул он.— Вы великий знаток золотых изделий!

— Конечно, конечно,— согласился ловкий мастер.— Разве иначе я добился бы такого успеха? Я славлюсь своим острым зрением, оно частенько помогает мне увидеть много интересного.

Мастер бросил взгляд на своих спутников и криво улыбнулся.

Ковалан достал браслет, начальник стражи взял его в руки и стал внимательно разглядывать.

— Да, это тот самый браслет, о котором вы говорили,— сказал он.

— Ну что ж, пусть он тогда расплатится за него,— сказал золотых дел мастер.

Стражники приблизились к Ковалану и окружили его.

Ковалан с удивлением посмотрел на них. Но когда их начальник воскликнул: «Этот человек совсем не похож на вора!» — он удивился еще больше.

— Вор, знающий свое дело, никогда не похож на вора,— сказал ювелир.— Науке о воровстве известно восемь способов, которыми пользуются те, кто достигли вершины этого ремесла: усыпляющие средства, миражи, укрощение непокорных духов и другие. Искусный вор может обобрать тебя до нитки и преспокойно уйти, а ты будешь смотреть на него и не шевельнешь пальцем. Вор может стать невидимым, может принять вид доброго, благочестивого человека и заставить тебя благоговеть перед ним...

Золотых дел мастер привел еще много других примеров.

Ковалан выслушал его речь, а потом сказал:

— Давайте придем к какому-нибудь решению; если вам, знатным людям, нравится это изделие...

Но золотых дел мастер перебил его и приказал стражникам:

— Довольно тратить время попусту. Делайте свое дело, нам пора возвращаться.

— Знаете, что однажды случилось, когда я вытащил меч,— заговорил молодой стражник с копьем,— меч сам прыгнул в руки вору, и не успел я опомниться, как оказался в его власти. Среди воров попадаются такие ловкачи и пройдохи! Давайте поскорее выполним приказ нашего царя.

Один из стражников был пьян.

— Хватит молоть языком! — крикнул он и рассек Ковалана пополам своей кривой саблей.

Ковалан упал, обливаясь кровью. Мастер и стражники отпрянули в сторону. Уходя, мастер оглянулся, как будто хотел поблагодарить богов за то, что они помогли ему совершить это преступление. Днем раньше он украл царский браслет и теперь был счастлив, что ему удалось так ловко свалить вину на другого.

А в одном из пастушьих домов в это время мать сказала дочери:

— Молоко не садится, у скотины слезы застилают глаза, масло в кладовой стало каменным, ягнята не играют, коровы дрожат и мычат, веревки, на которых болтались их колокольчики, оборваны. С кем случилось несчастье? Какое?

Они долго думали, что им делать, и решили прибегнуть к обычному средству, помогающему отогнать злые силы и развеселить сердце.

— Мы спляшем куравей для наших гостей, пусть дорогие гости полюбуются на нас!

Они созвали соседей и закружились в замысловатом танце.

Каннахи забеспокоилась. Почему муж так долго не возвращается? Ее хозяева танцевали и пели, изображая эпизоды из жизни бога Кришны, покровителя молочниц; это на время отвлекло ее от тревожных мыслей.

Окончив танец, женщина пошла к реке, чтобы выкупаться, услышала, что говорили люди о Ковалане, и поспешила вернуться домой. Увидев ее, Каннахи закричала:

— Ради бога, скажи мне что-нибудь! Где мой муж? Каждый вздох раздирает мне грудь. Я едва дышу... Где мой муж? Мне страшно. Помоги мне, скажи, что ты узнала о нем? Не скрывай от меня ничего.

— Говорят, что он вор и украл царский браслет, за это его убили,— сказала женщина.

Каннахи лишилась чувств, но скоро оправилась и стала яростно проклинать судьбу, страну, в которой она оказалась, и царя этой страны.

— Царь Пандьи, прославленный защитник справедливости, ты совершил бесчестный поступок. Это мой муж — вор?! — Каннахи кричала так громко, что сбежались все женщины и девушки, которые принимали участие в танце.— Какой же он вор, ведь это мой браслет! — взывала она к ним.— О бог солнца, ты видишь все, что творится на свете. Разве мой муж вор? Отвечай! — требовала она.

Каннахи собрала все свои силы. Она, казалось, стала больше ростом, ее глаза гневно сверкали.

— Вот мой браслет! — воскликнула она.— Он остался в одиночестве. Они убили моего мужа, потому что не могли заплатить за тот браслет, который отобрали у него. Кто же настоящий вор?

Каннахи шла по улицам города, глаза ее метали молнии, голос звенел, за ней шли те, кто сочувствовал ее горю. Прохожие при взгляде на нее дрожали от страха. Кто-то привел Каннахи к тому месту, где лежало тело ее мужа, и солнце (по словам автора этого рассказа) опустилось за холмы, чтобы задернуть занавес над этой печальной сценой.

Настала ночь. Каннахи причитала над телом мужа:

— Разве это справедливо, что ты лежишь здесь в луже крови, а я... а я... Неужели в этом городе не нашлось женщины, чья чистота могла бы предотвратить это несчастье? Неужели в этой стране нет добрых людей, нет женщин верных и преданных своим мужьям? Как может свершиться такая несправедливость там, где живут добросердечные мужчины и добросердечные женщины? Или бог покинул этот город?

Она продолжала стонать и плакать, сжимая в объятиях безжизненное тело мужа, как вдруг произошло что-то странное. Ковалан встал, отер слезы с ее лица,

прошептал: «Оставайся здесь», — и поднялся на небо. Каннахи видела все это своими глазами.

— Что здесь творится?! — закричала она. — Неужели это злой дух обманывает меня? Где мне узнать правду?

Она оставила это место и побежала к дворцу, повторяя:

— Я хочу, чтоб их жестокий царь сам объяснил мне...

Царь был у жены. У ворот дворца отчаянно зазвонил колокольчик. И, заглушая его звон, послышался пронзительный крик Каннахи:

— Сторож, пойди разбуди своего царя, у которого заснула совесть, а сердце превратилось в камень, скажи ему, что у ворот стоит несчастная женщина и держит в руках браслет, оставшийся без пары.

Взглянув на Каннахи, сторож испугался, побежал к царю и доложил:

— Ваше величество, какая-то женщина с ужасным лицом хочет пройти к вам. Может быть, это Кали, богиня разрушения? Может быть, это...

— Пусть войдет, — приказал царь.

Сторож привел Каннахи; царь спросил ее:

— Кто ты? Что тебе нужно?

— Ты убил моего мужа. Мы пришли сюда из Пукара попытать счастья.

— Ах, моя досточтимая сестра, разве я не обязан убивать воров?

— У меня украли браслет, — добавила царица. — Пропавший браслет нашли у твоего мужа, он хотел продать его.

— Вот еще один браслет, можете взять его тоже, — сказала Каннахи. — Все браслеты мира принадлежат вам, о царица, супруга справедливейшего из царей.

С этими словами Каннахи бросила браслет царице на колени.

Царица взглянула на браслет и сказала:

— Этот тоже похож на мой, но почему у меня оказалось три браслета? Раньше их было только два.

— Так что же, вор украл ваш браслет или дал вам свой? Можете вы ответить на этот вопрос? — спросила Каннахи с горьким смехом. — Тот, что надет

на вашей левой лодыжке, принадлежит вору, который лежит на земле в луже крови.

При этих словах царя покинуло его царское спокойствие, а царица совсем растерялась.

— Вот он, дурной сон...— начала она.

— Может быть, вы хотя бы знаете, что заключено внутри ваших браслетов, что там гремит и звенит, когда вы их носите? — продолжала Каннахи.

Царице понадобилось некоторое время, прежде чем она поняла, о чем ее спрашивают.

— Жемчуг...— наконец пролепетала она,— внутри жемчуг...

— Мой браслет надет на вашу левую ногу, откройте запор и посмотрите,— сказала Каннахи.

Царица молча передала ей браслет. Каннахи открыла его и высыпала на руку несколько драгоценных камешков.

При виде камней царь зашатался.

— Какой же я царь, если послушался золотых дел мастера! — воскликнул он.

Царь задрожал и упал на пол, царица громко зарыдала.

Каннахи бросила на них безучастный взгляд и покинула дворец; она шла по улицам и во весь голос рассказывала о добродетелях города пукарцев и о радостях, которые она узнала за то время, пока там жила; она сравнивала Пукар с Мадурой и поносила столицу царства Пандьи, где так пышно расцвел порок. Каннахи трижды обошла город, не переставая жаловаться на свою судьбу и повторять:

— Если я честная женщина, этот город должен погибнуть!

Она разорвала платье, вырвала свою левую грудь и швырнула ее в небо. В ту же минуту перед ней появился бог огня, который принял облик синелицего брахмана и сказал ей:

— Я согласен исполнить твое приказание и уничтожить этот город, но, может быть, ты хочешь когонибудь пощадить?

— Только невинных, добрых и образованных и еще калек, детей и глухих.

В ту же минуту пламя охватило весь город. Те, кто был в силах убежать, искали спасения за городскими

стенами. Остальные погибли. Даже боги, хранители города, оставили его. Каннахи в исступлении бродила по улицам и переулкам, не переставая изумляться тому, что случилось.

Главная богиня города не хотела встречаться лицом к лицу с этой убитой горем женщиной; на голове у богини красовался лунный серп, ее волосы были спутаны, белое лицо излучало свет, одна половина ее тела была темно-синей, другая — золотой, в левой руке она держала золотой лотос, а в правой — меч; богиня подошла к Каннахи сзади и прошептала:

— Почтенная женщина, послушай меня. Я понимаю, как ты страдаешь. Я вижу, какое опустошение принесла твоя ярость нашему городу. Послушай меня одну минуту, прошу тебя. За всю свою жизнь наш царь не совершил ни одного бесчестного поступка, он происходит из древнего рода справедливых правителей, все они строго соблюдали законы и любили людей. С твоим мужем случилось ужасное несчастье, но такова его судьба. Послушай меня, милая женщина, я расскажу тебе о прежней жизни твоего мужа. В предыдущем рождении твоего мужа Ковалана звали Бхарата. Он состоял на службе у царя и однажды схватил ни в чем не повинного торговца, предлагавшего свой товар на улицах Сингапура, сказал царю, что торговец — шпион, и убил его. Жена торговца не могла пережить этого горя, четырнадцать дней она как безумная бродила по городу, кляня всех и каждого, а потом взобралась на высокий холм, прокляла того, кто был виновен в смерти ее мужа, и бросилась с обрыва. Вот почему ты теперь так мучишься. Через четырнадцать дней тебе станет легче.

Слова богини утешили Каннахи, ее сердце смягчилось, и пожар в городе начал понемногу стихать. Четырнадцать дней Каннахи блуждала по городу и ждала. Она вышла на берег реки и дошла до северных отрогов гор. Деревенские девушки купались в реке и резвились на горных тропинках; вдруг они увидели странную женщину с одной грудью. От нее как будто исходили неведомые лучи, она вызывала чувство глубокого благоговения. Вскоре они увидели, как к женщине приблизился ее муж, он принял облик духа и взял ее на небо.

Это место стало священным, потому что на него ступала нога благочестивой жены. Потом царь выстроил на этом месте храм со статуей Каннахи, чтобы люди могли ей поклоняться. Статуя была вырублена из гималайского камня и омыта в водах Ганга, она стала известна под названием «Паттини деви», что значит «Жена, ставшая богиней».

Шакунтала

Слово «шакунта» значит «птицы», «шакунталой» называют человека, которого вырастили лесные птицы. Родители покинули Шакунталу, когда она была совсем маленькой. Они положили малютку на кучу листьев недалеко от реки Малини, и пернатые взяли ее под защиту. Через некоторое время заботливые птицы прилетели к мудрецу Канве, жившему поблизости, у реки, и попросили его приютить ребенка. Канва вел жизнь аскета, но у него было доброе сердце, и он согласился взять девочку, которая так и выросла под его надзором вместе с птицами, бабочками и животными. В лесу вокруг убежища Канвы царило такое спокойствие, что даже дикие звери мирно уживались друг с другом и со всеми живыми существами.

Чтобы вы поняли, почему родители покинули Шакунталу, нужно вернуться вспять и рассказать, что произошло до ее рождения.

Однажды Вишвамитра, этот великий мудрец, отличавшийся огромной силой духа, наложил на себя строгую епитимью и погрузился в думы. А блистательный Индра, обладавший безграничной властью и несметными богатствами, дрожал от страха всякий раз, когда кто-нибудь из мудрецов предавался размышлениям, потому что боялся, что его сместят и назначат царем богов кого-нибудь еще. Чтобы уберечься от этого несчастья, он старался любыми способами нарушить покой мудрецов. На этот раз он призвал Менаку, самую красивую женщину своего мира, и сказал:

— Спустись на землю и развлеки Вишвамитру, а то огонь его мысли испепелит нас.

Менака знала себе цену, но все-таки заколебалась:

— Разве я могу явиться к этому мудрецу? Ты, наверное, забыл, какой страшной силой он обладает? Неужели ты не помнишь, как он тысячи лет молился, чтобы сравняться с самим Васиштхой? Сколько раз он создавал реки, когда кто-нибудь нуждался в омовении, а потом заставлял их течь вспять? Или ты забыл, как он сотворил для Тришанку особый мир со звездами и солнцем, только ради того, чтобы досадить самому творцу?

— Мир Тришанку так и повис в воздухе вверх ногами,— съязвил Индра.

— Но когда он совершил это деяние, ты потерял голову от страха,— не сдавалась Менака.

— К чему сейчас вспоминать об этом? — обиделся Индра.

— К тому, что надо знать, с кем имеешь дело,— ответила Менака.— Вдруг Вишвамитра догадается, что я хочу помешать его размышлениям: ведь он проклянет меня или сожжет дотла!

— Только если ты не сумеешь использовать в полную силу дар обольщать мужчин,— сказал Индра, но все-таки пообещал: — Я попрошу бога любви и его прислужников, чтоб они помогли тебе. Не бойся.

— Пришли мне на помощь еще бога ветра,— попросила она.

Так, приняв все меры предосторожности, Менака отправилась в путь.

Она спустилась на землю в том месте, где Вишвамитра уже тысячу лет предавался размышлениям, и нарушила течение его мыслей звоном своих ножных браслетов. Ваю, бог ветра, чтобы помочь Менаке, налетел на нее и привел в беспорядок ее одежду, а потом вовсе сорвал ее и унес прочь, так что как раз в ту минуту, когда Вишвамитра открыл глаза, Менака совершенно нагая тщетно пыталась вернуть свое платье.

Потом заботами Ваю повеял томный весенний ветерок, наполнивший воздух пьянящим ароматом редких цветов. Манматха решил, что настала подходящая минута, и напитал любовным ядом свои стрелы. Вишвамитра очнулся от раздумий, приблизился к Ме-

наке, чтобы помочь ей найти одежду, и следующую тысячу лет с наслаждением провел в ее обществе, забыв, что существует какая-то другая жизнь.

У них родилась дочь. Говорят, что она явилась на свет с браслетами и кольцами и в тот момент, когда Менака разрешалась от бремени, природа пела радостный гимн.

Может быть, природа и радовалась рождению девочки, но отец не принял участия в общем ликовании. Когда Менака подошла к нему с малюткой на руках, он прогнал ее:

— Оставь меня, женщина, мне не нужны ни ты, ни твой ребенок. Я явился в этот мир не затем, чтобы нянчить орущих младенцев! Убирайтесь обе, у меня есть дела поважнее! Ступай прочь и забирай с собой ребенка!

— Я слишком долго пробыла здесь и совсем забыла о своем мире,— сказала Менака, положила девочку на берег реки и исчезла.

А Вишвамитра вернулся к жизни аскета, не тратя больше времени на удовольствия и сожаления.

Шли годы; однажды утром царь Душьянта выехал из своей столицы в сопровождении тысячи охотников, вооруженных мечами, луками, дубинами и другим оружием. Когда они несколькими часами раньше проходили по городу, все женщины стояли на улицах и на балконах и не спускали с них глаз. И каждая восклицала:

— Как прекрасен наш царь!

К полудню охотники убили и ранили сотни диких животных и расположились вокруг костров, чтобы позавтракать жареным мясом.

Царь оставил тех, кто хотел отдохнуть, а сам с небольшим отрядом пошел вперед. Преследуя оленя, он углубился далеко в лес и оказался рядом с ашрамой Канвы.

— Здесь нельзя охотиться,— напомнил ему один из провожатых.— Это заповедные земли.

— Я хочу пойти и засвидетельствовать свое почтение отшельнику, который тут живет,— сказал царь.

В ашраме царило спокойствие, ученые мужи группами сидели под высокими деревьями, погрузившись в чтение книг; новообращенные распевали гимны или декламировали стихи, а на берегу Малини поднимался к небу дым священного костра.

— Пожалуй, мы обеспокоим отшельника, если войдем все вместе, он может неправильно истолковать наши намерения,— сказал царь и приказал своей свите остаться в некотором отдалении, а сам снял все знаки отличия и украшения и вошел в ворота ашрамы под видом обычного посетителя.

Он остановился у входа и властно крикнул:

— Эй, кто-нибудь!

Шакунтала, которая в это время ухаживала за растениями на другом конце ашрамы, вышла к воротам. Она почувствовала, что ее влечет к этому человеку.

Он посмотрел на нее с восторгом, страстно желая, чтобы она осталась и не присылала никого вместо себя. Шакунтала подошла к нему и спросила:

— Ты хочешь видеть моего отца? Его нет. Входи и отдохни.

Она ушла в хижину, но скоро вернулась и поставила перед ним ведро воды и рядом блюдо с фруктами.

Подкрепившись, Душьянта, вместо того чтобы уйти, остался в обители и продолжал беседовать с девушкой, а через некоторое время попросил ее стать его женой.

— Женщина всегда кому-нибудь подчиняется,— сказала Шакунтала,— в детстве — отцу, потом — мужу, а в старости — сыну. Прежде чем говорить со мной, тебе нужно было спросить разрешения у моего отца.

— «У отца!» Не скажешь ли ты, откуда у этого мудреца взялась дочь, если у него никогда не было жены?

Душьянта боялся, как бы девушка не ушла, поэтому он старался, чтобы их разговор не иссяк. Шакунтала рассказала ему, как она появилась на свет и как ее взял к себе мудрец Канва.

Когда она кончила, Душьянта заявил, что не может жить без нее:

— Я полюбил тебя, как только увидел, и в ту же минуту догадался, что ты, наверное, царевна. Теперь

я знаю, что ты в самом деле царевна, и, значит, мы можем пожениться, потому что ты дочь Вишвамитры, который некогда был царем.

И Душьянта сказал Шакунтале, что хочет немедленно жениться на ней.

— Меня должен выдать замуж отец,— возразила Шакунтала.— Он обладает огромной силой духа, если его рассердить, он может испепелить весь мир.

— Чем же я могу его рассердить? Я царь и хочу жениться на тебе, вот и все. Если два человека полюбили друг друга, они имеют право жениться по обряду гандхарвов, когда в свидетелей берут богов и невеста выходит замуж без участия родителей. Так устраиваются самые священные браки.

Шакунтала подумала и сказала:

— Я согласна выйти за тебя замуж по обряду гандхарвов, но только с соблюдением всех правил, ведь у нас может родиться ребенок, и я не хочу, чтобы его потом в чем-нибудь упрекали. Я придаю большое значение священным обрядам. И вот еще одно условие: если я рожу сына, ты сделаешь его своим наследником.

Душьянта согласился и послал слугу за священником, который остался в лесу с его свитой; священник помог им зажечь священный костер и прочитать молитвы, Душьянта и Шакунтала соединили над огнем руки и стали мужем и женой навеки.

А потом царь вернулся к своим друзьям. Шакунтала едва не лишилась рассудка, узнав, что он уезжает. Но Душьянта успокоил ее:

— Я не могу увезти тебя, не предупредив твоего достопочтенного отца. Я пришлю за тобой разукрашенную колесницу, пришлю паланкины для твоих служанок и помощниц, и слонов и пеших провожатых; ты отправишься в путь, как подобает царице, направляющейся в свой дворец, и мы больше никогда не будем разлучаться.

Шакунтала успокоилась и проводила его, но, когда тишина и мрак окутали лес, она почувствовала себя очень одинокой.

Канва вернулся в ашраму, и Шакунтала, как всегда, заботливо омыла его ноги, расстелила перед ним коврик для молитвы и принесла цветы. Но ей было

не по себе в его присутствии. Он заметил это и спросил:

— Почему ты сегодня сама не своя?

Шакунтала смущенно встала перед ним и рассказала, что она вышла замуж и, наверное, будет матерью. Канва благословил ее:

— Будь счастливой царицей и роди сына, и пусть он защищает эту землю и хранит ее славу.

На другой день после отъезда Душьянты Шакунтала заранее оделась, чтобы уехать в ту самую минуту, когда прибудет колесница. Но прошел полдень, настал вечер, а из города так никто и не явился.

Она спросила отца:

— Далеко от нас до столицы?

Канва понял, что она встревожена, и постарался ответить так, чтобы успокоить ее. Шакунтала занялась вычислениями: «Наверное, Душьянта добрался до дворца поздно вечером, может быть, он утомился за день, наверное, он сразу лег спать и забыл сказать носильщикам и всем остальным, что они должны прийти за мной».

Она сидела в тени под деревом, погрузившись в сложные хитроумные подсчеты: сколько часов проспит царь, прежде чем пошлет за ней возничего с колесницей и всех остальных, которые, если только не будут лодырничать, должны приехать хотя бы на закате; правда, если они приедут так поздно, отец все равно отпустит ее только на следующее утро, если же они выедут на заре... Шакунтала совсем запуталась. А из города все не было ни вестей, ни вестников.

С каждым днем ожидание становилось мучительнее. Шакунтала не могла понять, что случилось. Может быть, царю помешала внезапно вспыхнувшая война или мятеж, или он вдруг заболел? Ее пожирала тоска. День за днем она напрягала слух в надежде, что до нее донесутся голоса носильщиков и скрип колес. Тайный страх и недоумение прогнали краски с ее лица.

Когда она в положенное время родила сына, с небес дождем посыпались цветы и раздался громоподобный голос Индры:

— Шакунтала, твой сын будет величайшим царем на земле.

К тому времени, когда мальчику исполнилось шесть лет, ему уже подчинялись все дикие животные в лесу; отшельники, жившие в обители Канвы, с изумлением смотрели на это чудо и называли ребенка Сарвадаман — укротитель зверей. Но когда он подрос и стал спрашивать об отце, Шакунталу охватило отчаяние. Канва заметил, как переменилось ее настроение, и однажды сказал ей:

— Я знаю, что тебя мучает, дочь моя. Завтра благоприятный день. Я попросил своих учеников проводить тебя в город. Ступай к мужу и прими мое благословение.

Потом Канва обнял внука.

— Ты пойдешь с матерью,— сказал он.— Перед тобой открывается новая жизнь, тебе не придется больше забавляться с животными и птицами и лазить по деревьям, ты будешь жить во дворце, как полагается наследному принцу. А когда станешь царем, вспомни о своем дедушке.

Тогда мальчик упал к его ногам и закричал:

— Ты мне отец, ты мне мать, ты для меня все. Я больше никого не знаю. Пусть моя мать идет во дворец, если хочет, я останусь здесь, с тобой. Я не хочу жить во дворце.

Искренняя привязанность мальчика растрогала мудреца, у него на глазах выступили слезы. Он позвал своих учеников, которые должны были сопровождать Шакунталу, и сказал им:

— Шакунтала родилась в лесу и выросла в моей обители. Она не знает другой жизни. Отведите ее с сыном в город, который стоит у слияния Ганга и Джамны. Вам самим незачем идти во дворец, но она и ее сын имеют на это право, и пусть они идут...

После горестного расставания Шакунтала отправилась в путь; миновав реки, леса и холмы, она пришла в город, где жил царь. У слияния рек мудрецы расстались с ней.

— Нам, аскетам, воспрещается входить в город; если ты не возражаешь, мы вернемся назад,— сказали они.

И Шакунтала с сыном одна пошла во дворец, с удивлением разглядывая город с его домами, лавками и множеством людей.

Когда она явилась, царь сидел на троне в приемном зале, а вокруг него теснились просители, гости, придворные и министры. Величие Душьянты ошеломило Шакунталу, и на мгновение она заколебалась: этот ли человек держал ее в своих объятиях в ашраме Канвы или какой-то другой.

— Поклонись царю, твоему отцу,— шепнула она сыну.

— Окажи милость, о царь, яви нам свою доброту,— громко сказала Шакунтала и почувствовала такую слабость, что оперлась о колонну.

Царь посмотрел на нее и сказал:

— Объясни нам, зачем ты пришла, добрая женщина. Я готов помочь тебе, тем более что ты, я вижу, мать и должна заботиться о ребенке.

— Это твой сын, наш с тобой сын,— тут же объявила Шакунтала.— В тот вечер ты обещал, что он будет твоим наследником. Теперь час настал. Вспомни обитель Канвы, где ты женился на мне.

— Не знаю, встречал ли я тебя когда-нибудь, добрая женщина. И не знаю даже, о чем ты говоришь.

Шакунталу охватил гнев:

— Зачем ты твердишь, как грубая деревенщина, «не знаю, не знаю»? Ты прекрасно все знаешь, и твое сердце знает, и свидетель тому — твоя душа. Боги знают. Взгляни на этого мальчика, на его походку, на его лицо, на его волосы, на его руки и ноги. Разве каждой частичкой своего тела он не повторяет тебя, могучего владыку, сидящего на этом троне?.. Не отказывайся от своего сына. Он прошел долгий путь ради этой встречи. Не убивай его веру. До того полдня, когда ты явился в обитель моего отца и заключил меня в свои объятья, я была девственницей. Не говорил ли ты, что мы венчаемся по обряду гандхарвов? Где священник, которого ты тогда привел с собой? Я пришла к тебе искать защиты. Не обманывай самого себя. Если хочешь, прогони меня, я согласна уйти, только прими своего сына.

— Ты женщина низшей касты, твои притязания смешны. Я не знаю тебя... Уходи! Ступай куда хочешь, только не возвращайся больше в этот дворец.

— Я дочь знатных родителей, по рождению я выше тебя, обманщик. Я дочь Менаки.

И Шакунтала рассказала, как она явилась на свет.

— О, я не сомневаюсь, что ты дочь Менаки. Ты многое унаследовала от этой бесстыдной небесной девы и многому научилась у нее, но твои речи, твои поступки и твои помыслы недостойны мудреца, которого ты называешь своим отцом. Мне некогда разговаривать с тобой. Можешь попросить что-нибудь в подарок. Бери, что тебе нравится. И не вздумай больше рассказывать свои сказки.

— Царь, ты оскорбляешь меня,— сказала Шакунтала.— Ты говоришь, как распущенный, бесчестный человек. Что поделаешь, если ты в глубине души не веришь мне, я уйду. Я рассказала то, что было на самом деле, а свидетелей у меня нет. Я уйду. Но этот мальчик...— Она с жалостью посмотрела на сына, в глазах которого отражались его детские мечты и детское недоумение, и прокляла свою беспомощность.— У меня нет свидетелей! — крикнула она в лицо всем этим людям, онемевшим от изумления.

Царь ерзал на троне. Никто не решался произнести ни слова.

И среди этой гнетущей тишины раздался глас небесный:

— О добрый царь, не подвергай ее новым испытаниям. Она говорит правду, это твой сын, прими его.

При этих словах с неба начали падать цветы. А неведомый небожитель продолжал:

— Его назовут Бхаратой *, он станет родоначальником новой прославленной династии.

И тогда все сразу изменилось. Царь тут же поднялся с трона и обратился к несчастной женщине:

— Приветствую тебя, моя жена, и тебя, мой сын!

Теперь все препятствия были устранены. Душьянта обнял жену и сына и сказал:

— Я нарочно притворился забывчивым, чтобы почтенные мужи, собравшиеся в этом зале, поняли, что произошло и как это все случилось. Я не хотел, чтобы у кого-нибудь явилась мысль, будто неизвестная женщина пришла сюда со своими жалобами и я пове-

---

* Бхарата считается основателем Индии, на санскрите Индия также называется Бхарата.

рил ей, потому что она красива. Мне хотелось, чтобы моя жена, царица, сама все рассказала и объяснила.

Эта неловкая попытка загладить свой промах и свою грубость позволила Шакунтале извиниться за свои слова. В положенный срок Душьянта, как все достойные правители, передал царство сыну, удалился вместе с женой в лес и стал отшельником.

В таком виде этот рассказ в основном совпадает с соответствующим эпизодом «Махабхараты». В V веке н. э. Калидаса положил его в основу своей прославленной пьесы в стихах, которую он назвал «Абхиджнянашакунтала» (почти как Шекспир, использовавший «Жизнеописания» Плутарха). «Абхиджняна» значит «кольцо с печаткой» или «знак, признак»; основные эпизоды этой пьесы связаны с провалом памяти и с кольцом, которое помогло восстановить цепь событий. «Узнанная по кольцу Шакунтала» — одно из самых ранних литературных произведений, написанных на тему забывчивости.

В пьесе Калидасы недоразумение, едва не обернувшееся трагедией, возникло по вине вспыльчивого и невоздержанного на язык мудреца Дурвасы, который однажды пришел в обитель Канвы и проклял Шакунталу за то, что она была поглощена мыслями о только что уехавшем Душьянте. Шакунтала не заметила прибытия этого высокого гостя, и мудрец воскликнул:

— Кто бы ни был тот, о ком ты сейчас думаешь, пусть он забудет тебя!

У Дурвасы был достаточно громкий голос: находившиеся поблизости подруги Шакунталы — Приямвада и Анасуя испугались и бросились вдогонку за отбывавшим Дурвасой, чтобы принести ему извинения от имени Шакунталы. Но сама Шакунтала ничего не слышала и не видела, потому что ум ее был в величайшем смятении. Она только что по своей воле вышла замуж за Душьянту, и царь уехал, пообещав через три дня взять ее к себе во дворец. Отца Шакунталы не было в обители, она вышла замуж без его разрешения и чувствовала себя виноватой и очень одинокой после отъезда царя. В этом состоянии она не заметила приезда важного гостя. Шакунтала ниче-

го не знала ни о его проклятии, ни о том, что в ответ на мольбы ее подруг Дурваса смягчился и сказал:

— Мужчина вспомнит о ней, когда какое-нибудь напоминание оживит его память.

Прождав несколько месяцев, беременная Шакунтала отправилась в город в сопровождении своих подруг и учеников отца. Они привели ее к царю и объяснили цель своего прихода. Царю было жаль женщину, но он не помнил, чтобы когда-нибудь видел ее. Шакунтала тщетно взывала к его памяти и, отчаявшись, хотела показать ему кольцо с печаткой, которое он подарил ей после их тайной свадьбы.

Шакунтала (ощупывая свой палец). Увы! Где же кольцо?

Гаутама (одна из ее провожатых). Может быть, оно упало в воду, когда ты омочила руки в реке?

Царь. Ах, как находчивы женщины!

Шакунтала. Это шутки судьбы. Дай мне объяснить тебе...

Царь. Конечно, конечно. Я весь внимание. Что ты еще придумала?

Шакунтала. Однажды, ты помнишь, мы с тобой сидели в беседке, увитой цветами, и ты держал в руках чашу из листа лотоса.

Царь. Продолжай, я слушаю.

Шакунтала. И как раз в эту минуту Диргхапанга,— ты помнишь это имя?

Царь. Нет. Как я могу помнить имя, которое я никогда не слышал?

Шакунтала. Диргхапанга — это мой любимый олень. Он тебе так нравился. Ты хотел, чтобы он напился из этой чаши, но он убежал. А потом, когда я поднесла чашу к его губам, он выпил воду. Тогда ты сказал в шутку...

Царь. Обманщицы часто пытаются добиться своих целей сладкозвучными речами.

Шакунтала. Низкий человек, как ты смеешь оскорблять меня!

Ее провожатые вступили в спор с царем, но он отказался признать Шакунталу. В конце концов они просто оставили ее во дворце и, уходя, сказали, что, если

Шакунтала говорит правду, ее место рядом с мужем независимо от того, хочет он этого или нет и помнит он ее или не помнит; если же ее притязания ложны, это тяжкий проступок, который лишает ее права жить в ашраме, так что при всех условиях ей незачем идти с ними назад.

Царь оказался в затруднительном положении. Его священник и наставник посоветовали ему приютить женщину во дворце, пока она не родит ребенка. Шакунтале ничего не оставалось, как обливаясь слезами, последовать за священником и в отчаянии громко взывать к матери земле:

— Мать земля, возьми меня!

Потом царю рассказали, что, когда она шла вот так, плача и жалуясь на свою судьбу, с неба спустилось неизвестное божество, взяло ее на руки и исчезло. Наверное, это была ее мать Менака, которая услышала мольбы дочери.

Так печально кончилась встреча Шакунталы с Душьянтой, от которой в душе удивленного царя осталось чувство сожаления и неясной тревоги. Но однажды начальник полиции спросил у него, как поступить с вором, которого схватили на рынке за то, что он пытался продать кольцо с царской печатью. Взглянув на кольцо, царь все вспомнил. Он приказал наградить схваченного. «Вор» оказался рыбаком, который поймал в реке рыбу, взрезал ей живот и нашел кольцо.

На сей раз царь понял, в чем состоит его долг, он полностью раскаялся и хотел соединиться со своей женой, но не знал, в каком мире ее искать. В драме Калидасы Душьянта нисколько не похож на легкомысленного повесу, это образцовый царь, защитник обездоленных. Он пользуется таким уважением во всех мирах, что бог Индра однажды послал за ним свою колесницу и попросил у него помощи, чтобы расправиться с демонами, наводнившими его мир. Во время победоносного возвращения из этой поездки Душьянта остановился в горной обители Хемакуте, где жили некие неземные существа.

В густом лесу, окружавшем это мирное убежище, он увидел мальчика лет двенадцати, который схватил за гриву львенка и оттащил его от львицы на глазах

воспитателей, увещевавших его оставить львенка в покое. Пораженный поступком этого не по годам смелого ребенка, царь подошел поближе и почувствовал, что ему не хочется расставаться с мальчиком. Хорошенько разглядев его, Душьянта завел с ним разговор, и они мирно беседовали, пока мальчик не сказал:

— Конечно, мой отец Душьянта, а не ты.

Вскоре появилась Шакунтала, измученная суровыми покаяниями, боги благословили эту встречу, и семья счастливо воссоединилась.

Харишчандра
Шиби

Герои обоих этих рассказов — цари, и каждый из них по-своему воплощает образ идеального правителя. Харишчандра обнаруживает необычайную стойкость, отстаивая свои убеждения, а Шиби показывает, как далеко простираются обязанности царя, выступающего в роли защитника.

Харишчандра

Все несчастья обрушились на Харишчандру из-за распрей в высших сферах (сказал рассказчик), а распри начались из-за того, что двум мудрецам вздумалось посплетничать. Харишчандра уже давно стал для всех олицетворением стойкости и безграничного правдолюбия. Такая исключительность всегда опасна. Совершенство раздражает или, во всяком случае, вызывает желание найти изъян.

Человеческий разум спокоен, только когда улавливает в других хотя бы мелкие недостатки. Вот почему двое святых заспорили о Харишчандре, в то время как сам царь, не подозревавший, что он дал повод для толков в верхнем мире, пребывал на земле и счастливо правил своей страной. Спор о Харишчандре завязался между величайшим из мудрецов Васиштхой и его постоянным и самым опасным соперником Вишвамитрой.

Васиштха только что вернулся в мир Индры из путешествия в Айодхью, главный город царства Харишчандры. Небожители, праздно сидевшие в золотых креслах, радостно приветствовали его и спросили, откуда он явился.

— Я был в Айодхье и присутствовал на жертвоприношениях, которые устроил Харишчандра,— сказал Васиштха.— Редко встречал я в каком-нибудь из миров, ниже или выше нашего, празднества равные этому по обилию и разнообразию жертвенных даров, по тому высокому духу, что рождали у присутствующих благочестивые приношения Харишчандры, по той царской щедрости, с которой он осыпал подарками гостей и посетителей, да и во всех других отношениях...

В этот момент послышалось прищелкивание языком и чье-то весьма неодобрительное восклицание; боги насторожились. Звуки доносились с той стороны, где сидел Вишвамитра. Все повернулись к нему.

— По-твоему, значит, этот праздник представляет собой нечто из ряда вон выходящее. Немного же нужно, чтобы тебя удивить!

Васиштха взглянул на Вишвамитру и ответил благодушно:

— Каждый согласился бы со мной. Каждый, кто знает, что за человек Харишчандра.

Боги, затаив дыхание, ждали, что будет дальше, потому что столкновение этих двух умов всегда приводило к чему-нибудь интересному.

— Скажи-ка, будь так добр, что он за человек, — не унимался Вишвамитра.

— Ты еще спрашиваешь?

— Конечно, — сказал Вишвамитра, — я люблю, когда меня просвещают.

Васиштха чувствовал, что Вишвамитра рвется в бой, и отвечал с нарочитым спокойствием:

— Если есть живое существо, целиком посвятившее себя служению правде, то его зовут Харишчандра. Эта истина известна, по-моему, во всех мирах, так что тут не о чем говорить.

— А что значит слово «правда»? Неужели из всех людей больше никому нет дела до правды? Будь так добр, объяснись яснее.

— В мыслях, речах и делах нет человека правдивее Харишчандры. Он не отступит от своего слова, чего бы это ему ни стоило.

— Ха-ха! — рассмеялся Вишвамитра. — Известно ли тебе, что у этого самого Харишчандры не было детей, пока он молитвами и жертвами не разжалобил Варуну и не выпросил у него сына, пообещав подарить своего наследника тому же Варуне? И знаешь ли ты, что сделал Харишчандра, когда пришло время выполнить обещание? Он так полюбил своего сына, что ему не захотелось с ним расставаться. Так что мальчику пришлось самому искать себе подходящую замену. В конце концов нашли какого-то несчастного ребенка и наверняка отдали бы его Варуне, не вмешайся я в последнюю минуту.

— Не может быть, чтобы это сделал Харишчандра! Он не из тех, кто берет назад свое слово.

— Давай проверим, — сказал Вишвамитра, и все боги и мудрецы с горячностью поддержали его предложение — оно обещало им, как они надеялись, много интересного.

— Я заставлю его отступиться от своего слова, —

поклялся Вишвамитра,— или откажусь от всех даров, которые я получил в награду за свои труды.

Вишвамитра с жаром принялся за дело и стал искать повода для ссоры с Харишчандрой.

С этого момента действие переносится в Айодхью, все жители которой — крестьяне, ремесленники, торговцы и ученые люди — благодаря мудрому правлению Харишчандры вели мирную радостную и благополучную жизнь. Однажды, объезжая свои владения, Харишчандра увидел рыдающую женщину. Он слез с лошади, остановился перед ней и спросил:

— Из-за чего ты так убиваешься?

— Меня зовут Сиддхи,— сказала она.— Некий Вишвамитра наложил на себя суровую епитимью и думает лишь о том, чтобы мной овладеть, вот из-за чего я так и убиваюсь.

— Овладеть сиддхи — это значит получить в награду какой-нибудь необычайный дар,— объяснил рассказчик.— Тот, кому это удалось, может ходить по воде, или летать по воздуху, или переходить из одного мира в другой, перевоплощаться, переселяться и так далее. Плачущая женщина — здесь символ богини, наделяющей этими способностями, обладания которыми и добивался Вишвамитра, докучавший богине своими неотступными думами. Не спрашивайте меня, почему Харишчандра не догадался, что «Сиддхи» не просто имя, а символ. Я ведь лишь пересказываю то, что рассказали мне самому.

Великодушный Харишчандра принял близко к сердцу горе женщины (продолжал рассказчик) и сказал:

— Утешься, я помогу тебе.

Он отправился на поиски мудреца, погрузившегося в размышления, и нашел его в далекой пещере, где тот сидел, не двигаясь, не принимая пищи, и сосредоточенно думал о даре, который хотел получить. Вывести его из этого состояния было почти невозможно, но царь решился и поднял такой шум, что Вишвамитра очнулся.

Когда мудрец, долгое время предававшийся размышлениям, внезапно возвращается к действительности, ни одному живому существу не надо сразу попадаться ему на глаза. Тому, кто заставил его очнуться,

лучше отойти подальше, чтобы мудрец мог исподволь разглядеть его.

Харишчандра держался в отдалении, пока до него не долетел громоподобный возглас:

— Кто осмелился потревожить меня?

Тогда он смиренно приблизился к Вишвамитре, поздоровался с ним и сказал:

— О мудрец, испепели меня, но перестань терзать женщину по имени Сиддхи. Люди не должны мучить себе подобных.

Вишвамитре только это и было нужно. Он рвался в бой и искал повода, чтобы объявить войну Харишчандре. «Испепелить тебя? К чему такая спешка?» — подумал он и сказал:

— Мне очень приятно, что ты так заботишься о благоденствии своих подданных. Я выполню твою просьбу, иди с миром.

И, наверное, добавил про себя: «Если тебе это удастся».

Царь попрощался с ним и, радуясь одержанной победе, отправился назад в город. Но едва он вошел в городские ворота, как к нему подбежали гонцы.

— О царь! — кричали они.— Мы все тебя ищем. Какой-то неведомый зверь мечется по городу... Зверь сокрушает все на своем пути...

— Зверь! Зверь! Что за зверь? — рассердился царь.

— Он похож на дикого кабана, у него клыки, острые как меч, он скачет и мчится и мелькает то здесь, то там, как молния. Ему неведом страх, в одну секунду он уничтожает все без разбора: людей, деревья, скот; он уже опустошил все огороды, сады и поля. У нас не осталось ни одного хлебного колоса.

Царь решил, что гонцы преувеличивают. Но когда он увидел, что сталось с городом, его охватил страх. Никто не мог уследить за зверем, который появлялся то там, то тут — повсюду, и со всех сторон сбегались люди с новыми известиями. Детей заперли в домах, женщины боялись пойти на реку за водой, мужчины, у которых хватало сил, вооружались тяжелыми топорами, кольями, железными брусьями и шли по улицам, настороженно оглядываясь по сторонам. Это зрелище потрясло царя.

— Созовите всех наших охотников,— приказал он,— пусть приготовятся и позаботятся об оружии...

Сам он поспешил вернуться во дворец, попрощался с царицей, подкрепился и уже через несколько минут был во всеоружии: с копьем, мечом, луком и стрелами и всем прочим, чем можно изрубить, заколоть, пронзить и уничтожить неуловимого врага.

После многочасовых поисков Харишчандра наконец увидел зверя, который выскочил из-под моста на северной окраине города. Это был дикий кабан, видимо какой-то особой породы, черный, как смоль, величиной со слона; его клыки сверкали на солнце, а хрюканье вызывало дрожь. Плотно натянутая шкура кабана отливала темным глянцем и делала его похожим на глыбу гранита.

Царь послал в зверя свою самую быструю стрелу, но она отскочила, не причинив ему ни малейшего вреда. Он метнул дротик, но дротик тоже отскочил. Кабан затеял игру в прятки с полчищем охотников, которые преследовали его верхом на лошадях, пешком и как придется. Он то появлялся в городе, то исчезал, круша и уничтожая все, что попадалось ему на пути. Несмотря на свою необычайную силу, кабан проявлял удивительную хитрость и избегал столкновений с охотниками. А они ничего не могли с ним поделать: он был неуязвим для их оружия. Казалось, что кабан заколдован. Уставали только охотники. Сначала один, потом другой, а потом и целыми группами они бросали оружие, и вот уже царя покинули все его спутники и он остался один.

Темная туша продиралась сквозь лесную чащу, взбиралась на холмы и спускалась в долины, она притягивала его к себе, как магнит, и вела все вперед и вперед, пока не исчезла из виду. Царь сел на большой камень; солнце пекло невыносимо, ноги его ныли, ему хотелось пить, он изнемогал от усталости, так как хитроумные маневры кабана заставили его спешиться и он потерял лошадь. Царь понял, что потерпел поражение; он мечтал только о тени и о глотке воды. Ни о чем другом он больше не мог думать. Харишчандра не представлял себе, где он находится, хотя знал вдоль и поперек все окрестные холмы и самые запутанные тропинки в лесу. Его так измучила охота, что

он забыл о дичи, которую преследовал. Он сидел на камне, вытирал пот со лба концом шейного платка и никак не мог отдышаться.

Вдруг перед ним появился почтенный старец с лицом, излучавшим святость, один вид которого внушал благоговение. Не дожидаясь вопросов Харишчандры, он сказал:

— О царь, я знаю, что тебя мучит жажда. Пройди немного вперед, потом поверни налево, а когда увидишь рощу...

И он рассказал Харишчандре, как отыскать небольшое озерцо, скрытое в скалах.

Царь нашел озеро и не мог не залюбоваться его красотой: вода в озере была так прозрачна, что он видел белые камешки, устилавшие дно. Харишчандра утолил жажду, а почтенный старец помог ему утолить голод; он поставил перед ним корзину с фруктами, сам сел на камень и, глядя, как царь подкрепляется, сказал:

— Вот еще одно доказательство того, что вера спасает от гибели. Если же ты преследуешь дикого кабана, лучше на это время самому превратиться в дикого кабана,— продолжал он и углубился в философские рассуждения о превращениях.

А царь, утолив голод и жажду, сидел на прохладном камне и смотрел на святого человека с чувством благоговения и глубокой благодарности.

— Охота привела меня в отчаянье,— сказал он,— но ты появился в этой пустыне, как посланец бога, и вдохнул в меня жизнь, дав пищу моему телу и моей душе. Я не знаю, известно ли тебе, кто я...

— Это не имеет значения,— сказал святой.

— Как бы то ни было, дай мне возможность отблагодарить тебя не только за то, что ты сделал для меня, но и за то, что ты святой человек, за то, что ты почтил меня своим появлением.

Это были те слова, которых ждал святой, ведь перед Харишчандрой сидел не кто иной, как Вишвамитра. Он уже не один раз пытался заманить Харишчандру в ловушку, и наконец это ему удалось. Сначала он подстроил встречу Харишчандры с Сиддхи, потом подослал к нему дикого кабана, им же созданного, а теперь явился сам под видом мудреца, излучавшего свя-

тость. Вишвамитра обладал почти безграничным могуществом, он мог создать что угодно и где угодно. Испытания Харишчандры начались.

— О царь,— сказал мудрец.— Я знаю, кто ты. Я ценю твое стремление отблагодарить меня. Что ж я могу попросить у тебя?

— Все что хочешь,— простодушно ответил царь.

— Хорошо, я скажу тебе, чего я хочу, но прежде приготовься, как положено, к тому, чтобы сделать подарок: соверши омовение и вернись сюда, когда прочтешь вечерние молитвы.

— Как прикажешь,— сказал царь, покоренный этим удивительным человеком.

Он подошел к водоему, совершил положенное омовение, прочитал молитвы и вернулся к мудрецу, который сидел на камне с закрытыми глазами и предавался размышлениям.

— О, господин,— сказал Харишчандра,— я готов исполнить твое приказание. Что подарить тебе?

— Твое царство и казну, все твои украшения и одежду, а также все украшения твоей жены и твоего сына. Жена и сын могут остаться с тобой, но ты должен немедленно покинуть Айодхью.

— Я согласен,— сказал царь.

На этот раз Харишчандра вернулся в Айодхью только для того, чтобы исполнить свой долг царя и покончить с делами. Вскоре он расстался со всем своим имуществом, его жена Чандрамати сделала то же самое, а сын вынул даже серьги из ушей. Вишвамитра не отходил от них ни на шаг и следил за тем, чтобы они не унесли с собой какую-нибудь безделушку. Опечаленные жители толпой шли за царем по улицам города.

А Вишвамитра не удовлетворился тем, что он получил, и сказал:

— Харишчандра, разве ты не знаешь, что все твои подарки не стоят ломаного гроша, если ты даришь их не так, как принято? Что же это за подарки, если ты не предлагаешь дакшину?

— Да, это верно,— сказал царь,— но у меня сейчас ничего нет, назначь мне какой-нибудь срок, и все, что я заработаю за это время, я отдам тебе.

— Хорошо, даю тебе ровно тридцать дней.

Жители Айодхьи с плачем проводили царя до ворот города и вернулись назад. А Харишчандра с женой и сыном пошел по направлению к Каши (Бенаресу), мирному городу, принадлежавшему самому богу Ишваре. Там он поселился в одной из богаделен, стоявших на берегу реки, и существовал на милостыню, которую раздавали у ворот храма. Нечего и говорить, что жена и сын безропотно делили с ним все невзгоды.

Харишчандра мирно прожил в Каши двадцать восемь дней. На двадцать девятый день, когда они всей семьей сидели на берегу реки, любуясь переливами воды, Вишвамитра появился снова и напомнил:

— Завтра последний день, я не могу больше ждать уплаты дакшины. Откуда ты собираешься взять примерно...— начал он и, сделав необходимые расчеты, назвал цифру, которая поразила Харишчандру до глубины души, хотя она действительно составляла десятую часть его доходов за то время, что он был царем.

Но тут за спиной Вишвамитры появился какой-то брахман и сказал:

— Мне нужна женщина, чтобы заниматься хозяйством и смотреть за порядком в доме. Я готов купить вот эту, если она продается.

— О мой муж,— сказала Чандрамати,— продай меня, сколько бы я ни стоила, если только это поможет тебе уплатить долг.

И сейчас же раздался слабый голос сына:

— Возьми меня тоже, пожалуйста, заплати за меня, сколько я стою. Позволь мне хотя немного помочь отцу!

Харишчандра, стиснув зубы, продал жену и сына, получил одиннадцать крор (больше ста миллионов золотых монет) и отдал их Вишвамитре, который с невозмутимым видом ждал тут же рядом. Мудрец получил одиннадцать крор золотом и сказал:

— Это еще не все. Готов ли ты заплатить остальное завтра до захода солнца? Если ты не можешь сдержать свое слово, то вправе сказать об этом.

— Раз я должен заплатить, значит заплачу,— сказал Харишчандра,— ни о каких отговорках не может быть и речи.

В этот момент появился какой-то свирепый чандала.

— Я глава чандалов,— сказал он,— под моим присмотром находятся все бойни и все участки, на которых сжигают умерших, мои люди подметают улицы. чистят выгребные ямы, убирают трупы и сжигают их на берегу реки. Мне нужен человек, который будет делать все, что я прикажу. Если ты согласен, я заплачу тебе...

И он назвал сумму, которой не хватало Харишчандре, чтобы расплатиться с Вишвамитрой.

Вишвамитра взял деньги и удалился. Боги на небесах, наблюдавшие за всем происходящим, так обрадовались, что осыпали Харишчандру цветами; они не дали ему узреть себя, но громогласно благословили его стойкость. А новый хозяин приказал Харишчандре заняться сжиганием трупов.

Чандрамати рассталась с мужем; теперь ее единственным утешением был сын, который остался с ней. Брахман, купивший ее, был богатым человеком, он жил в большом доме, держал множество слуг и никому из них не платил денег даром. Чандрамати выполняла самую разную работу. Она вставала в четыре часа утра, подметала и мыла полы, чистила кастрюли, смотрела за скотом, поливала огород, разжигала огонь, грела воду для всех членов семьи и ходила к роднику стирать белье. Ей приходилось заботиться о многочисленных детях, и, если один из них начинал плакать или был чем-нибудь недоволен, она немедленно бежала к нему. Чандрамати садилась за стол последняя, у самой двери, тарелкой ей служил сухой лист. У ее сына тоже было много обязанностей, и ей удавалось поговорить с ним только поздно ночью, когда они лежали на своих циновках, которые им разрешали стелить в помещении для слуг рядом с загоном для скота. Иногда хозяин сурово бранил Чандрамати за какое-нибудь упущение, иногда несколько дней не обращал на нее внимания, а иногда бросал ей ласковое слово. Днем она редко видела сына, потому что его часто отсылали с разными поручениями.

Однажды его послали в лес за ветками смоковницы для священного костра; настал вечер, но он не вер-

нулся. Двое маленьких пастухов пришли в дом брахмана и сказали Чандрамати:

— Мы пасли скот в лесу и видели под смоковницей мертвого мальчика; его, наверное, укусила кобра, потому что он весь посинел. Похоже, что это твой сын. Прости нас.

Чандрамати не могла сдержать рыданий. Хозяин тут же подбежал к ней и встревоженно спросил:

— Что за плач в такое время? Разве ты не знаешь, что сегодня пятница и в сумерках не должен раздаваться ни один неподобающий звук? Ты погубишь всю мою семью, если сейчас же не успокоишься. Замолчи, женщина! Не нужно мне было брать тебя в дом, раз у тебя такой неблагоприятный гороскоп.

Узнав, из-за чего она плачет, брахман спокойно заметил:

— Что поделаешь, в лесу надо соблюдать осторожность. Мальчик, наверное, шел не разбирая дороги.

Чандрамати попросила разрешения пойти с пастухами, чтобы посмотреть, правда ли мертвый ребенок — ее сын.

— Хорошо,— сказал брахман,— но только закончи раньше все дела. Ничего не изменится от того, что ты пойдешь туда сию же минуту. Что ты можешь сделать? Завтра у нас священный праздник, мы не можем его отложить. Кончай работу и иди... Не забудь только вернуться к пяти утра.

Чандрамати отнеслась к приказанию брахмана как к одному из посланных ей испытаний и трудилась до полуночи; только тогда пастухи отвели ее в лес, на то место, где лежал труп мальчика.

Стражники услышали, что в лесу кто-то жалобно причитает, они пошли на голос и увидели Чандрамати, которая плакала над телом сына. Стражники приблизились к ней и спросили:

Как тебя зовут, женщина? Почему ты оказалась в лесу в такой поздний час? Зачем принесла сюда мертвое тело?

Чандрамати не слышала их слов и ничего им не ответила. Она лишь мельком взглянула на них и продолжала свои горестные жалобы.

— Наверное, это какая-нибудь колдунья,— зашеп-

тали стражники,— видно, она украла этого несчастного мальчика и высосала из него всю кровь. Наверное, она хочет отвести подозрения, вот и притворяется, что так горюет.

Они снова заговорили с ней и снова безуспешно.

— Разве кто-нибудь из наших женщин осмелится остаться в лесу в такое время? Это наверняка ведьма.

Один из стражников отошел подальше и ткнул Чандрамати острым концом пики. Чандрамати не шелохнулась, она перестала чувствовать физическую боль. Тогда стражники окончательно убедились, что перед ними не обычная женщина. Не говоря ни слова, они набросились на Чандрамати, связали ее веревками и привели к своему хозяину, который оказался человеком, купившим Харишчандру.

Чандала выслушал жалобы стражников, допросил Чандрамати, но так и не понял, почему она сжимала в объятиях мертвое тело.

— Она накличет на нас беду, я знаю,— объявил он.— Пусть ее смерть всем послужит уроком. Таким женщинам нечего делать в нашем благочестивом городе. Позовите моего нового слугу.

Харишчандра явился и услышал:

— Отведи эту женщину на берег реки и отруби ей голову.

— Убить женщину! — воскликнул Харишчандра.— О, прикажи мне что хочешь. Я готов воевать, убивать твоих врагов, если они у тебя есть. Я согласен делать что угодно, только не заставляй меня причинять зло женщине.

— Делай, что я тебе велел,— сказал чандала.— Я купил тебя за такие непомерные деньги не для того, чтобы ты со мной спорил. Уведи ее, как тебе сказано.

— Прошу тебя, избавь меня от этого испытания,— молил Харишчандра.

— Я согласился взять тебя, потому что ты обещал беспрекословно выполнять мои приказания. Ты помнишь? Покорность — первое условие нашего договора. Разве не так? Делай, что тебе сказали. Или ты хочешь, чтобы из-за этой ведьмы погибло еще несколько детей в нашем городе?

— Хорошо,— мрачно сказал Харишчандра,— я выполню твое приказание.

Он велел женщине идти на берег реки, где ему предстояло обезглавить ее и сжечь. Ей пришлось самой нести свою ношу — труп сына.

Харишчандра выполнял свой долг, как слепец, в буквальном смысле этого слова: он закрыл глаза, чтобы не видеть женщину, и усилием воли заставил себя не обращать внимания ни на что вокруг. Взяв в руки острый меч, он подошел к месту казни. Чандрамати встала перед ним на колени. Было так темно, что он не видел ее лица. Его душа плакала и молила небеса о прощении, но внезапно он опомнился: «Прощение? А заслужил ли я прощение?»

— Это мой единственный ребенок. Позволь мне перед смертью предать огню его тело,— попросила женщина.— Ты убьешь меня через несколько минут, помоги мне раньше сложить костер.

— Так и быть,— согласился Харишчандра.— Но мой хозяин берет плату за каждого, кого сжигают на этой земле. Ты должна сначала заплатить, а потом уж мы сожжем твоего сына.

— Увы,— сказала женщина,— у меня нет ни денег, ни драгоценностей.

— Но я вижу золотую цепочку у тебя на шее. Ты можешь отдать цепочку.

Чандрамати подняла глаза и в мерцающем свете факела стала пристально разглядывать Харишчандру. Она знала, что при рождении ей на шею надели священную тхали *, которую не мог увидеть никто, кроме ее мужа.

Узнав друг друга, Харишчандра и Чандрамати решили сжечь себя на том же погребальном костре, на котором сгорит их сын; им больше не для чего было жить. Но в ту минуту, когда они ступили в огонь, боги на небесах поняли, что нельзя дольше испытывать их стойкие души. С неба посыпались цветы, потоки нектара погасили огонь, и послышался глас небесный:

— Ваши испытания окончены. Вы победили.

Тогда появился безжалостный мучитель Вишвамитра.

— Харишчандра, ты не один раз посрамил меня.

---

* Тхали — священная цепочка или нитка бус.

Никто, кроме тебя, не вынес бы таких мучений. Все, кто причиняли тебе зло,— чандала, брахман, кобра, укусившая твоего сына, дикий кабан и Сиддхи — все они созданы мной, они делали то, что я им приказывал, произносили те слова, которые я велел им произносить, и изо всех сил старались заставить тебя хотя бы один раз нарушить слово. Я причинил тебе много зла. Но теперь я возвращаю тебе сына.

Сын очнулся как будто ото сна и поднялся на ноги.

— Ступай назад в свое царство,— продолжал мудрец,— и управляй им, как великий царь, потому что ты и впрямь великий царь. Я с радостью признаю свое поражение. Мне предстоит начать сначала мое духовное усовершенствование, чтобы снова достигнуть того могущества, которым я теперь от чистого сердца награждаю тебя.

Шиби

Сегодня на небе молодая луна, она зайдет сразу после полуночи, начал рассказчик. Я выберу сказку покороче и кончу до того, как луна исчезнет, чтобы вам не пришлось возвращаться домой в полной темноте.

Это сказка о царе и двух птицах. Царя звали Шиби, он только что совершил священное жертвоприношение на берегу Джамны. Праздничный пир окончился, и гости отдыхали в тени деревьев. Воздух был напоен ароматом цветов и запахом ладана. Шиби обходил лагерь паломников, чтобы удостовериться, что все устроены наилучшим образом. С юга дул прохладный ветерок, стайки облаков смягчали лучи солнца, безжалостно сверкавшего на голубом небе. Красные угли священного костра меркли и подергивались серым налетом золы.

Убедившись, что все гости довольны, царь отпустил слуг и решил отдохнуть под тентом, натянутым в том уголке лагеря, который был отведен для него

самого. В полудреме он смежил веки, но все еще продолжал молиться, как вдруг лицо его обдало ветром и что-то упало к нему на колени. Шиби очнулся и увидел, что в его одежду зарылась голубка, белая и мягкая. Птичка в ужасе взъерошила перья и закрыла глаза. Ее тело совсем обмякло, и Шиби решил, что она умерла. Но тут он почувствовал слабое дуновение — птица дышала. Шиби сидел не шевелясь, чтобы не спугнуть ее, и искал глазами слугу.

В это время ястреб, который преследовал голубку, ринулся вниз и уселся на нижней ветке дерева рядом с тентом.

— Наконец-то! — воскликнул ястреб.— Что это за игра в прятки!

— В чем дело? — спросил царь.

— Я говорю вон с тем созданием, которое сидит у тебя на коленях. Меня еще никогда так не дурачили! Если тому, кого называют царем птиц, придется добывать каждый кусок мяса с таким трудом, что же это будет за жизнь! Как царь царю должен сказать тебе, что голубка, которая сидит у тебя на коленях, принадлежит мне. Брось ее сюда.

Царь обдумал слова ястреба.

— Я, конечно, польщен визитом царя птиц,— сказал он,— но до сих пор я считал царем птиц орла.

— Перед тобой ястреб, а не коршун. Ты бы мог знать, что ястребы принадлежат к царскому орлиному роду, в то время как коршуны — всего лишь карикатура на нашу семью, потому что вся их жизнь построена на обмане, и во время охоты они притворяются, что сами не больше жертвы, на которую нападают. Сколько раз коршуна принимали за голубку!

Шиби хотел отвлечь ястреба от разговора о голубках, поэтому он сказал:

— К тому же коршун, когда летит, часто пропадает из виду, и ты не должен обижаться, что нам, существам, привязанным к земле, кажется, будто коршуны парят в той же заоблачной вышине, что и ястребы.

Ястреб поточил нос о ствол дерева, приподнял лапу, чтобы царь мог полюбоваться его когтями, и продолжал:

— Мне жаль, что люди так заблуждаются. Конечно, коршуны умеют летать, но не выше первой гряды

облаков. А вы-то думаете, что они резвятся на небесах! Единственное, что нас с ними объединяет,— это острый изогнутый клюв, только и всего, но в отличие от нас коршуны питаются мелкими беззащитными существами вроде мышей и воробьев, на которых мы просто не обращаем внимания.

Царь заметил, что разговор снова начал переходить на еду, и вновь отвлек внимание ястреба.

— У нас все считают царем птиц орла,— сказал он.

— До чего же невежественны люди! — с презрением рассмеялся ястреб.— Почему орлы снискали у вас такое уважение? Я никогда этого не смогу понять. За что их так превозносят? За величину крыльев? Вы, люди, придаете слишком большое значение внешности. Ведь вы знаете, что ястребы могут летать так же высоко, как орлы. И все-таки нисколько нас не цените.

— Ты не должен порицать нас за это,— сказал царь,— мы судим о вас, глядя с земли. Впредь я буду осмотрительнее.

Ястреб обрадовался этой уступке и спросил:

— Видел ты когда-нибудь, как горный орел ходит по земле? Можно ли представить себе более нелепое зрелище? Ты согласен, что царственность проявляется прежде всего в грациозности походки? Этим даром владеем только мы, ястребы.

— Конечно, конечно,— поспешно согласился царь.— Я замечал, что, направляясь из спальни в ванную, вышагиваю как будто на параде, даже ночью, когда рядом никого нет.

Царь засмеялся, чтобы развеселить ястреба; он подумал, что птице должно быть приятно, что он обращается с ней как с равной. Ястреб и впрямь казался довольным, и царь надеялся, что гордец удовольствуется этим шутливым угощением и улетит.

Голубка встрепенулась у него на коленях, и Шиби поспешил накинуть на нее шелковый платок. Ястреб заметил его маневр и сказал без обиняков:

— Царь, зачем ты ее прячешь? Я все равно знаю, что пища, которую я честно добыл на охоте, лежит у тебя на коленях, и ты без всякого на то права не отдаешь ее мне.

— Эта птица опустилась ко мне на колени в поисках спасения, мой долг — защитить ее,— сказал царь.

— Я готов встретить твой меч и силой отнять свою добычу, если я погибну в этой борьбе, души моих предков благословят меня. Ястребы не знают страха уже многие тысячелетия, да и чего нам бояться? Разве наш прародитель не перенес на своей спине самого бога Вишну?

Царь хотел было снова поправить своего собеседника и сказать ему, что Вишну летел не на ястребе, а на золотом орле, но передумал.

А ястреб опять начал говорить царю, какая он важная птица.

— Тебе, царь, при твоей репутации мудреца не пристало смешивать меня со стервятниками, которые кружатся у тебя над головой. Я-то себе цену знаю,— сказал он, охорашиваясь.

Царь чувствовал, что он тоже должен сделать ястребу какой-нибудь комплимент, и боялся ударить лицом в грязь. Голубка старалась устроиться поудобнее под шелковым платком. Наступила неловкая пауза, царь в страхе ждал, что будет дальше.

И вдруг ястреб сказал:

— Ты пользуешься славой самого справедливого человека на свете. На тебя ложится сейчас огромная ответственность. Подумай о своей репутации. Не забудь, что я умираю от голода, а ты отказываешься отдать мою законную добычу. Твои действия заставляют меня страдать, каждая лишняя секунда, на которую ты удерживаешь у себя этот кусок мяса, причиняет мне боль. Стремясь к самоусовершенствованию, ты совершил немало подвигов, твой дух достиг необычайных высот, и вот сейчас все твои заслуги пойдут прахом из-за одного-единственного эгоистичного поступка, который, быть может, приведет тебя в ад.

— О бесконечно мудрая птица, неужели ты воображаешь, что я не отдаю тебе эту голубку потому, что я эгоист и хочу съесть ее сам?

— Я не настолько глуп,— надменно возразил ястреб.— Говоря о твоем эгоизме, я хочу сказать, что ты думаешь только о своих чувствах и совершенно не считаешься с моими.

— Когда эта голубка упала ко мне на колени и я увидел ужас в ее глазах, я понял, что должен защитить ее, чего бы это мне ни стоило.

— О царь царей, пища — это жизнь, все живое обязано своим существованием прежде всего пище. Что мешает смерти победить жизнь? Пища! Мне дурно от голода. Если ты сейчас же не накормишь меня, я могу умереть. А в расселине вон той скалы моя жена недавно высидела четырех птенцов, она охраняет сейчас наших детей, и все они ждут не дождутся, когда я вернусь. Если я здесь около тебя погибну от голода, они будут высматривать меня и ждать моего возвращения, пока тоже не умрут голодной смертью. И ты будешь виноват в гибели шести живых существ. О махараджа, подумай хорошенько, что лучше — спасти одну жизнь, быть может не очень ценную и почти угасшую, или шесть других жизней? Смотри, как бы поступок, который кажется тебе справедливым, не привел к большей несправедливости. Ты понимаешь это сам, царь, но предпочитаешь не думать о последствиях. Все эти разговоры только утомляют меня и приближают мою смерть. Поэтому избавь меня, пожалуйста, от дальнейших споров.

— Я вижу, что ты необычная птица, — сказал Шиби. — Твои речи мудры и свидетельствуют о широкой осведомленности, ты знаешь все на свете. Твой разум с легкостью воспаряет к недосягаемым высотам мысли. Но скажи мне, ястреб, как могло случиться, что ты сбросил со счетов мой первейший долг по отношению к существу, которое обратилось ко мне за помощью? Разве я, царь, не обязан его защитить?

— Я прошу только о пище; пища для живого существа — то же, что масло для лампы.

— Прекрасно. Посмотри на всех этих людей, лежащих тут и там, они отдыхают после пира, на котором каждому из них были предложены самые разнообразные яства, и было их во много раз больше, чем они могли съесть. Скажи, чего ты хочешь, я в одну минуту устрою такой же пир для тебя.

— Царь, разные существа питаются по-разному. То, что ты называешь яствами, для меня отбросы. Летая над землей, мы наблюдаем за кипучей деятельностью в твоей царской кухне и не перестаем удивляться, зачем вы столько возитесь с приправами и солью да еще разводите огонь ради того, чтобы уничтожить вкус, которым бог наделил мясо. Довольно, царь, я

больше не могу разговаривать. Я голоден, у меня темно в глазах. Подумай немного и обо мне.

— Если ты хочешь мяса, я прикажу, чтобы тебе дали мяса.

Услышав эти слова, ястреб презрительно рассмеялся:

— Посмотри, к чему привели твои рассуждения! Откуда же ты возьмешь мясо, если ты не хочешь никого убивать? Как только ты решил вмешаться в замысел бога, все сразу запуталось.

— В чем же состоит замысел бога? Скажи мне, будь так добр!

— Голубки предназначаются для меня; когда бог создавал голубок, он не преследовал никакой иной цели, кроме этой, поэтому он позволил им размножаться с такой быстротой. Разве ты не знаешь древнего изречения «Ястребы пожирают голубок»?

Царь обдумал слова птицы и сказал:

— Если ты откажешься от этой голубки, я обещаю ежедневно предоставлять тебе пищу у меня во дворце на протяжении всей твоей жизни.

— О мой господин, я уже сказал, что твоя пища меня не устраивает. А твое стремление избавить меня от забот о пропитании кажется мне совершенно бессмысленным. Когда мне нужна пища, я охочусь и добываю ее. Я не понимаю, к чему мне беспокоиться о завтрашнем дне. Люди вечно заняты накоплением запасов на много поколений вперед. Нам чужда эта слабость. Я повторяю древнее изречение «Ястребы пожирают голубок»!

Царь погрузился в невеселые размышления, но через несколько мгновений сказал:

— Проси что хочешь, только не эту маленькую птичку, сидящую у меня на коленях. Я не отдам ее, какие бы доводы ты ни приводил.

Ястреб наклонил голову, закатил глаза и проговорил:

— Будь по-твоему. Лучше всего мне попросить тебя вот о чем. Дай мне теплого мяса, сочащегося теплой кровью, и пусть его будет ровно столько, сколько весит эта голубка. Мы употребляем в пищу только свежее мясо, ведь мы не стервятники, позволь мне еще раз тебе напомнить. Насколько я понимаю, ты не

станешь убивать ради этого какое-нибудь живое существо, так что тебе придется вырезать кусок мяса из своего собственного тела.

Царь задумался.

— Я согласен, но мне надо решить, из какой части тела вырезать этот кусок мяса, чтобы не убить самого себя. Дай мне немного времени. Смири ненадолго свой голод. Правитель не волен искать смерти,— добавил он.— От него зависит слишком много людей.

— Точно так же, как от меня зависит моя семья,— возразил ястреб.

Царь подозвал слугу:

— Подай весы.

— Великий царь, где же в этом удаленном месте можно достать весы? — в замешательстве проговорил слуга.

— Мне нужны точные весы,— повторил царь.

— Разреши послать гонца в город.

— Сколько нужно времени, чтобы дождаться его возвращения? — спросил царь.

Слуга быстро произвел необходимые расчеты и объявил:

— Если лошадь будет мчаться рысью, то гонец вернется завтра на заре.

Царь посмотрел на ястреба, тот, казалось, едва дышал. Царю не хотелось, чтобы ястреб снова начал рассказывать ему о жене и детях, которые ждут его в горах. Настало время покончить с этой историей и накормить беглянку, дрожавшую у него на коленях.

— Немедленно сделать весы из того, что найдется под руками. Даю тебе на это десять минут,— приказал царь.

— А если приказ не будет выполнен, голова с с плеч, верно? — усмехнулся ястреб.— Вот что значит вести себя по-царски. Но я должен тебя предупредить, что отрубленные головы меня не интересуют.

— Ты получишь кусок моего собственного тела, можешь не сомневаться,— сказал царь.

Слуги поспешно взялись за дело. Теперь уже весь лагерь пришел в волнение и следил за необыкновенным поединком между царем и ястребом. Из ветки дерева слуги сделали коромысло. На концах коромысла подвесили тарелки, которые нашлись на кухне, смас-

терили стрелку и прикрепили ее к середине коромысла.

Царь взглянул на ястреба и сказал:

— Ничего лучшего у нас сейчас не нашлось.

— Понимаю. Небольшая неточность не имеет значения. Я просто не хочу, чтобы ты отдал больше, чем весит голубка, так как...

Но царь не дослушал ястреба и встал, держа голубку в руке. Он подошел к самодельным весам, чтобы проверить, хорошо ли они работают.

— Может быть, ты хочешь подлететь поближе? — спросил он у ястреба.

— Мне видно и отсюда. К тому же я вполне тебе доверяю.

Царь посадил голубку на правую тарелку, которая начала стремительно опускаться, что показалось ему странным — когда голубка сидела у него на коленях, она казалась невесомой.

Но царь не стал тратить время на размышления. Он опустился на землю, вытянул ногу, прочел короткую молитву и острым ножом разрезал бедро. Придворные и гости, собравшиеся вокруг него, застонали при виде крови. Царь заскрежетал зубами, вырвал кусок собственного мяса и бросил его на весы.

Тарелка окрасилась кровью, но стрелка не шелохнулась. Кто-то стал бранить голубку.

— Сколько весит только тело, покинутое душой. Она, наверное, умерла, посмотрите, не мертва ли она.

Кто-то добавил:

— Снимите ее с весов и швырните ястребу, покончите с этим несчастным созданием.

Царь слишком ослабел и не мог говорить, он сделал знак, чтобы все замолчали. От его правого бедра не осталось ничего, кроме кожи. Весы оставались в том же положении. Царь вырезáл все новые и новые куски из своего левого бедра; стрелка не двигалась. Люди опускали глаза, чтобы не видеть этого кровавого зрелища. Ястреб смотрел на царя, не скрывая неодобрения.

— О птица, возьми все это мясо и улетай! — кричали вокруг.

— Мне обещали столько мяса, сколько весит голубка,— стоял на своем ястреб; тогда собравшиеся

начали осыпать его проклятиями, мужчины выхватили мечи.

Царь, теряя сознание от боли, собрал последние силы и приказал своим гостям и слугам сохранять спокойствие. Он знаком подозвал первого министра.

— Человек не имеет права самовольно лишать себя жизни, но того, что происходит сейчас, никто не мог предвидеть. Мне придется дойти до конца, даже если меня ожидает ад,— сказал он.

Все присутствующие с ненавистью посмотрели на голубку.

— Пока принц не достигнет нужного возраста, страной будет управлять мой брат,— завещал царь.

Произнеся эти слова, царь с огромным трудом поднялся на ноги и взошел на чашу весов, уже наполненную кусками его собственного мяса. Другая чаша тут же начала подниматься вверх, и на весах установилось равновесие.

Тогда ястреб подлетел поближе и сказал:

— Здесь больше, чем нужно для меня и моей семьи. Разве я смогу унести тебя в горы?

— Я не подумал об этом,— едва слышно сказал царь и добавил: — Голубку ты тоже не смог бы поднять. Тебе остается только пригласить сюда свою семью.

Ястреб захлопал крыльями, взмыл в воздух и ринулся вниз, как будто хотел вонзить клюв в тело царя. Люди закрыли глаза, чтобы не видеть происходящего. Но в эту минуту воздух наполнился звуками божественной музыки. Ястреб исчез, и вместо него появился Индра, вооруженный брильянтовым копьем, в ослепительной короне на голове; он взял Шиби за руку и помог ему сойти с весов. В чаше, где лежала голубка, вспыхнуло пламя, и из него появился бог огня.

— О царь,— сказали боги,— мы подвергли тебя суровому испытанию. Мы усомнились в твоей честности и счастливы, что оказались не правы. Прими наше благословение и знай, что, пока люди будут помнить о твоем подвиге, они будут обладать частичкой тех духовных богатств, которыми обладал ты.

С этими словами боги исчезли. Царь в ту же минуту обрел прежние силы, а куски мяса, лежавшие в чаше весов, превратились в благоухающие цветы.

Несколько слов о космогонии

*Мир героев индийской мифологии состоит из семи островов и семи морей. Острова называются двипа, главным из них считается Джамбудвипа. Посредине этого острова стоит золотая гора Меру. Она возвышается на 84 000 йоджан * над землей и уходит на 16 000 йоджан под землю; ее диаметр на вершине равен 32 000 йоджанам, а у основания — 16 000 йоджанам, так что по форме она напоминает цветок лотоса. На вершине Меру, в самом ее центре, находится город Брахмы, он занимает 14 000 лиг **, а вокруг — на севере, на юге, на западе и на востоке — располагается город Индры.*

Толщина земли равна примерно 70 000 йоджанам, в ее глуби один под другим расположены семь нижних миров — Патала. Они населены асурами и полубожественными существами, в том числе якшасами и дханавасами; каждый из этих миров имеет свое название (Атала, Витала, Нитала и так далее). Под семью мирами покоятся кольца черной змеи, тысяча голов которой служат опорой всей Вселенной. Имя этой змеи — Шеша; бог Вишну любит отдыхать на ложе из ее колец. Под землей и водой и всеми мирами располагаются 28 ярусов ада, где владычествует Яма; здесь хранятся инструменты пыток и горит огонь, на котором поджаривают грешников.

Земля, или Бхурлока, со всеми своими океанами и горами занимает ровно то пространство, на которое попадает свет, излучаемый Солнцем и Луной. Над Землей возвышается небесная сфера, которая доходит до планет. Солнце находится на расстоянии 100 лиг от Земли, за ним расположены Венера (Шук-

* Одна йоджана равна примерно 14 *км*.
** Одна лига равна примерно 5 *км*.

ра), Марс (Куджа) и другие планеты. Мир Семи мудрецов (Большая Медведица) лежит на расстоянии 100 000 лиг от Сатурна, и на таком же расстоянии от их мира находится Дхрува (Полярная звезда), являющаяся центром всей планетарной системы. В 10 000 000 лиг от Дхрувы живут святые, их мир называется Махарлока. в 20 000 000 лиг от Дхрувы в Джанарлоке живут сыновья Брахмы. В 40 000 000 лиг от Дхрувы размещается Тополока (Мир покаяния), в котором обитают божества, а в 6 000 000 лиг от Дхрувы находится Сатьялока (Мир вечной истины).*

Все миры окружены божественной космической оболочкой. С внешней стороны вокруг этой оболочки плещется вода, толща ее в десять раз превышает диаметр Земли. Вся эта масса воды окружена огнем, огонь — воздухом, воздух — разумом, а разум — субстанцией, которая является источником всего сущего. И завершает всю эту конструкцию Высший принцип, который управляет движением всех миров, а сам является бесконечным и неизмеримым.

Но хотя подобное устройство мира, в том виде, в каком мы можем его себе представить, читая пураны, поражает грандиозностью и разнообразием форм, оно несовместимо с законами картографии и потому не поддается графическому изображению.

---

* Мы позволили себе внести здесь незначительное исправление по капитальному труду W. Kirfel, Kosmographie der Inder, Bonn u. Leipzig, 1920. *(Прим. ред.)*

Указатель

«Абхиджнянашакунтала» 223
аватара 18, 56
Агни 19, 150, 179, 181, 182
Адикави 136
Адишеша (Шеша) 75
Айодхья 90, 113, 115, 150, 153, 228, 230, 234, 235
Айравата 100
Акампана 115, 116
Алакапури 111, 112
Амбариша 90—92
Анасья 223
Ангада 132
Араньяка 113
Арджуна 156—160, 165, 169, 172—174
асура 14, 41, 42, 44, 56, 57, 60, 62, 71, 75, 103, 249
Атала 249
Ахалья 58
Ашвапати 193—195
Ашвины 19, 158, 195
Ашокавана 120, 123
ашрама 15, 72, 73, 75, 80, 81, 86, 119, 145, 148, 149, 151—153, 216—218

Бенарес (Каши) 235
Брахма 12, 14, 18, 56, 59, 60, 69, 82, 83, 90, 93—100, 105, 109, 110, 114, 117, 120, 135, 148, 154, 249, 250
брахма астра 80, 81, 124, 135, 136
брахма данда 82, 85
брахман 138—141, 160, 164—166, 212, 235—237, 240
брахма риши 82, 83, 86, 94
Брихаспати 18, 41, 58, 59
Будха́ 250
«Бхагавадгита» 174
«Бхагавата» 9, 18, 75
Бхарата (сын Шакунталы) 222
Бхарата (брат Рамы) 147, 181
Бхарата (см. Ковалан) 213
Бхасмасура 60
Бхима (один из Пандавов) 19, 156—158, 165, 169, 170, 172—174, 176
Бхима (царь) 176, 179, 180, 182, 188
Бхумилока 249
бхога 38

ваджра 59
Ваджранга 99
Вайвасвати 199
Вайкунтха 18, 59
Вайхей 205
Вали 114, 131, 132
Валмики 7, 14, 16, 107, 136, 137, 141, 145, 148, 149, 152—155
Варуна 19, 59, 179, 181, 229
Васанта 98, 99, 102, 104
Васиштха 72—76, 78—88, 93, 94, 147, 215, 228, 229
вахана 59
Ваю 19, 158, 215
Ведавати 113
веды 10, 11, 13, 14, 140
Вибхишана 108, 110, 125, 128, 129, 131, 135, 150
Видарбха 176—180, 189, 190
ви́на 194
Вирата 173
Витала 249
Вишвамитра 7, 55, 71, 83—94, 146, 147, 185, 214—217, 228—231, 233—236, 239
Вишну 14, 18, 59—61, 100, 113, 137, 146, 154, 172, 242, 249
Вришапарван 41, 44, 46
Вьяса 15, 18, 161, 163

Ганг 145, 151, 214, 220
Гандива 172
гандхарвы 38, 218, 221
Ганеша 15, 18
Гаруда 59, 133
Гаутама 58
Гаутамай 224
Гималаи 94, 98, 101, 111, 112
Годавари 138, 139
гуру 34, 40

Дакша 18, 96, 97
дакшина 75, 234, 235
Дамаянти 175—186, 188—192
данавы 249
Дандада 115, 116
Дашагрива 108
Дашаратха 115, 146—148
Двапара 19, 182
Двапараюга 13, 105, 106
двипа 249
Деваяни 41—51
Деви 7, 55, 61, 65—67, 69—71
«Девибхагавата пурана» 7
Джамбудвипа 249
Джамна 220, 240
Джанака 115, 147
Джанарлока 250
дживанмукта 40
Диргхапанга 224
Драупади 7, 16, 107, 155—160, 163—174, 176
Друпада 163, 165
Дурваса 36, 38, 223, 224
Дурйодхана 164, 166—174
Духшасана 170, 171, 173
Душьянта 216—219, 221—223, 225, 226
дхарма 199
дхоти 138
Дхрува 250

«Жизнеописания» 223

Икшваку 84, 85, 113, 136, 146, 150
Индия 123, 136, 222
Индийский океан 201
Индра 14, 18, 36, 38, 39, 41, 44, 53, 57—59, 87, 89, 92, 93, 99, 100, 125, 135, 157, 158, 165, 179—182, 202, 214, 215, 219, 225, 228, 248
Индраджит 124, 132, 135
Индрапрастха 166, 167, 170, 171
Ишвара 13, 18, 80, 82, 96—102, 162, 235

йог 77, 89
«Йогавасиштха» 7
Йоджана 249

Кавери 201
Кайкаси 108
Кайкея 147
Кайласа 18, 59, 98, 101, 102, 104, 108, 113, 124, 150
Кама (см. Манматха) 19, 96
Камадхену 75, 100
Кали (бог) 182, 186
Кали (богиня) 19, 211
Калидаса 223, 225
Калиюга 13
Канва 214, 216—221, 223
Каннахи 175, 201, 203—206, 209—214
Канники 141
карма 12
Карна 164
Кауравы 160, 163, 164, 166—168
Кача 41, 42, 43
Каши 235
кесари 96
Кишкиндха 114
Ковалан 201—210, 213
Критаюга 13
Кришна 18, 171—174, 209
кродха 39, 93
крор 235
крунч 148
Кубера 109—112, 125
Куджа 250
Кумбха 34—37, 40
Кумбхакарна 108, 110, 130, 133—135
Кунти 156—159, 165
куравей 209
Курукшетра 174
Куша 137, 149, 153, 154
кшатрий 26, 78, 82, 86, 165

Лава 137, 149, 153, 154
Лавана 7, 21—28, 31
Лакшмана 116—118, 127, 130, 132—133, 135, 146, 148, 150—153
Лакшми 18, 60, 155
Ланка 110, 112, 119, 123, 127, 130—132, 149, 154

лига 249

Мадави 201—205
Маданика 38, 39, 40
Мадра 193
Мадура 204, 205, 212
Майя (богиня) 64
Майя (зодчий) 111
малати 63
Малини 214, 217
маллика 98
Мандодари 70, 111, 112, 119, 149
Манматха 7, 16, 19, 55, 95—106, 139, 176, 215
мантра 41—44, 92, 104, 156
Марича 110, 115, 116
«Махабхарата» 7, 9, 14, 15, 18, 19, 161, 223
махараджа 244
Махарлока 250
Махашакти 13, 18
Махиша (Махишасура) 55—71
Менака 92, 214—216, 222, 225
Меру 75, 98, 249
Митхила 147
Мудгалья 161, 162
мухуртхи 124

нага 141
Накула 157
Нала 7, 16, 175—184, 186, 188—193
Налаяни 161—163
Нанди 112, 113, 124
Нарада 14, 104, 113, 114, 145, 146, 148, 179, 194, 195
Нараяна 13, 18
Непала 249
Нишада 176

Пандавы 16, 18, 156—160, 163—169, 171, 173, 174
пандана 203
пандит 10, 11, 14, 16, 17, 22
Панду 158
Пандья 205, 210, 212
паннаги 98, 202
панчалы 159, 163
Парвати 18, 61, 101—106, 112
Патала (нижний мир) 67, 249
патала (цветок) 98
Плутарх 223
Праджапати 18, 96
Приямвада 223
Птолемей 201
Пукар 201, 202, 204—206, 211, 212
пурана 14, 250
Пуру 52
Пушкара (брат Налы) 182, 192, 193
Пушкара (река) 91
Пушпака 112, 150

Равана 7, 16, 60, 107—136, 146, 149
раджа риши 82, 83, 93
раджасуя 166, 167
ракшаса 14, 101, 108, 119, 124, 127, 146, 147
Рама 18, 58, 113, 115—117, 119—123, 125, 127, 128, 130—137, 145—155
«Рамаяна» 7, 9, 11, 14, 18, 19, 107, 136, 137, 145, 149, 153—155
Рамбха 92, 93
Рати 97, 99, 104—106
Ритупарна 187—193
риши 18, 82, 83, 100, 145, 146

Савитри (богиня) 193
Савитри 7, 175, 193—201
садху 138
самадхи 35
саман 35, 108
Сандживини (название мантры) 41, 42
Сандхья 95, 96
сандхья 95
санскрит 9, 10, 16, 148, 149, 186, 222
Сараю 151
Сарасвати 18, 60, 110
Сарвадаман 220
сари 106, 183, 184, 186
Сати 105
Сатьяван 194—201
Сатьялока 60, 250
Саураштра 31
Саути 15
Сахадева 157
сваямвара 16, 147, 163, 165, 174, 178—180, 182, 189

Сиддхи 230, 231, 233, 240
сиддхи 230
Сингапур 213
Сита 113, 115—118, 120—123, 126, 128—135, 147—155
Субрахманья 18, 106
Сугрива 131, 134
Сумали 108
Сурья 19

тале 98
тхали 239
тапас 15, 83, 93, 109, 110
Тамаса 148
Тапалока 250
Тарака 16, 18, 60, 99—102, 106
Третаюга 13
Триджата 133
Трипура 103
Тришанку 83—90, 93, 215

Урайюр 204
Уттар Пандава 22

Хануман 19, 113, 122, 124, 126, 133, 149
Харишчандра 16, 227—239
Хастинапура 164, 166, 173
Хемакута 225
Химаван 101, 104
Хиранья 56

Цейлон 112

чакравака 98
чампака 98
чандала 26, 28, 85—89, 236, 238, 240
Чандрамаги 234—239

Чеди (из рассказа «Вишвамитра») 71, 72
Чеди (из рассказа «Дамаянти») 185, 188, 190
Чудала 7, 16, 21, 31—36, 38—40

Шабала 74—79, 95, 100
Шакти 101
Шакуни 168, 171, 172
Шакунтала 7, 16, 92, 175, 214, 217—226
Шальва 194
Шанкха 138, 139
Шармиштха 44—51
шастры 10, 174
Шекспир 223
Шеша (Адишеша) 249
Шиби 7, 227, 240—242, 244, 248
Шива 14, 18, 59—61, 100—106, 108, 112, 120
«Шива пурана» 7
Шикхидхваджа 31—40
«Шилаппадикарам» 7
циншапа 120, 122, 123
шлока 148
Шонитапура 100
Шукра (Венера) 249
Шукрачарья (учитель асуров) 41—47, 50, 51
Шунахшепа 91—93
Шурпанакха 108, 115

юга 13, 19
Юдхиштхира 157—161, 165, 167—174

якши 249
Яма 19, 59, 96, 114, 158, 175, 179, 181, 197—200, 249
яма данда 114
Яяти 7, 16, 21, 41, 45—53

Содержание

Предисловие 3
Мир рассказчика 8
Боги, имена которых вы встретите в книге . . 18

Часть первая

Лавана 22
Чудала 31
Яяти 41

Часть вторая

Деви 56
Вишвамитра 71
Манматха 95

Часть третья

Равана 108
Валмики 136
Драупади 155

Часть четвертая

Нала 176
Савитри 193
Непарный браслет 201
Шакунтала 214

Часть пятая

Харищчандра 228
Шиби 240
Несколько слов о космогонии 249

Указатель 251

Разипурам Кришнасвами Нарайан

БОГИ, ДЕМОНЫ И ДРУГИЕ

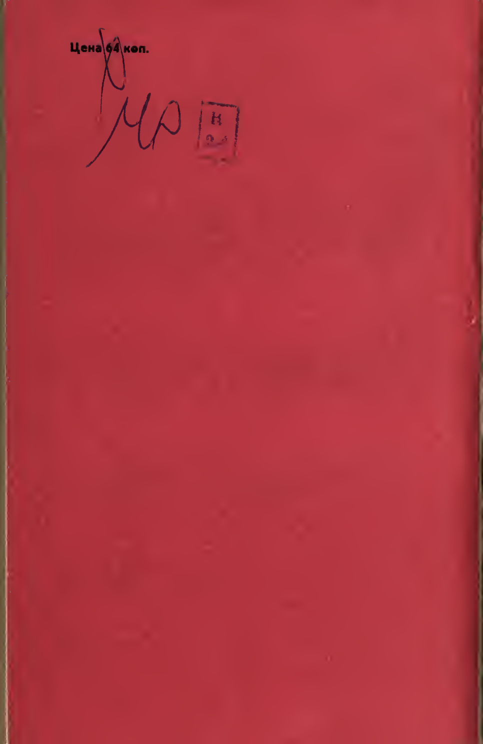
Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР

Редактор *Н. Б. Кондырева*
Младший редактор *Р. Г. Канторович*
Художник *Л. С. Эрман*
Художественный редактор *И. Р. Бескин*
Технический редактор *С. В. Цветкова*
Корректор *О. Л. Щигорева*

Подписано к печати с матриц 25/IX 1975 г.
Формат 84×108¹/₃₂. Бум. № 2
Печ. л. 8. Усл. п. л. 13,44. Уч.-изд. л. 12,83
Тираж 75 000 экз. доп. Изд. № 3105
Заказ № 4988. Цена 64 коп.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий»
Москва, Краснопролетарская, 16

Цена 64 коп.